Фронтовые дневники 1942–1943 гг

Даниил Владимирович Фибих

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Писатель-публицист Даниил Владимирович Фибих (Лучанинов; 1899 – 1975) детство и юность провел в Нижнем Ломове, сотрудничал в первых пензенских советских газетах, потом стал корреспондентом «Известий». Часто публиковался и в других центральных изданиях. Он автор повестей «Святыни», «В снегах Подмосковья», романов «Угар», «Родная земля», исторического романа «Судьба генерала Джона Турчина», пьес «Поворот», «Звонкий ключ», «Снега Финляндии».

В самом начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, героически сражался с врагом. Работая корреспондентом в армейской газете, в самые тяжелые 1941 – 1943 годы часто оказывался на передовой линии Северо-Западного фронта.

В июне 1943 года за острые, критические высказывания в своем личном дневнике Д. В. Фибих по доносу был арестован и осужден на 10 лет «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Реабилитирован и восстановлен в правах только к концу 50-х годов.

Уже в наше время, когда гриф секретности был снят с ряда дел репрессированных, я как внучка писателя ознакомилась с материалами нескольких тетрадей-дневников, хранившихся все это время в архивных фондах ФСБ. Отрывки из этих рукописей, сделанных как наброски будущих очерков и новелл, а также записок личного характера публикуются ниже. Впервые фрагменты дневниковых записок Д. В. Фибиха были опубликованы в газете «История» издательского дома «Первое сентября» (2009, № 8).

М. Ю. Дремач («Новый мир», №5, 2010)

- Даниил Фибих. Фронтовое дневники 1942–1943 гг
  - ФРОНТ – 1942 год
  - ФРОНТ – 1943 год
- notes
  - 1

Даниил Фибих. Фронтовое дневники 1942–1943 гг

Даниил ФИБИХ
ФРОНТОВЫЕ ДНЕВНИКИ 1942–1943 ГГ

(Предисловие и подготовка текста М. Ю. Дремач)

ФРОНТ – 1942 год

1 января. Новогодний подарок: утром радио сообщило о нашем десанте в Крыму – заняты Керчь и Феодосия. Это значит – освобождение Крыма, разгром и уничтожение всей Крымской группировки противника. В час ночи по радио было передано известие о взятии Калуги и о разгроме армии генерала фон Клюге. Разбито 16 дивизий. Это наш ответ на самоназначение Гитлера верховным командующим.

2 января. Был на кинофильме «Парад на Красной площади». Сталин говорил речь. Я смотрел на его слегка обрюзглое непоколебимо-спокойное, холодное лицо с черными, строгими и проницательными глазами. Ни тени волнения. Ни малейшего намека на то, что всего в нескольких десятках километров отсюда разъяренная гитлеровская армия изо всех сил рвется в Москву. Что за нечеловеческая выдержка, спокойствие и уверенность! Гигант. Поистине он имеет право с великолепным сарказмом и презрением называть тех, перед которыми дрожит весь мир, «самовлюбленными берлинскими дурачками».

Не только Германия, но и вообще Европа никогда не знали, не понимали и всегда недооценивали потенциальные силы русского народа. Буржуазные политики и государственные деятели обычно упускают из виду такой громадного значения фактор, как психология, дух, сердце народа.

Англичане были потрясены тем, что Красная армия не рассыпалась после первых ударов бронированной германской машины, а продолжала успешно сопротивляться. Даже этого они от нас не ожидали. Черчилль глубокомысленно высчитывает, что только к концу 43-го года силы союзников будут превышать силы Германии и ее вассалов. У нас на сей счет иное мнение. Если наступление будет продолжаться в том же темпе, летом нынешнего года, я уверен, Германия капитулирует. Главное – сломить дух гитлеровской армии. А это уже не за горами.

Прошедший 1941 год был годом великих испытаний. Мы перенесли их с честью. Мы многое выстрадали, многое узнали, многому научились. И прежде всего – мы узнали самих себя.

1942 год будет годом победы.

6 января. Два дня уже бездельничаю в штабе Западного фронта в ожидании попутной машины, которая доставит меня в нужное место. Буду работать в армейской газете при новой армии – 1-й Ударной. Газета, как сообщили мне в политуправлении

фронта, новая и слабенькая. Здесь ею недовольны.

Прощаясь со мной, Дедюхин сказал мне, как добраться до места назначения. Во-первых, я должен явиться в штаб фронта. Туда доставила меня попутная машина из «Красноармейской правды» – газета печатается в Москве. Ехать пришлось недалеко, километров тридцать на запад. Отсюда я поеду назад, опять через Москву, и затем сверну на север.

Штаб расположился в каком-то бывшем санатории, среди большого парка. Декоративные ели и сосны, овраги, мостики. Трехэтажный дом политуправления весь в желто-зеленых разводах – камуфляж. Остальные здания выкрашены либо так же, либо в белый цвет.

В подвальном этаже политуправления общежитие для командированных. Среди старших политруков и батальонных комиссаров, отчисленных в резерв и с нетерпением дожидающихся нового назначения, нахожусь и я. Спим на койках с пружинными кожаными матрасами. Ходим в столовую. Завтрак, обед и ужин обходятся рублей в десять в день. Кормят хорошо – мясные блюда в большом выборе. В Москве, где я пробыл почти две недели, все время у меня было чувство недоедания. Сейчас я наверстываю упущенное. Торопиться мне некуда, фронт от меня не уйдет, начальство само знает, когда меня отправить. Я не очень огорчен вынужденным бездельем, тем более что свободное время дает мне возможность писать большой очерк для «Известий» о конногвардейцах.

8 января. Четвертый день «все в той же позиции». Начальник отдела кадров, полковой комиссар Заславский, принял меня хорошо и сам как будто человек симпатичный, но его целыми днями нет. Когда будет машина – неизвестно. Начинаю нервничать, тем более что ПУРРКА дало уже телеграмму в редакцию о моем приезде. Пока что живу действительно как в санатории. Летом здесь, наверное, чудесно. Усиленно питаюсь. Вчера за обедом давали даже пиво. Я получил два стакана. С удовольствием помылся в хорошей бане. Неплохо живут в штабе фронта. По коридорам политуправления шныряют машинистки – круглозадые девочки в шинелях и сапожках. Глаза у них блядские.

Политработники, находящиеся в резерве, живут здесь иные по две недели. Я, конечно, в ином положении. Народ боевой, побывавший во всяких передрягах. Интересные рассказы. Запомнился мне рассказ о крестьянке, которая нашла в поле в снегу разбитый германский самолет и около него летчика с переломленными ногами. Женщина несколько раз приходила к

нему и била палкой, так и добила.

Эта же колхозница два дня держала у себя в погребе под картошкой раненого командира. Деревня была занята немцами.

Мальчик, работавший по заданию партизан, ночью разрядил автомат спящих у него в доме немцев. Кроме того, подложил гранаты под колеса машин. Партизаны сделали налет на село и перебили всех фашистов. Машины взорвались, едва только сдвинулись с места. Вскоре, во время боя, маленький герой погиб от шальной пули.

К сожалению, рассказчик не знал имени мальчика.

Мне думается, что, когда Красная армия подойдет к Смоленску, немцы предложат нам мир, предварительно убрав Гитлера. Взяв на себя ответственность за руководство армией, кровавый маньяк подписал свой смертный приговор.

9 января. Вечером вчера показывали нам, «резервистам», американский фильм, еще нигде не шедший, «Шампанский вальс». Киносеанс был оригинальный. В нашем большом подвальном помещении была установлена кинопередвижка, экран заменяла белая стена. Зрители сидели на койках. Каким далеким и чуждым было то, что нам показывали!

В антракте, когда вспыхнул свет, я увидел две новые фигуры. Поэт А. Тарковский и переводчик стихов Бугаевский. В военной форме, только что прибыли. Их направляют в армейские газеты. Приехали из Чистополя, где очутились после «великого драпа» 16 октября. Первый раз едут на фронт. Я – старый фронтовик, чувствую свое превосходство и немножко важничаю.

Тарковский – тонкий, черноволосый, красивый – хороший одухотворенный поэт и очень привлекательный человек. Приятно было встретить и еще приятнее было бы вместе работать.

Из рассказов моих сожителей.

Во время выхода из окружения им приходилось встречать в Смоленской области села, враждебно настроенные к Красной армии. Крестьяне, отказавшись пускать к себе голодных, продрогших командиров и бойцов, предлагали сдаваться в плен к немцем: «Там вас накормят». Наоборот, немцам охотно несли яйца и другие продукты.

Одному политработнику какой-то дед предложил:

– Отдай мне часы, получишь хлеба.

Делать нечего, политработник, вконец голодный, снял с руки свои часы и отдал. Дед за это вынес ему краюшку хлеба.

Это, конечно, единичные случаи, но все же когда слышишь такие рассказы, а потом читаешь о немецких зверствах над крестьянским населением, то испытываешь чувство

удовлетворения. Вы не ушли с нами, вы ждали немцев, может быть, даже радовались их приходу – так получайте же, кушайте на здоровье, господа мужички.

Хороший народ наши командиры и политработники. Они, правда, серые, им часто не хватает и военной и общей культуры, но человеческий материал великолепный.

И лица простые и хорошие.

10 января. Попутчик, с которым я собирался поехать, оказывается, отправляется только тринадцатого. Еще три дня! Решил сегодня же ехать поездом назад в Москву, а оттуда есть ежедневная связь с армией. Я узнал это лишь сегодня. Никто ничего не скажет толком. Даром потеряна целая неделя.

Тарковский вчера уехал в свою 16-ю. Ему повезло: сразу же нашелся попутчик – кавалерист из части Доватора. Колоритный парень в полушубке, весь увешанный трофейным оружием. На одном боку, рядом со своим наганом, немецкий маузер, на другом – красивый кортик на серебряной перевязи, за спиной германский автомат. Странное двурогое оружие, напоминающее уродливый пистолет.

Бугаевский и вчера же приехавший поэт Швецов тоже уехали – один в 10-ю, другой – в 50-ю армии.

Ходят слухи, что крупным нашим воздушным десантом занята Вязьма. Можайская группировка немцев окружена. Если это правда, то замечательно.

13 января. Вот я и на новом месте, среди новых людей.

Первые впечатления хорошие.

11-го выехали. В Б. Спасском переулке, в здании школы, где находилась военная почта, с трудом, с волнениями, переходя от надежды к унынию и обратно, раздобыл машину, идущую в армию. Папа провожал меня и помог нести складную койку. Выехали в третьем часу дня. Счастье, что мне разрешили ехать в кабине шофера, иначе не знаю, что стало бы с моими ногами, – я ехал без валенок. Мороз – под 30 градусов. Но и в кабине приходилось ежиться от холода.

Ехали долго, часов восемь. Дорога на Калинин. Занесенные снегом баррикады на окраинах Москвы, ряды железных рогаток, проволочные заграждения. Деревушки мертвые, разрушенные. Чем дальше на запад, тем все дальше будет такая картина: торчащие печи, развалившиеся избы. В сумерках проехали Солнечногорск, совсем в темноте – Клин. Отвоеванные, политые кровью места. Все чаще по сторонам дороги попадаются подбитые немецкие танки, исковерканные автомашины. Последние часы

пути еду мимо бесконечной вереницы брошенных фашистских машин. Дорога идет лесом, ели в снегу – декоративные, как в опере, на каждом шагу торчат танки, автобусы, тягачи, грузовики, наконец просто груды железного лома. Все занесено снегом. Прямо по Верещагину.

Это новый для меня пейзаж. Нечто похожее, но в очень слабой степени, я видел под Каширой. Но вот конечный пункт моей машины – Теряева Слобода. Здесь полевая почтовая станция. Мы привезли сюда газеты и корреспонденцию, мои спутники выгружают все это, чтобы ехать назад в Москву. Избушка, где находится ППС *(полевая почтовая станция. – М. Д.)*, крохотная, теснота невообразимая. Выясняю, что редакция в трех километрах отсюда, в деревне Чаща. Идти ночью, по незнакомой дороге, нагруженным, как верблюд, тяжелой поклажей?

Упрашиваю позволить мне переночевать на ППС, ничего не выходит – меня направляют к коменданту. Иду туда. Я не ел с восьми часов утра, продрог, замерз, устал. Клонит ко сну.

Комендант отводит мне ночлег в помещении комендантской роты. Сперва забираю вещи и плетусь по темной, неизвестной мне деревне. Ощупью нахожу в темноте обледенелые лестницы, сени, двери. В комендантской роте тепло и дымно. Топится железная печурка, дым ест глаза. На нарах лежат и спят бойцы. За столом читают вслух газету и оживленно комментируют. Все молодежь, кадровики. Чувствую подъем. Только что я разложил в углу свою складную койку и лег – явился посыльный. Комендант телефонировал редактору о моем приезде, и редактор сам, собственной персоной, явился меня встречать. Минут через десять, пока я укладывал вещи, он пришел сюда. Знакомимся. Высокий человек в овчинном полушубке и в валенках, лицо неврастеника. Фамилия его – Ведерник. Он ведет меня к санкам и несет сложенную мою койку.

В ожидании, пока приедут вызванные им санки, мы смотрим кинофильм «Парад на Красной площади». Кино в избе, зрителей всего несколько человек – политработники, да сверху, с печки, свешиваются головы хозяйских ребятишек. Вместо экрана – простыня. Кинопередвижка в неисправности: хрип, свист, рычание. Затем на крошечных розвальнях, где с трудом помещаются трое, мы выезжаем из деревни. Снег поет под полозьями. Давно я не ездил в санях! Звезды такие, будто их долго чистили. Морозище. Оставляем темную Теряеву Слободу, где кое-где чернеют, точно колонны, печные трубы, минуем большую колокольню и церковь с вырванными боками, перед которой стоят зенитки, и выезжаем в поле. Далекие раскаты артиллерии, вспышки выстрелов. Знакомая картина. Почти месяц

я ее не видел. Справа взлетает красная ракета, потом зеленая, снова зеленая, за ней белая… Так всю дорогу. Беседуем с редактором о газете. Он откровенно говорит, что Боев, приезжавший сюда, ругал газету – суха, скучна. Мне нравится эта откровенность.

В белесой тьме снежного поля смутно чернеют какие-то кусты, перелески.

Наконец мы в деревне. Я устраиваюсь в избе, где живут начальник отдела армейской жизни и два литработника. Все спят, темнота. Мои надежды на ужин разлетаются как дым. Полусонный Чирков, начальник отдела, познакомившись со мной и встав с постели, приносит чайник с теплым чаем, блюдце колотого сахара и черный хлеб. Изба чистая, просторная, только неприятно, что выпало стекло в одной из двойных рам, несет холодом.

Приглядываюсь к моим новым товарищам, с которыми отныне мне придется жить вместе и работать. И может быть, долго.

Старший политрук Чирков, новое мое непосредственное начальство, коренастый, спокойный, с открытым розовым лицом, с белыми зубами. Типичный кадровый командир. Начал с простого красноармейца и за 12 лет дошел до Военной академии. Очень любит порядок. Москвич. Литсотрудник Шипов и болезненный Ленский, похоже, простые и славные ребята. Первый работал раньше в «Красной звезде», второй – в железнодорожной газете. Ну что ж, будем жить вместе… С грустью вспоминаю оставшихся друзей. Как тут не хватает злого и блистательного красноречия Митрофанова, утонченной эрудиции Берцмана, молодой горячности и культурного багажа Кузнецова, лиричности музыкального Васи Хабина!

Редактор, старший батальонный комиссар Ведерник, чрезвычайно любезен и предупредителен. Стоило мне только заикнуться, как он сразу же сам выдал мне валенки – огромные, на слона – и суконную гимнастерку. Суконных брюк, которые я не получил до сих пор, у них пока нет – не выдали. Сегодня написал раешник – впервые в жизни, нужно выручать газету.

У меня приподнятое, рабочее настроение. Хочется писать хорошие очерки.

18 января. Много работаю. Никогда в жизни не писал раешников – теперь пишу. Сам предложил Ведернику. За первый напечатанный раек редактор хотел пожать мне руку. Написал сказочку «Мороз-воевода» – тоже впервые. История ее такова: в редакции валялись старые клише – мне предложили написать к

ним текст.

Кроме того, делаю очерки.

Механическая база у газеты бедная. Нет клише, нет шрифтов, плохая верстка. Газета выходит со скрипом и часто отстает на день от центральных.

Приехал писатель Вячеслав Ковалевский. Мы знакомы по Москве. Скромный, тихий, всегда в тени, способный. Автор «Хозяина трех гор» – истории Трехгорной мануфактуры. Выдвиженец Горького. Мне будет не так одиноко.

В «Известиях» напечатали мой подвал «Конногвардейцы». Как водится в газете, сильно поджали и подсушили. Десять лет не появлялась моя фамилия в «Известиях».

На днях «брал интервью» у пленного немца. Первый раз увидел перед собой живого врага. Впечатление отталкивающее и жалкое. Молодой – 32 года, бывший рабочий. Лицо и руки черные от грязи. Ноги обморожены – не может ходить. Вши на нем кишат. Сидя на стуле, ни секунды не оставался спокойным – ежился, раскачивался, может, оттого, что болели ноги, может, вши не давали покоя, а скорее всего – от того и от другого. Конечно, не фашист, не зверь и не сволочь. Несчастное пушечное мясо, страдающее неизвестно почему и за что.

Я написал очерк о пленном немце.

Армия, где я нахожусь, на правах гвардейской. Я буду получать полуторный оклад.

Плохо – нам, редакционным работникам, водки не дают.

24 января. Ездил во 2-ю гвардейскую бригаду. Первая моя поездка. Бригада из сибиряков, уральцев и тихоокеанских матросов была брошена на немцев под Дмитровом и Яхромой, разгромила их и отбросила назад. Пехотные части при этом полегли все – в строю осталось 23 человека. Дрались отчаянно, героически. Все молодежь, впервые попавшая в бой.

Поехали редактор, я и новый работник, начальник отдела информации Белкин, добродушный, разбитной и недалекий еврей, опытный провинциальный журналист. Сильный мороз – как всегда во время моих поездок. Везет! В деревне Ботово, где находился политотдел, задержались, редактор разговаривал с начальником, а мы мерзли в машине на улице. Около обледенелого колодца застрял в снегу немецкий гусеничный автобус. Провели трех пленных немцев. Пилотки, зеленые шинели, сапоги и башмаки. Шли быстро, пряча руки в карманах или закрывая ладонями уши. Волчьи взгляды. Лица, сверх моего ожидания, здоровые, не истощенные. Говорят, это обозники, бывшие танкисты, превратившиеся в пехотинцев. Никто не

обратил на немцев особого внимания – видимо, зрелище привычное. Гораздо больше интересовал всех наш самолет У-2, который брал за селом разгон и ездил по снежному полю. Собрались бойцы, мальчишки, даже выбежал из кухни повар в белом колпаке – глядели на «уточку». Прошел командующий армией генерал Кузнецов и член Военного совета Колесников. Оба в зеленых бекешах и в бурках, без оружия. Генерал маленький, смешной, ходит животом вперед. Сзади, шагах в десяти-пятнадцати, следовал боец личной охраны с винтовкой за спиной.

Поехали дальше.

По дороге то и дело мертвые немецкие машины – легковые, грузовики, вездеходы. Все изуродованное, горелое, покрытое снегом. Мы проехали несколько деревень. Там и тут еще дымились пожарища. Вчера здесь шел бой. Засыпанные снегом трупы немцев и лошадей. Немцы валялись по сторонам дороги в одиночку и кучами. Мерзлые, окоченелые в разных позах мертвецы засыпаны снегом, из-под которого торчит лишь восковая рука или красная на морозе пятка. Почти все разуты. В одной из деревень, которые мы проезжали, машина задержалась, я слез для того, чтобы рассмотреть мертвых немцев вблизи. На улице, на пустыре, лежали четверо. Один в зеленом расстегнутом мундире с красной ленточкой Железного креста. Светлые волосы, худощавый, в рот с мелкими зубами набился снег. Чистокровный ариец, сволочь! Рядом другой, такой же – совершенно голый. Кто-то начал стаскивать с него даже подштанники, да бросил на полпути. Желтая восковая кукла. Это не столько мародерство, сколько вызванное великой ненавистью желание поиздеваться даже над трупом. Мне рассказывали: красноармеец нашел убитого немецкого офицера в очках – закоченел с поднятыми руками. Его подняли и поставили в снег торчком. На этого офицера наткнулся один из моих новых коллег.

Сюжет для рассказа. В Алферьеве крестьяне вырыли большую квадратную яму и вместе с убитыми лошадьми свалили туда и трупы немцев. К валявшимся посреди села мертвецам подходили наши бойцы, рассматривали с холодным любопытством. Один ногой откинул борт зеленой куртки – показался шерстяной джемпер. «Женский», – сказал боец.

На розвальни укладывали мотоциклы, винтовки, каски. Я видел, как проехали запряженные лошаденкой крестьянские сани, к которым на буксире был прикреплен немецкий мотоцикл с коляской. На нем сидел и правил наш мотоциклист. Это выглядело почти как символ.

Дальнейшую дорогу нам преградило дальнобойное наше

орудие, которое вместе с тягачом застряло в овраге. Люди старались вытащить. Ведерник предложил мне и Белкину дальше двигаться пешком. До Бабинки, где находился штаб гвардейской бригады, оставалось, по его словам, километров шесть-восемь. Нечего делать, потопали пешком, записав маршрут и расспрашивая встречных.

Звонкий визжащий снег, оловянное солнце над головой, снежные поля. Когда весной растает снег, сколько под ним обнаружится трупов!

Снова деревни, где слабо курятся пепелища, – бойцы варят на горячих угольках картошку. Крестьянки, везущие саночки с мешками и тюками. Немцы прогнаны, можно вернуться к родному – буквально – пепелищу…

Я нашел на дороге обрывок немецкой полевой карты. Углич, Новгород. Дальше – воткнутый в сугроб шест с надписью на немецком языке «Елинархово» – указатель деревни, к которой мы подходили.

На закате добрались до деревни Бабинки. Издали еще слышалось хлопанье минометов. Бойцы, попадавшиеся по дороге, в касках, надетых поверх шапок-ушанок. То и дело черные матросские бушлаты. Находим штаб и политотдел, знакомимся с комиссаром бригады Бобровым, полковником Безверховым, начальником политотдела Никифоровым. Первые двое в черных морских кителях. За ужином нечто вроде вина. Ночуем в избе, занятой политотдельцами. Я сплю на узкой лавке. Хозяева относятся к нам, военным, необычайно предупредительно и радушно. Познакомились с немцами! Снова ставшие уже стандартными рассказы о хамстве и грубости немцев, о том, как они грабили, отбирали последнее. Знакомство с немецким народом наша деревня будет помнить сто лет. У сестры хозяйки, которая живет тут же, сгорел дом со всем имуществом – попала зажигательная бомба. «Еле успела выскочить…» Рассказывается об этом спокойно, покорно. Столько вокруг горя и разорения, что даже такое бедствие воспринимается пострадавшими как естественное.

Весь следующий день проходит в разговорах с командирами и политработниками, в отборе материала. Собрал за день достаточно. Обед с водкой. Но в общем прием далеко не такой радушный, как у конногвардейцев. Сейчас они далеко от меня.

Я должен был пробыть здесь несколько дней, но неожиданно стало известно, что получен приказ ночью сниматься и выступать. Куда? В энском направлении, за 80 километров. Бригаду должна сменить другая часть. Ночью выступаем. Нас повезут до Ботова. Едем в крытой полуторке. Мрак, невероятная теснота. Люди

путаются в ногах: «Чьи это ноги?», «Дай мне выдернуть мою ногу». Мороз еще крепче. Хоть я одет и обут достаточно тепло, но холод, черт его возьми, находит какие-то неизвестные лазейки, пробирается за шиворот, больно кусает пальцы. Тяжелый полусон-полуявь, что-то вроде бреда. Остановится машина – снаружи визг полозьев. Идут обозы – вся бригада в походе. Выглянешь из-под навеса: горящие звезды, дорога забита санями и автомашинами, рядом лошадиные морды и крупы, борта грузовиков, розвальни, на которых навалены пулеметы. Все покрыто инеем. В темноте то там, то тут пылают костры, у которых теснятся озябшие красноармейцы. Розоватый дым, искры…

О немецких самолетах сейчас не думают – пусть налетают, плевать!

Так проходит бессонная мучительная ночь. На рассвете, не доезжая Ботова, начальник политотдела сообщает нам, что машина целый день простоит здесь, в Масленникове, в ожидании, пока протянется колонна. Мы с Белкиным решаем продолжать путь самостоятельно. До Чащи километров пятнадцать.

Греемся в ближайшей избе. Из тридцати домов здесь уцелело только шесть. В избе живет несколько семей, человек двадцать. Покрытые снегом окна синеют рассветом, грязь, скученность, холод. На полу спят впритирку. На веревке через всю комнату висят портянки, тряпье. Топится железная печурка, перед ней сидит хозяйка с отупелым, апатичным лицом. Она оживляется только тогда, когда с беспокойством спрашивает нас, почему мы едем назад с фронта. Боится, что войска отступают. Между прочим, везде в деревнях, очищенных от врага, наблюдается эта тревожная настороженность: только бы не ушли наши, только бы не вернулся немец.

Мороз каленый. Желтая заря. Мы шагаем по дороге. Часть пути делаем пешком, часть – на попутной машине. Застанем ли редакцию в Чаще? Неизвестно. Прощаясь с нами, редактор предупредил, что они, возможно, переедут на новое место. Вот и Чаща. Ура! Редакция на старом месте… На следующий день мы грузимся и трогаемся в путь.

Куда именно – конечно, неизвестно. Военная тайна. Снова бессонная ночь, вернее – вечер на открытой машине на 30-градусном морозе. Мы сидим закутанные в одеяла, в пятнистые немецкие плащ-палатки…

Я не успел рассмотреть как следует Клин, где еще недавно происходили жестокие бои, куда приезжал Иден. Заметно только, что центр города совершенно разрушен. Мертвые кварталы. Каменные дома без крыш, с дырьями вместо окон и дверей. В

темноте (а я видел город только в темноте) все это скрадывается.

Комната, где мы живем вшестером, небольшая, чистенькая. Дров здесь мало, хозяева берегут, и поэтому во всех квартирах стоит собачий холод. С некоторым сожалением вспоминаем жизнь в деревне: там и топливо не проблема, и всегда можно найти спасительную картошку. А бытовые условия, в сущности, немногим отличаются от деревенских.

Не успели мы переехать в Клин, как снова направляют меня и Белкина к гвардейцам. Таинственный поход бригады закончился у Клина. Отсюда до нового местонахождения гвардейцев километров восемь-десять. На завтрашний день у них должно было состояться торжество вручения гвардейского знамени. Редактор предложил нам отправиться пешком.

– Транспорт у нас – больной вопрос.

Сотрудники мне рассказывали, что им приходилось делать, добывая материал, по 30, по 50 километров пешком. Как это отражается на качестве работы, можно судить.

Был уже вечер, темнота, и я осторожно сказал редактору, что гораздо целесообразнее было бы отправиться нам завтра, с раннего утра. Однако он мягко, но решительно заявил, что отправиться нужно именно сегодня. Спорить нельзя. Что ж, двинулись к гвардейцам ночью, пешком по незнакомой дороге. Хорошо, что ночь была светлая. Добрались наконец до села Селинского – расположение бригады. Нас встретили уже как старых знакомых.

На другой день с 11 часов утра батальоны выстроились для парада на площади перед белой каменной церковью. С одной стороны из-под снега торчали две высокие печные трубы – все, что осталось от школы, с другой – виднелись изуродованные немецкие автомашины. Все село завалено ими, есть даже брошенные пушки. Мороз свирепый. Усы, бороды, ресницы людей, меховые опушки шапок – все седое от инея. Над рядами бойцов стоит непрерывный топот ног и хлопанье руки об руку – народ греется как может. Все ждут прибытия высокого начальства. Но никакого недовольства, досады. Наоборот, люди как будто радуются морозу – каково немцам сейчас? А нам-то что, мы – народ привычный, перетерпим как-нибудь…

Наконец, пять часов продержав бойцов на морозе, прибыло высокое начальство, и парад начался. Спрашивается, к чему было гнать нас сюда именно вчера, именно ночью? Приехали сам командующий армией Кузнецов и бригадный комиссар Колесников. Привезли покрытое чехлом знамя.

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – крикнул, закидываясь от натуги назад, маленький генерал, при последнем слове даже

подпрыгнул, будто выстрелил им.

– Р-ра! – ответили ряды.

Колесников залез на полуторку, где стоял столик, и произнес речь. Говорил с волнением, побагровел. Затем короткие речи командующего армией и полковника Безверхова, церемония передачи знамени, и бригада, перестроившись, рота за ротой проходит церемониальным маршем. Ничего гвардейского не было в этих мешковатых, нестройно шагающих бойцах. Большинство из них башкиры, удмурты – новое сырое пополнение. Основные кадры пехоты полегли под Яхромой и Дмитровом. Некому было вручать ордена – награжденные в земле или в лазаретах. Во сколько человеческих жизней обойдется нам эта война?

Признаться, в простоте душевной я надеялся, что и нас, корреспондентов, пригласят на обед по случаю такого торжества, но не тут-то было. Большое начальство отправилось обедать на квартиру командира и комиссара, а к услугам нашим и прибывших кинооператоров была предоставлена столовая Военторга. Мы скромно пообедали вместе с политработниками супом-лапшой и гречневой кашей.

Вечером в темноте, оставив Белкина, я двинулся в обратный путь – нужно было срочно сдавать материал. Назад шел тоже пешком. Ночные снежные поля, лунный серп в морозной дымке, тишина и скрип снега. Неудобно шагать вот так, в валенках…

И все же что-то патетическое было в этом скромном и суровом параде, происходящем в морозную стужу, в селе, где все хранило память недавних кровавых боев.

28 января. Пока еще в Клину. Гнетущее впечатление производит городок: торчащие печные трубы, мертвые пустые дома с дырьями вместо окон и с провалившимися крышами, целые кварталы закоптелых полуразрушенных стен зданий. Особенно пострадала центральная часть города. У въезда в город, при подъеме на Крестьянскую улицу, – покрытые снегом немецкий автобус и два маленьких, разбитых снарядами танка. На стенах домов сохранились написанные мелом надписи немецких квартирьеров.

Зашел в гастрономический магазин. На полках – шары катай. Всех товаров только черный и красный перец. Как живут клинчане? Хлеб есть. Торжественное событие: коллективно помылись в бане. Для этого нужно было встать в пятом часу утра. Баня работает круглые сутки и обслуживает, конечно, армию. Моются в организованном порядке, по заявкам. Раздевшись, полчаса ждали, когда пойдет вода. Наконец полил кипяток – холодной воды так и не дождались. С грехом пополам помылись.

Хорошее правило: взамен снятого грязного белья тут же, в бане, дают чистое.

30 января. Кажется, завтра трогаемся в путь. Едем в эшелоне, по железной дороге. Давненько я не ездил в поезде. Предполагаем, что нашу армию направляют на север – выручать ленинградцев. Настроение у нас в редакции приподнятое. Почетная и ответственная задача. 25 января, после доклада нашего Военного совета, Сталин передал привет 1-й Ударной и пожелал дальнейших успехов. В связи с этим редактор поручил мне написать передовицу. Я не писал их с 1918 года.

В «Известиях» напечатана вторая моя корреспонденция – о пленном немце. Послал еще три очерка – расширенные копии того, что печатаю в «На разгром врага».

31 января. В армию приезжал Калинин и выступал перед бойцами. Хвалил действия армии. Упрекнул лишь в том, что допустили большие потери. Сказал, что теперь нам предстоит воевать в лесах. Редакция прозевала такое важное событие, как приезд Калинина, поднялся переполох. Нам, армии, поручается какое-то большое и важное дело. У нас уже поговаривают о будущих наградах.

1 февраля. Второй день сидим, как на вокзале, вещи упакованы, а когда поедем, неизвестно. Газета пока не выходит. Непривычное ощущение праздности. Настроение какое-то кислое, куда едем, конечно, никто не знает, но предполагают, что под Ленинград.

Насчет лесов, о которых якобы говорил Калинин, – неверно. Я читал стенограмму его речи. Как раз он сказал, что нам предстоит война в местности, где нет лесов. Уж не Украина ли, чего доброго?

Вчера редакция раздобыла вина, и по сему случаю было скромное пьянство. На наш армейский отдел – на семь человек – досталось шесть с половиной литров. Вино красное, сухое, сильно разбавленное водой. Принесли патефон, слушали музыку.

Вспомнились мои прежние фронтовые «банкеты», товарищи, которых я покинул, и грустно стало. Не хватает мне их общества!

2 февраля. Редакция бездельничает – все еще сидим в ожидании погрузки. Выяснилось: едем сначала в Москву, там наш эшелон переводят на другую линию и направляют в Бологое.

Ходили с Ковалевским в музей Чайковского. Двухэтажный, темно-красного цвета каменный дом расположен среди старого

сада на самой окраине города. Здесь некоторое время жил и работал Чайковский. Типичная помещичья усадьба. Ворота слегка повреждены въезжавшим сюда немецким танком. Заведующий музеем старичок охотно водил нас по опустелым комнатам и рассказывал, как хозяйничали немцы. Они пробыли здесь 21 день. Вели себя как скоты и дикари. В свое время об этом много писалось в московских газетах. Я видел разбитый бюст Чайковского, у которого, кроме того, нарочно был отбит нос.

Сейчас дом вымыт, очищен от грязи и испражнений, все по возможности приведено в порядок.

Хорошо, что большинство экспонатов в свое время были отправлены в Воткинск, где имеется филиал музея.

4 февраля. «Всё в той же позиции». Слоняемся, томимся, едим кисель, который раздобыл «наш хозяйственник» Ленский. Как будто сегодня все же тронемся в путь… Впереди напряженная боевая работа. Немцы сильно укрепились под Ленинградом, город в осаде, в кольце. Придется взламывать линию обороны. Нечто вроде прорыва линии Маннергейма.

Познакомился со стенограммой речи Калинина. Речь эта, конечно, не для широкой публики. Впервые за все время войны подчеркивание классового характера этой войны и оценка англичан как империалистов, которым, в сущности, нечего особенно доверять.

Немцы снова захватили Феодосию. Итак, блестяще начатая наша операция в Крыму провалилась. Этого нужно было опасаться: почти месяц газеты ничего не сообщали о положении на этом участке.

Нам еще предстоят неприятные неожиданности. Рано успокаиваться.

7 февраля. Пишу эти строки в деревне Мир-Онеж (как будто так) Ленинградской области. Мы обосновались здесь на ночлег. Вечер, керосиновая лампа, большой стол, за которым кроме меня пишут еще трое. Тиканье больших, в деревянном ящике часов, явно городского вида.

Четвертый день в пути на новый фронт. 4 февраля вечером погрузились в эшелон. Вокзал в Клину уничтожен немецкой бомбежкой. Мы, редакция, заняли две теплушки. Редакторат едет в классном вагоне. Кроме меня в эшелоне и АХО, и трибунал, и политотдел, и санчасть. Ночь мы стоим в Клину. Посреди теплушки топится печурка. Мы раздобыли каменного угля, я в том числе принес большую корзину. В вагоне жарко, стенки печурки наливаются мутной краснотой, все озарены снизу, на

стенках теплушки огромные тени шевелятся. Всю ночь и утро идет погрузка. Наши автомашины на платформах. Едем.

То и дело остановки, часто среди поля. Все заняты главным образом готовкой пищи: варят гречневую кашу, греют консервы, кипятят чай. На печурке стоят котелки, консервные банки, миски. Вагон дергает – мы еле удерживаемся на ногах, слышно шипение пролитой на раскаленную печурку воды, клубится пар. Под вечер принесли патефон от редактора. Приходят две наших девушки.

Ночи великолепные: яркая луна, мороз. После фронтового пейзажа глаз отдыхает на селах и деревнях. Все целехонькое, довоенное, войны не чувствуется – немец здесь не был. То, что немец сюда не заглядывал, чувствуется и на другом. На остановках вдоль вагонов ходят крестьяне, меняют на табак и мыло свой товар: молоко, лук, клюкву. За пол-литра молока требуют осьмушку махорки. Мы негодуем: спекулянты, немцев бы вам сюда! На мороженую клюкву все набрасываются с радостью. Витамины.

У нас не было уверенности, ходят ли поезда до Калинина. Оказалось – далеко за Калинин. Проезжаем Вышний Волочок. Две немецкие бомбы как раз угодили в здание вокзала. От него остался только кусок.

Бологое. К нему подъезжаем ночью. Останавливаемся в поле, долго стоим, потом осторожно трогаемся и опять надолго останавливаемся. Березниченко приносит сообщение о том, что немецкие самолеты каждую ночь бомбят Бологое. Точность попадания весьма высока. Пронюхали! Светлые ночи мешают нашим прожекторам обнаружить налетчиков.

Кое-кто переживает неприятные минуты: удастся ли благополучно проехать Бологое?

Удалось.

Под утро приезжаем на место назначения. Это вторая остановка после Бологого, станция, кажется, Лукошино. Наш эшелон останавливается на высокой насыпи. Внизу белые крыши и заснеженные деревья станционного поселка. Начинается выгрузка. Вместе с наборщиками и шоферами мы носим кипы бумаги, тяжелые кассы со шрифтами. Нести приходится вдоль всего эшелона по узкой тропке, забитой людьми, выгруженным из вагонов имуществом, лошадьми, запряженными в розвальни. Хорошо еще, что ночь светлая, ясная. В темноте такая работа превратилась бы в пытку.

Наконец – уф! – выгрузка закончена. Уже совсем светло. Морозец. Отсюда, от Лукошина, нам предстоит еще сделать километров восемьдесят на открытых машинах.

Усаживаемся, трогаемся в путь. В ближайшей к станции

деревушке останавливаемся на час и выгружаем в одной из изб привезенную нашу бумагу. Кипы перелетают из рук в руки по конвейеру – и работа идет дружно и быстро. Затем едем дальше.

Местность необычайно живописная: Валдайская возвышенность, холмистый рельеф, еловые леса, много замерзших озер. На елях белыми шапками лежит снег. Прекрасное шоссе то взлетает на горку, то спускается вниз. Мы едем быстро, хорошо. Не очень холодно. Деревни, которые приходится проезжать, совершенно своеобразного, отличного от московских и калининских, вида. Серые, бревенчатые срубы, высокие фундаменты, крыши из дранки. Север чувствуется. А самое главное, ни одного пустыря с торчащими трубами, ни одного выбитого стекла. Железная лапа войны не коснулась этих мест.

По волнистому шоссе, которое извивается среди хвойных лесов, змеей движутся конные обозы, воинские части, автомашины. То и дело проезжаешь мимо отрядов бойцов, шагающих с лыжами на плечах. Много автоматчиков, встретилось даже подразделение, вооруженное огромными противотанковыми ружьями, похожими на средневековые аркебузы. Часто мелькает то черный бушлат, то черная неморская зимняя шапка с золотым гербом. Наша 1-я Ударная. Вид бойцов здоровый, бодрый, спокойный. Очевидно, нас направляют куда-то под Новгород.

Движутся обозы, походные кухни на полозьях, много пушек, пулеметы на лыжах, пехота, артиллерия, кавалерия.

Проезжаем Валдай. Маленький провинциальный городок, совершенно не пострадавший. Ни одного выбитого стекла. Вспоминаем знаменитые валдайские колокольчики.

На снежных полях часто попадаются заграждения – протянутые в два-три ряда каменные надолбы в виде конусов. Укрепленный район.

Когда мы вечером остановились в Мир-Онеже пообедать, а затем, как выяснилось, и переночевать, произошел следующий инцидент.

Нагруженный вещами, я пересекал улицу, направляясь в избу. Навстречу вышел боец, держа синий листок:

– Вот, листовка немецкая.

Я взял у него, взглянул. Листовка была наша – для германских солдат – и сделана очень неплохо. Бисмарк указывал на Гитлера и говорил: «Этот человек приведет Германию к катастрофе». Принцип фотомонтажа. Сунув листовку в карман, я направился дальше. В эту минуту меня сзади окликнули. Через улицу бежал ко мне замредактора Лысов, батальонный комиссар. Стоя вместе с Ведерником, он видел издали, как я взял листовку,

и, очевидно по приказанию редактора, бросился ко мне сломя голову.

– Дайте листовку.

Я отдал, ничего не сказав. А можно было бы сказать. Какая трогательная забота о сохранении моей политической невинности!

Ночлег был беспокойным. В 12 часов ночи меня разбудили громкие голоса в соседней комнате. Происходило бурное объяснение между Чирковым и каким-то красноармейцем, ввалившимся в избу. Перед тем он в продолжение получаса упорно колотил в запертую дверь, чтобы его впустили. Чирков, накинувший шинель поверх нижнего белья, кричал, что помещение занято высшим комсоставом, работниками политотдела, и приказывал уйти. Однако боец плевать хотел на приказание. Ему и его товарищам – всех их было человек двенадцать – нужен был ночлег, остальное его не касалось. Бурная сцена продолжалась минут двадцать, наконец удалось кое-как с трудом выставить напористого парня. Держался он дерзко, и это больше всего возмутило Чиркова, обычно очень спокойного, выдержанного, мягкого. Не успели мы успокоиться после этого визита, как ввалилась новая партия бойцов. Опять спор, препирательства, упоминание о дисциплине, о комсоставе. Ничего не помогло. Бойцы расположились в соседней комнате (правда, она была пустая, лишь на печи спали двое наших), переночевали, а под утро ушли.

Такова дисциплина на фронте. Это то, что совершенно невозможно в германской армии.

9 февраля. 8-го утром поехали дальше. Молочная синева рассвета, падает легкий снежок, тарахтят стоящие у избы грузовики. Снова залезаем в машины, усаживаемся среди наваленных мешков и чемоданов, кутаемся плотней, трогаемся в путь.

Характер окружающей местности меняется. Красивые, поросшие темным ельником горы уступают место голым равнинам. Болотистые озерные места. Весной мы здесь поплаваем! Снова походные колонны, обозы, артиллерия. Идут, идут… наша армия. День серый, туманный. Часто слышится глухое урчание в небе. Немецкие разведчики. Следят за переброской нашей армии. У дороги дощечка: «Осторожно, мины». Наскоро сделанные загородки: минные поля.

Минуем железнодорожный разъезд. Здание станции, конечно, полуразрушенное, пустое и мертвое. На путях составы, пыхтят паровозы. Длинная вереница платформ, и на каждой из них –

громадный, окрашенный в белое наш танк. А ведь три месяца назад мы на фронте совершенно не видели танков. Среди попадающихся по дороге автомашин много новеньких английских.

Готовится грозный удар по врагу.

В полдень приезжаем в деревню Ермошкино, где должна расположиться наша редакция. Немцы отсюда в десяти километрах. Тишина, канонады не слышно. Совершенно не чувствуется фронта. Видим знакомые лица: наши спутники по эшелону. Деревня вся занята тыловыми учреждениями – нам негде приткнуться. Редактор посылает разведку в ближайшие деревни. Долгое, нудное ожидание в жарко натопленной избе, где временно расположился особый отдел. Теснота, давка, шум. Горы багажа на полу, на лавках. Здесь готовят на плите, пьют чай, бреются, читают газеты, спят, флиртуют с девушками в стеганых штанах. Женщин тут много. Особисты – народ гостеприимный. Нас – голодных и озябших – угощают горячим чаем с сахаром и с хлебом. Хлеба мы уже пятый день не видели: его заменяют размоченные в сырой воде сухари. После перерыва в несколько дней читаем московские газеты.

Под вечер получили приказ садиться в машины. Едем назад, километров за восемь, в дер. Новые Удрицы, там найдены помещения для редакции и типографии…

Наш отдел армейской жизни, семь человек, занял избу из трех комнат. Одна комната – самая большая – с выбитыми стеклами, в ней не живут. Хозяйка тихая, приветливая, с двумя маленькими девочками – недавно сюда переселилась. У нее нет даже самовара. Надежды на деревенскую картошку и на молоко разлетелись как дым. Снова эта осточертевшая гречневая размазня из концентратов. Хорошо, что хоть тепло. Я сплю на печке.

А жить, по-видимому, нам здесь предстоит долго.

Совершенно своеобразный участок фронта. Район Новгорода – Старой Руссы – Пскова. Северо-Западный фронт. Немцы сильно здесь укрепились и сидят, не двигаясь с места, вот уже шесть месяцев. Нам предстоит взламывать эти мощные укрепления.

Скоро заговорит наша артиллерия.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мимо окон по деревне один за другим проходят тяжелые танки, гремя в облаке снежного дыма.

Во время остановки в Ермошкине я зашел в политотдел и представился начальнику политотдела, полковому комиссару Лисицыну. Худое тонкое лицо, освещенное светло-голубыми глазами. Человек как будто интеллигентный, культурный.

Поговорили о моей работе в газете. Лисицын одобрил мои очерки, возразил только против раешника. Впрочем, я давно уже слышал, что раешник ему очень не понравился. «Балаган». Ну что ж, мне же лучше. Отпадает необходимость заниматься чужим для меня делом.

Моего он ничего не читал. Даже «Русских в Берлине», даже очерков в «Известиях». Просил прислать.

10 февраля. Немые деревни войны. Ни лая собак, ни крика петушьего, ни песен. Только треск и фырканье моторов да грохот немецких бомб временами.

Вчера, когда мы сидели за работой, в избу вошел рослый крестьянин с рыжеватой бородой, в черном заплатанном кожухе. Поздоровался, прошелся по комнате, внимательно осматриваясь, заглянул в печку. Все это молча. Мы спросили, не хозяйку ли он ищет. Оказалось, нет, он вернулся домой из Калининской области, куда был «вакулирован» (эвакуирован). Сам он жил в соседнем доме, а в нашей избе был его зять, который уехал вместе с семьей в Куйбышев и теперь тоже возвращается на родину. В Калининской области наш гость работал на железной дороге, получал 11 руб. в день и 900 г хлеба.

– Колхоз у нас был богатый, жили хорошо, овчарня была, молочная ферма, четыре быка-производителя, бетонированная яма силосная. На трудодень полтора кило хлеба получали да по пуду-полтора меда. Восемьдесят домиков у нас было… Пришел проклятый немец, все порушил…

По дороге сюда, под ст. Бологое, их эшелон попал под бомбежку. Восемь немецких «юнкерсов» бомбили всю ночь, с часу до семи. Были жертвы в санитарном эшелоне, но большинство бомб упало на открытом месте. Рассказывает колхозник об этом с улыбкой – «вот, дескать, какое приключение, даже забавно!».

Хозяйка наша – молодая, некрасивая, курносая, с кроткими и чистыми глазами – два месяца зимой жила с ребятишками в лесу. Собралось их там пятнадцать семей, построили шалаши – так и жили, в самые лютые морозы. Харчи захватили с собой из дому. Живуч русский человек!

Мы спросили колхозника, как же теперь устроятся те, кто возвращается назад, – ведь их дома заняты другими.

– А ничего, вместе будем жить. В тесноте, да не в обиде.

Крестьяне возвращаются домой. Это показательно. Немец уже не внушает страха. В том, что его прогонят, нет сомнения. Только скорей бы его прогнали, чтобы можно было вернуться к посевной на родину.

11 февраля. Связались со столовой Военторга, которая обосновалась в нашей деревне. Ленский, добровольно взявший на себя эти обязанности, приносит нам на завтрак и ужин гору чудесных белых пышных оладий на масле. Получаем табак, печенье, сливочное масло, консервы. Дополнительный паек.

Положительно, на войне не знаешь, что сулит завтрашний день. Прощай Новые Удрицы! Снова сборы, увязка мешков, чемоданов.

Нам предстоит марш в сотню с лишком километров. Тактическая обстановка такова: армия обходит сильно укрепленные неприятельские районы, оставляет их в тылу, блокирует и устремляется вглубь оккупированной территории. Начинается наступление на Старую Руссу.

Справа и слева от нас будут немцы. Предстоит приятная перспектива бродить пешком в таком окружении в поисках наших бригад. Это обычный в здешней редакции способ сбора материала. Транспорт – наше больное место: ходить пешком еще полбеды, но дело в том, что до сих пор я совершенно безоружен. Полгода на фронте – и все никак не могу получить наган. Даже застрелиться, если нужно будет, не смогу.

Десять дней газета не выходила в связи с нашим переездом из Клина. Тут, в Новых Удрицах, выпустили один номер, приготовили к печати второй – и снова перерыв…

13 февраля. Вторую ночь провели в Кузнецовке. Деревушка в 20 дворов. Вчера наш отдел устроил для себя баню. Воду таскали ведрами, проваливаясь в глубоком снегу. Таскал и я. Поели вечером картошки – нашлась все-таки у хозяев в обмен на махорку. Сегодня с утра – в дальнейший поход.

Мои ближайшие коллеги.

Старший политрук Чирков, начальник отдела, невысокий, розовый, голубоглазый. Открытое спокойное лицо. Аккуратен, всегда гладко выбрит, любит порядок. Человек мягкий, выдержанный. Трудолюбив – готов работать с утра до ночи. Звезд с неба не хватает. Службист: приказ начальства – закон. Крестьянский парень, комсомолец, он прошел путь от красноармейца до слушателя военной академии и редактора артиллерийского журнала. Говорит «эсли» (вместо «если»), «бывать». Узкий специалист.

Заместитель его – Аристов, политрук. Добродушный парень, был летчиком. Эпилептик или шизофреник, о чем откровенно рассказывает. Смелый. На передовых позициях всегда в самых опасных местах. Культурный уровень невысок.

Политрук Шипов. Спокойный, знает себе цену. Редеющие

волосы зачесаны назад, на подбородке ямка. Наиболее развитый и культурный среди всех. Опытный журналист: работал в «Красной звезде» и в московском Радиокомитете. Участвовал в походе в Западной Белоруссии.

Младший политрук Ленский. Коротконогий, подвижный, с острым и быстрым взглядом светлых глаз. За словом в карман не полезет. Остроумный, со своим словарем, балагур. Язык у него едкий. Жаль только, что остроумие Ленского не для печати. Рязанский железнодорожник. Работал долгое время помощником машиниста, был выдвинут в транспортную газету. На войну пошел добровольцем, заменив брата, хотя и страдает плоскостопием. Был в ополчении бойцом. Хозяйственный человек, услужливый для товарищей.

Политрук Чебулаев, самый серый из всех. «Мужичок» – называет его Ленский, и это правильно. Маленький, любит напевать отрывки из романсов и песен. Говорит медленно, смачно, по-крестьянски. Был в Мурманском крае, потом под Вязьмой выходил из окружения. Знает многих моих товарищей по роте, писателей – тех, которые пропали без вести.

Ковалевский, писатель. Фигура мальчика, лицо девушки, не первой молодости. Скромный, застенчивый, замкнутый. Тихий голос. Человек глубокий, как будто вдумчивый и неглупый.

26 февраля. Все, что я видел и перенес за полгода фронтовой жизни, – детский лепет по сравнению с впечатлениями последних дней. Вот когда мне стало понятно, что такое война!

Пишу по порядку.

Снова в пути. Белый снег, серые избы, черный ельник. Древняя новгородская Русь. Опять следы бомбежек. Часто мелькают столбики с надписью: «Карантин». В домах сыпняк.

Вечером останавливаемся в деревне, носящей странное название Вдаль. Улица забита машинами. Здесь должна размещаться редакция и типография, но помещений нет – впору ночевать на улице. У домов средние танки. В стороне под деревьями огромный КВ. В темном небе – гул, разноцветные движущиеся огоньки: наши патрулирующие самолеты. Прожектор за черными избами шарит по небу, описывая огромный круг. Вот упал на избу, озарил часового, стоящего под навесом.

Мы с Ковалевским находим пристанище в караульной роте. Командиры играют в домино, стучат костяшками. Два свободных места на нарах – роскошный ночлег!

Утром нас, два дня почти не евших, не спавших, везут дальше: сначала в 1-й эшелон, в политотдел, а оттуда на передовую за материалом. Едут человек десять. Политотдел в

Давыдове – километров 30 – 40, фронт еще дальше.

Ужасная дорога. Все время пробки. Машина поминутно вязнет в сыпучем снегу. Толкаем, вытаскиваем, везем на себе. За сутки сделали всего 20 километров. Справа и слева стрельба. Бесконечным потоком идут на фронт лыжники в белом. Молодежь, лица серые, усталые. Шесть дней в пути. Умоляют подсадить их, цепляются за машину, прикрепляют сзади свои волокуши, на которые садятся сами. Один, больной дизентерией, все-таки умолил нас подсадить его. Тонкое лицо, почти мальчик, длинные загнутые ресницы. Навстречу этому потоку тянется другой – с фронта. Раненые. Большинство раненных в руку.

Весь этот путь подвергается непрерывным бомбежкам. Немецкая авиация хозяйничает как у себя дома. Общий голос:

– Бомбит – спасу нет.

Бессонная ночь в грузовике, в дороге. Горючее вышло. Мы останавливаемся в деревне Юрьево. Вымолили у какого-то шофера литров десять бензина, достали ведро ячменной каши, поели тут же, на улице, в темноте, сидя вокруг ведра на корточках. Два дня не ели, жевали сухари – и какой же вкусной оказалась эта горячая каша!

Заправили машину, двинулись дальше, на рассвете и это горючее вышло. Оставив нашу полуторку в лесу, мы пешком продолжаем свой тернистый путь.

Под вечер добрались до Давыдова. Немец то и дело бомбит деревню, и поэтому политотдел расположился в ближайшем лесу, в шалашах. Днем на морозе, вечером возвращаемся ночевать в Давыдово. Ночью немцы не летают.

Сюда приехала труппа артистов Ленинградского театра им. Кирова (Мариинский), эвакуированных в свое время в Пермь. Все в черных ватниках, в ушанках. Со скандалом устраиваемся на ночлег вместе с ними, нас трое-четверо. Утром редактор вручает нам документы, инструкции. Вместе с начальником отдела пропаганды Максимовым направляемся в 129-ю дивизию, приданную 1-й Ударной. Срок командировки десять дней, с 15 по 25 февраля. Дивизия в наступлении. Остальные товарищи по одному, по двое направляются в другие части. Газете срочно нужен материал.

Дорога тянется глубоким оврагом по льду замерзшей реки. Синее небо, в холодном воздухе чувствуется предвесенняя талость. Движение слабое. Изуродованные конские трупы – очевидно, погибли на минах или от бомб. У одного из них крестьянин с мальчиком и с салазками отрезает куски конины. Труп немца с отрубленными ногами. Говорят, отрубают ноги бабы, чтобы снять валенки. Везут раненых. Вижу впервые трупы

наших.

То на подводе, то усевшись на прицеп к гусеничному трактору, то в закрытой полуторке эрэсовцев *(РС – реактивный снаряд «катюша». – М. Д.)*, а большей частью пешком добираемся до деревни Соколово, в районе которой расположился штаб 129-й дивизии. Деревня полуразрушена. Жителей нет. Я вижу страшную картину: на выжженном пустыре груда исковерканных машин, наших и немецких, а вокруг лежат растерзанные мертвецы. Наши. Стоит танк, около него лицом в землю полуобгорелый черный труп с голой розовой спиной. На одной ноге уцелел валенок.

За деревней лес, через него пролегала прямая шоссейная дорога на деревню Бородино. За Бородино все эти дни шел жестокий бой. Мы справляемся по карте. Где-то в лесу должен быть политотдел дивизии.

Едва выходим из деревни, как наверху появляется стервятник, идет прямо на нас. Ложимся в придорожную канаву. Под снегом вода, моя левая нога попала туда, валенок промок. В нескольких шагах от меня лежит убитый красноармеец. Окоченелая рука указывает в небо.

Гул мотора над самой головой, стрекочет пулемет, мимо вжикает пуля, затем вторая… Когда шум мотора стихает, поднимаемся и идем к лесу.

Как забыть это! Редкий лес по обеим сторонам пустынного шоссе, розово-желтый ясный зимний закат, отдаленные группы деревьев в голубой морозной дымке, тишина, покой… И конское мерзлое, растерзанное мясо на шоссе, и воздух, наполненный зловещим гудением, и дальний грохот взрывающихся бомб… Кружат убийцы и бомбят, бомбят непрерывно.

Мы проходим мимо огромной воронки у самой дороги. Совсем свежая. Валяющаяся на дороге лошадь еще поводит боками, но глаза наливаются смертной голубизной. Когда, спустя некоторое время, мы снова проходим по этому месту, лошадь уже издохла.

Расспрашивая редких встречных бойцов и командиров, долго ищем штаб. Наконец в глубоких сумерках находим его. Максимов великолепно ориентируется – я бы никогда не нашел, заблудился бы в этом лесу, в темноте, в лабиринте узких извилистых тропок.

Политотдельцы в шалаше, греются у костра. Нас встречают более чем прохладно: даже кружкой горячей воды не угостили. Ночевать предлагают устроить в Соколове. Первый раз за все время фронта я натыкаюсь на такой прием.

Делать нечего. Измученные, голодные, подавленные всем виденным, бредем назад в мертвую страшную деревню. Выбираем наиболее уцелевший дом. В темноте натыкаюсь на что-то,

лежащее у самого порога. Убитый. На втором этаже избы в разгромленной холодной комнате двое бойцов. Лица закопчены, вид неряшливый. Самодельная коптилка на столе, рядом кусок сырой конины. Печь разрушена, окна кое-как заткнуты соломой, вход за перегородку завален бревнами, досками. Холод, как на улице. У бойцов непривычно культурный язык. Оказывается, студенты из Ташкента. Были автоматчиками. Тон горечи, упадничества. «Получили диплом, а теперь приходится шагать по человечине».

Предлагают жареной конины. Не могу есть после бесчисленных виденных мною разорванных на части лошадей. Мой разговор со студентами – о войне, о необходимости все перенести. Что-то подозрительное в поведении студентов: их обособленность от других, опустившийся вид. Может быть, дезертиры? Тягостно было в этой разгромленной холодной избе, в обществе с этими отщепенцами. Мы ушли.

Спустились в подвал. Глубокая яма, на дне которой разложен костер. Дым клубами валит из двери. Несколько человек. Трое спят прямо на земле, четвертый, охая, возится у костра. «Осторожно, я раненый». Видимо, тоже дезертиры. Мы посидели несколько минут и с трудом вылезли наверх, полузадохнувшиеся и ослепшие от дыма. Не было сил оставаться.

– Ад, – сказал Максимов, очутившись на улице.

В подвале следующего дома, куда мы заглянули, битком набито. Латыши из Латвийской дивизии, хозкоманда. Гостеприимные, вежливые, культурные, милые. Предложили ночлег, угостили горячей похлебкой из гречихи. Разговоры о Риге, о будущей советской Латвии. «Нас теперь осталось немного…» Действительно, их дивизия только называется латвийской: латыши перебиты в боях под Наро-Фоминском, а комплектование сейчас идет за счет русских.

Наконец мы нашли ночлег, выспались.

Когда мы на обратном пути из 129-й дивизии снова проехали через Соколово, на месте нашего ночлега была растерзанная груда бревен. Фашистские летчики вторично разбомбили деревушку. Что стало с милыми латышами?

Утром, придя в лес, мы получили в походной кухне котелок горячего супа, достали в АХО, расположенном под навесом из веток, буханку замерзшего хлеба, выпили по 100 г и зашли в шалаш комендантской роты позавтракать. Занесенный снегом чум из хвойных веток, внутри вокруг костра ребята в белых халатах, похожие на бедуинов.

Подогрели суп, оттаяли хлеб на огне, выпили по кружке кипятка (растопленный снег) – позавтракали. Среди «бедуинов»

нашелся парикмахер, который ухитрился тут же нас побрить. Бритье проходило под гуденье немецких самолетов и грохот взрывов. Стервятники кружились над головой, бомбили и пулеметным огнем прочесывали лес.

Наконец стало тихо.

Мы двинулись в полки дивизии. Все та же прямая, как струна, дорога через лес с воронками, с конскими и человеческими трупами. Чем ближе к Бородину, тем все больше и больше их было.

Никогда я не забуду этой дороги смерти, дороги нашего наступления от Соколова до Бородина. Белый, искрящийся на солнце снег, лазурное небо и трупы, трупы, трупы… Все наши. Они лежали по обеим сторонам шоссе, застывшие в самых разнообразных позах, в растерзанной белой одежде. Некоторые вдавлены в снег – по ним проезжали сани, грузовики. Запомнился мне один – пожилой, в шинели, без шапки. Он лежал, приподнявшись на локтях, и стеклянными глазами глядел вдаль, в сторону Бородина, в сторону врага. Так и застала его смерть. Вся дорога усыпана винтовками, дисками, патронами, сумками от противогазов, самими противогазами, окровавленным тряпьем – трагический мусор войны. На снегу розовели мерзлые пятна крови. Действительно, политая кровью земля. Так на протяжении двух, трех километров. Тут наступала Латвийская дивизия.

На душе камень. Какие потери! И сколько ведь таких дорог…

Бородино за глубоким оврагом. Позиция для врага идеальная. Дымятся свежие пепелища. Бродят бойцы. На обгорелом срубе сидит рыжеусый человек в белой рубахе, в белых штанах. Глаза отсутствующие. Он еще не пришел в себя после боя. Подсаживаюсь, заговариваю. Он – ярославский текстильщик.

Немцев убитых почти не видно. Говорят, уходя, фашисты либо сжигают, либо захватывают с собой своих убитых. Лишь поодаль валяется один. На восковой руке на пальце блестит обручальное кольцо.

Идем дальше по оврагу. Деревня Ширяево – там штаб 1-го полка. На скате убитый обер-ефрейтор. Голова повязана черным платком, обут в валенки. Лежит ничком, закрыл лицо руками. В нескольких шагах от него мертвая старуха. Полы овчинного кожуха задрались, ноги раскинулись, будто бежит.

В Ширяеве мы знакомимся с командиром полка Батюком и комиссаром Винокуром и останавливаемся на двое суток.

Обстановка такова. Полк, развивая наступление, ведет яростные атаки на сильно укрепленный район. Опорный пункт противника – деревня Сыроежкино. Подступы к нему находятся под тройным перекрестным огнем. Три раза батальоны бросались

в атаку и все три раза должны были отойти назад. Раз удалось ворваться в деревню, но немцы выбили оттуда. У нас большие потери.

– Воюют, как испанцы, – говорит о красноармейцах Батюк – красный, красивый здоровяк с сиплым голосом. – Не хотят маскироваться. Это про испанцев сказано, что умирают стоя?

«Раиса» *(ракетный снаряд. – М. Д.)* дала залп по Сыроежкину. Перелет. Второй залп. Недолет. Третий залп. В штабе переполох, телефонные звонки. «Раиса» ошиблась на несколько сот метров и задела наш батальон. Хороша ошибка!

Всю ночь под окнами штаба визг полозьев, шелест сена и стоны тяжелораненых. «Умираю!» – стонет кто-то. Везут, везут… Выйдешь на улицу – яркие звезды, стукотня пулеметов, темные фигуры людей, лошади, запряженные в сани.

В самой штабной избе толчея, теснота, спящие в углах, на полу командиры. Попискивает полевой телефон, тускло светит коптилка. Тревожное настроение. Ожидают, что немцы перейдут в контратаку. Я забираюсь на горячую печку и, поджариваемый снизу, кое-как засыпаю.

Утро, как обычно, начинается отдаленным грохотом бомбежки. Где же наши самолеты?

28 февраля. Продолжаю.

Максимову нужно в 1-й батальон, за каким-то материалом для себя. Идем вместе. Выясняется, что 1-й батальон все еще в бою. По дороге густо встречаются раненые. Каждого, даже имеющего легкую рану, провожают не менее двух его товарищей. Тяжелораненых везут на лыжах или на салазках трое – третий сзади подталкивает штыком. На плащ-палатке протащили одного – голова вся обмотана бинтом, красным от крови. Раненый храпит – не хрипит, а именно храпит. Довезут ли?

– Вот, даже салазок нет. Правильно это? – с горечью спрашивает нас один из везущих.

Вдоль изгороди, вдоль дороги устроены немцами ячейки из снега, пол устлан соломой, сеном. Пиу! Пиу! – начинает свистеть над ухом. Все еще идет бой за Сыроежкино. Батюк в белом халате, в белом колпачке, надетом на ушанку, бегает по дороге, по полю.

– Г…ая деревушка, а взять нельзя, – говорит он нам. – Нет снарядов. – И снова куда-то уносится.

Нет ни снарядов, ни мин. Артиллерия наша молчит. Недаром немцы беспрерывно бомбят коммуникации.

Посидев некоторое время в снежном гнезде, направляемся обратно. Сейчас не до сбора материала.

– Плохо воюем, – вырывается у Максимова. Это суховатый,

замкнутый, некрасивый человек в очках, ленинградец, типичный средний партийный работник. Педант. Действительно, скверно воюем. Партизанщина, кустарщина.

В штаб приносят раненого комиссара 1-го батальона Шайтанова. Пулями перебита нога. Потрясающая, трогательная сцена. Не хочу повторяться – я опишу ее подробно в будущем очерке. Когда я сижу около Шайтанова, его в это время перекладывают, он от боли стиснул мою руку, сцепил зубы – у меня, чувствую, слезы навертываются… Потом приводят арестованного начальника разведки. Он спрятался во время боя. Кроме того, по его вине в штаб армии были доставлены неверные сведения. В результате наша рота, думая, что деревня свободна от немцев, наткнулась на сильный огонь и отошла с потерями. Молодой развязный парень, врет, что все время был в бою.

– Трус! Мерзавец! – кричит комиссар Винокур, замахиваясь. – Я расстреляю тебя!

– Пожалуйста, – нелепо отвечает арестованный.

Его уводят. Комиссар на прощание дает ему по шее. Через пять минут в избу входит начальник штаба капитан Уткин, кладет на стол кобуру с револьвером и ремнями и совершенно спокойно заявляет:

– Истратил один патрон.

– ???

– Расстрелял. Сам.

Вот и все. Просто и быстро.

На печке кто-то спит, видны только валенки. Его будят, дергают за ногу – никакого внимания. Начальник штаба вынимает пистолет, лезет на печь и стреляет над самым ухом неизвестного. Тот же результат. Сначала смех, потом опасение: может быть, мертвый? Человека стаскивают за ноги, и только тогда он приходит в себя, усаживается, мутно глядит на нас. Это офицер связи. На него набрасываются – как он смеет отсыпаться здесь и не передавать приказания на батарею? Немедленно идти. Выполняйте приказ.

– Есть выполнять приказ, – отвечает офицер связи и не трогается с места. Человек выбился из сил. Сколько ночей он не спал?

Потом, выйдя в сени, я увидел его. Он стоял, прислонясь к столбу, и спал.

И весь этот калейдоскоп событий, смесь трогательного, страшного, смешного на протяжении часа, не больше.

Положение напряженное. Уже нет людских резервов, в штабе собирают писарей, поваров, санитаров, обозников и, оставив лишь самых необходимых, направляют на передовую линию.

Снова сообщение, что немцы вышли из Сыроежкина в поле, окопались и, по-видимому, готовятся к контратаке. Спешно организуется заградительный отряд: останавливать тех, кто дрогнет, побежит назад. Начальник штаба дает мне револьвер расстрелянного. Так впервые за шесть месяцев фронтовой жизни я получаю личное оружие. Тема для новеллы.

– Кажется, мы с вами попали в переплет, – шепчет Максимов.

Все политработники брошены на передовую. Штаб опустел. Стало тихо. Только начальник штаба возится у двух пулеметов, притащенных сюда, – проверяет. Я помогаю бойцам набивать пулеметные ленты патронами. Ну что ж, если нужно, буду отстреливаться до последнего…

Но все кончилось благополучно.

Мы задержались в 1-м полку, желая дождаться результатов боя и дать в газету свежую информацию. Но дело затягивается, положение неопределенное, и мы решаем отправиться в соседний 2-й (518-й) полк. Он отсюда в нескольких километрах.

Над оврагом зенитно-противотанковая батарея. Четыре орудия, выкрашенных белой краской. Хлесткие удары, снаряды с шипением проносятся над головой. То, что было деревней Трохово. Пепелища, обгорелые деревья, окоченелые трупы. Уцелело два-три сарая…

В крохотной избушке находится штаб полка. Топится печурка. Тепло, несмотря на то что окно совершенно открыто. Комиссар Ибрагимов, культурный татарин. Знакомлюсь с переводчиком Канном. Юноша-москвич. Красивое лицо закопчено. По совету комиссара иду в соседнее Бабье, где стоят артиллеристы – замечательные ребята, как мне говорят. Канн вызывается проводить.

До Бабьего километра полтора, дорога все тем же извилистым бесконечным оврагом по льду. Солнечный день, белый снег, жесткое синее небо, непрерывно гудящее, как струна. Немец господствует в воздухе. Мы идем с Канном и ведем странный и дикий среди окружающей обстановки разговор в стиле Клуба писателей.

Уже видны первые сараи деревни, когда появляется немецкий самолет, идет к нам. Ложимся. Мы лежим на горбе дороги, кругом голое снежное поле. Мы отчетливо, наверное, видны сверху – два темных пятнышка на белом фоне. И спрятаться негде! Треск пулемета, знакомое вжиканье над ухом. Одиночек на дороге обстреливают, сволочи! Лежу, уткнувшись носом в снег. Отвратительное, подлое чувство беспомощности. Может, через секунду будешь валяться, как сотни уже виденных мною, как падаль, пока не сволокут тебя за ноги и не зароют в сугроб.

Немцы – те хоть по всем правилам хоронят своих. Самолет скрылся. Поднимаемся, идем к деревне. Второй раз я уже под пулеметным обстрелом с воздуха.

Долго мне будет помниться деревня Бабье! А каким отрадным было первое впечатление. Чудом сохранившаяся деревенька, даже стекла в домах почти не выбиты. Все население немцы угнали с собой, остался только полуживой старый дед на печке. На задах лежат десять мертвых немцев. Все в зеленых мундирах и штанах, в новеньких, подбитых гвоздями сапогах. Под куртками с полдюжины шерстяных джемперов и фуфаек. У одного белая каска обмотана женской горжеткой. Все они стащены в общую кучу – очевидно, немцы что-то хотели сделать со своими убитыми, но не успели.

Ночуем у артиллеристов. Артиллеристы действительно славные ребята! Всё молодежь. Командир Холькин томится: нет снарядов, батарея бездействует. Артиллеристы действуют как пехотинцы. Формируется добровольческий отряд для глубокого рейда в тыл врага – занять какой-то важный пункт. Однако отряд постигла неудача: заблудились в темноте и тумане и должны были вернуться ни с чем.

Приводят раненого командира орудия – башкира Кагирова. Просит не отправлять его в госпиталь, оставить тут.

На другой день немцы начинают обстреливать Бабье из минометов. Сидим в штабе, слушаем свист и хлопанье рвущихся мин. Все ближе и ближе. Сообщение: загорелся дом. Грохот совсем рядом, вылетают стекла в окне, около которого я сижу, на двери шкафа свежая дырка. Осколок мины пролетел в нескольких сантиметрах от меня. Становится как-то неуютно. Новый, еще более оглушительный взрыв. Вылетает второе окно, комната темнеет от дыма: мина угодила в крышу нашего дома. Легко ранен красноармеец и лошадь – находились снаружи. Максимов сидит в углу под образами – самое безопасное место – и читает или делает вид, что читает, газету. Во всяком случае, человек владеет собой. В комнату входит холод.

Наконец минометный огонь прекращается. Теперь начинается другое. Недалеко от нас ярко полыхают два дома. Около них стояли пушка и грузовик с боеприпасами. Все это взрывается в огне. Мы сидим под лестницей – тут же конюшня – и прислушиваемся к трескотне патронов и визгу разрывающихся снарядов. Сверху доносится знакомое гудение. Теперь еще парочка-другая авиабомб – и все будет в порядке.

Очевидно, нервы Максимова не выдержали. Он выходит на улицу и бежит мимо пылающих домов. Я за ним. Мы пробегаем среди треска и грохота. Вот когда я проклял свои огромные

неуклюжие валенки! Удалось благополучно миновать опасное место.

Помню потом наш обед. Переживания не отражаются на нашем чисто фронтовом аппетите. Полевая комендантская кухня стоит, дымясь, в узком закоулке между двумя амбарами. С одной стороны кухни лежит, запрокинув позеленевшее лицо, убитый красноармеец, с другой – мерзлая кровь. Повар разливает бойцам суп. Мы получаем котелок пшенного супа с мясом, забираемся в какую-то избу, брошенную разбежавшимися бойцами, и обедаем. Решаем отправиться в соседнюю деревушку Хорошево – в штаб 3-го полка.

Хорошево тоже подверглось только что обстрелу, не только минами, но и артиллерийским огнем. Знакомимся с комиссаром дивизии – бригадный комиссар Кабичкин. Большой, массивный, с курносым бабьим лицом с синими глазками. Душа-парень. Сразу устанавливает с нами простой, дружеский и откровенный тон. После мы встретились с ним на улице, когда над деревней кружились «юнкерсы».

– Ведь обидно, ребята. Как у себя дома, как на параде, – с горечью говорил он, следя за небом.

Был момент, когда мы с ним полезли в щель, вырытую на обрыве под заиндевелым деревом. Но тройка самолетов прошла над нами, не причинив неприятностей.

– Вот о ком надо писать, о тех, кто по двое суток лежит на снегу, на морозе, – говорил Кабичкин потом, сидя в штабе. – Не о них, – указывал он на штабных работников. – Конечно, они тоже работают, но это не то…

И тут же:

– А все-таки, ребята, мы ему диктуем, вот что самое важное. Мерзнем, голодаем, потери несем, а все-таки диктуем. Все-таки он не знает, откуда и как мы ударим…

Общее положение на данном участке фронта Кабичкин охарактеризовал так:

– Наверху поторопились с наступлением. Еще бы два дня подготовки…

В 3-м полку та же картина. Тут свое Сыроежкино – деревня Щетинино (может быть, Фелистово). Я уже несколько путаюсь в этой стратегической мешанине, в этом потоке впечатлений.

Опять отсутствие взаимодействия родов войск, излишние, ненужные потери, дезорганизованность, кустарщина. Собирают последние силы, бросают на линию огня писарей и кашеваров, расстреливают на месте дезертиров. Да, воюем хреновато.

А люди по двое суток лежат в снегу под убийственным огнем, лежат голодные, холодные – и, несмотря ни на что, дерутся.

Серые герои. Русский солдат остается русским солдатом. Ночуем в штабе на печке вместе с Кабичкиным. Снова и снова люди идут в атаку. Откуда у них силы берутся?

– Еще одна атака – и саперов не останется, – слышу я, будучи у саперов. Они тоже действуют как пехота. С винтовками против минометов и автоматов. Было их около семидесяти человек, осталось не больше тридцати.

Узнаем, что у 1-го полка успех: решили обойти проклятое Сыроежкино и, оставив его позади, вклинились глубоко в расположение противника. Какой ценой достался этот успех?

В Хорошеве за избами вижу одиннадцать мертвых красноармейцев. Все расстреляны – очевидно, были в плену. Раны в голову и в лицо разрывными пулями. В нескольких шагах от этой кучи замерзших трупов под завалинкой избы валяется немец. Как у многих из виденных мною убитых немцев, штаны с него сняты, а кальсоны расстегнуты. Рядом разрезанные сапоги на гвоздях. Штаны стащил свой, даже сапоги разрезал, чтобы легче снять, а заголили убитого наши. Ненависть к врагу, даже к мертвому: пусть валяется во всем сраме!

Последнюю ночь проводим снова в Бабьем и тут переживаем новое приключение. Устроились в доме, занятом связистами. Просторно, сравнительно тепло, и к тому же пол завален снопами соломы. Эта свежая солома больше всего привлекла нас. Топилась железная печурка, окна заткнуты куделью и сеном. На соломе, оказалось, спать холодно – перебрались на печку.

Я проснулся оттого, что в горле было горько и душно. Всё в густом дыму. Суета, переполох.

– Всем выходить, горим.

В полутьме лихорадочно шарю на печке, собирая шарф, противогаз, шинель, шапку. Куда девалась моя ушанка? Случайно ее нахожу и выскакиваю последним. Вся крыша пылает. Очевидно, пожар начался оттого, что ночевавшие в нижнем этаже дезертиры разложили костер и нечаянно подожгли.

Третий дом сгорает в Бабьем дотла за время нашего пребывания. Это не считая разбитых машин.

Можно думать о возвращении в редакцию. Восемь дней я провел среди пожарищ, развалин и мерзлых трупов под пулями и минами. Дорого нам будет стоить победа над Гитлером!

Назад возвращаемся сравнительно удачно – большей частью едем на санях либо на машине. Дорога от Бородина до Соколова очищена от трупов – не так тягостно ехать по ней. Навстречу колонной тянутся подкрепления. Молодые ребята в касках. «Пушечное мясо», – думаю я. Вернее, минометное. Подсев на розвальни, мы едем вдоль колонны, и в это время в небе

появляются «юнкерсы» и начинают обстреливать нас. Лесная дорога мгновенно пустеет – бойцы прячутся в придорожных канавах. Я лежу, уткнувшись лицом в солому на санях, и жду пули. Третий обстрел с воздуха.

Как странно и дико, после всего пережитого, очутиться в теплой чистой избе, где целы все окна, приветливый самовар и, мало того, парикмахер в настоящем белом халате, устроившись около русской печи, стрижет и бреет политотдельцев.

Совершенно другой мир.

Я с наслаждением стригусь и бреюсь. Получив пропуск в столовую Военторга, я ем обед из четырех блюд: лапша, холодец, рисовая каша с маслом, стакан компота. Мне рассказывают, как немец бомбил Давыдово, где еще находился политотдел. Были жертвы.

Я привез трофеи: наган, плащ-палатку (валялась около одного из десяти убитых немцев), сумку от противогаза, немецкую пилотку (принадлежала обер-ефрейтору) и пряжку от солдатского пояса с надписью: «С нами Бог».

28 февраля. Редакция в деревушке Князево. Занимаем три дома. В одном – высшее начальство, в другом – все начальники отделов и сотрудники, в третьем – типография. Теснота невообразимая, раздражающая. Меня и еще одного-двух сотрудников переселили в Малые Горбы, где помещается политотдел, – километров восемь от Князева. Живем вместе с зенитчиками. Славные, компанейские ребята. Живем в тесноте, но не в обиде.

В редакции крупное событие. Получен приказ Мехлиса, указывающий на плохое состояние газеты. Ведерник на волоске. Вчера было редакционное совещание – первое за все время моего пребывания. Критиковали работу газеты, говорили об отсутствии руководства. Досталось и писателям – то есть фактически мне. Очевидно, вся эта публика ждала от нас шедевров. Максимов оказался подловатой личностью. Доложил собранию, что я говорил в беседе с ним о наших больших потерях и что все виденное мною, по моим словам, материал не для армейской газеты, а для крупных вещей. Я должен был взять слово. Говорил прилично, спокойно, почти не заикаясь. Ведерник в заключительном слове похвалил мое выступление.

Решено вытягивать газету. Вытянем ли?

Оргвыводы из совещания. Длительные командировки (на 10 дней) отменены, так как себя не оправдали. Мне редактор поручил возглавить отдел юмора. В помощь даны другие товарищи.

Военсовет отклонил посланный в свое время редакционный список из 12 человек, кандидатов на правительственную награду. Многозначительно.

2 марта. Живу на недавно организованном при 1-м эшелоне корреспондентском пункте.

Кроме нас, двух-трех, состав которых постоянно меняется, тут находятся представители фронтовой газеты и зенитчики. Товарищи из фронтовой газеты – славные, культурные, остроумные ребята. Один – Л. Плескачевский, был в тылу, у партизан, и представлен к ордену. Другой – М. Гроссман, несколько месяцев жил в Риге. Зенитчики сильно мешают нам работать, но ссориться с ними не хочется – уж очень народ симпатичный. Снабжают их прекрасно. Государство кормит их недаром. Ежедневно начинают скрипуче стрекотать совсем рядом крупнокалиберные пулеметы, щелкать зенитки. Немцы все время вьются над нами. На днях бросили у Малых Горбов штук 12 бомб. Большинство из них не взорвалось. За два дня наши зенитчики сбили 4 – 5 самолетов. Ходили очень гордые. Выжить их с квартиры, которая фактически предоставлена только корреспондентам, было очень трудно. Только после того как приехал Ведерник и крупно с ними поговорил, они стали рассасываться по другим домам.

Работаю над «юмором», как будто получается.

4 марта. Впервые читал сегодня политдонесение. Общее положение все то же. Пока что наша армия ничем, кроме больших потерь, себя не проявляет. Наши соседи заканчивают окружение Старой Руссы, а мы по-прежнему толчемся на месте. Немцы отчаянно сопротивляются. Дьявольский народ. Сыроежкино, Щетинино, Фелистово все еще у них в руках. Почти все те командиры и политработники, с которыми я познакомился на передовой, выбыли из строя. Долговязый Канн – с ним мы разговаривали о московских малоформистах и вместе лежали под обстрелом с воздуха – ранен, видимо тяжело, и погиб бы, если бы какой-то красноармеец не вытащил его с поля боя.

Ранены командир бывшего 3-го полка Андреев, военком Печников, начальник штаба подполковник Нижегородов, ответственный секретарь Курганов – громадный, горячий, непосредственный. Помню, как сокрушался он о сильных наших потерях.

Это высший комсостав. Что же говорить о низшем, о рядовых бойцах?

Когда я покидал этих людей, у меня было чувство, что я

оставляю обреченных на смерть.

Наш маленький командарм не жалеет советской крови.

12 марта. Середина марта, а весной и не пахнет. Вьюжная февральская погода. Впрочем, это хорошо. Весна и распутица сулят мало хорошего. Скорей бы выбраться из здешних болот! Старая Русса все еще в руках немцев.

Трупами будет пахнуть нынешняя весна. Трупный запах в лесах и полях.

С «фронтовиками» – М. Гроссманом, Плескачевским и приехавшим тоже из фронтовой газеты писателем К. Горбуновым – побывал на фанерном заводе.

От Князева, где наша редакция, километров восемь-десять. Фанерный завод недавно занят нашими. От заводских корпусов остались только стены. Поселок уцелел более или менее. Подходя к поселку, мы видели проволочные заграждения, занесенные снегом дзоты, построенные с немецкой добросовестностью. Сейчас на заводе расположены четыре лазарета.

Главной целью моего и Гроссмана путешествия на фанерный завод был раненый (вернее, обмороженный) герой – танкист, восемь суток просидевший в подбитом танке. Но оказалось, что танкиста эвакуировали отсюда еще дальше в тыл. Путешествие наше оказалось неудачным.

Вышла первая страничка юмора, организованная мною. Кажется, ничего. В дальнейшем страничка будет выходить каждый четверг. Очень нравятся всем мои «Старые песни на новый лад». Наборщики и печатники напевают «Жил отважный генерал» – мою переделку известной песенки Паганеля из кинофильма «Дети капитана Гранта». Что ж, буду работать за поэта. Некий красноармеец, прочитав мою заметку «Одиннадцать» (об одиннадцати расстрелянных в Хорошеве бойцах), прислал написанные по этому поводу неплохие стихи. Приятно.

Были с Гроссманом в 254-й дивизии. Зимний лес, сосны, заваленные снегом шалаши и землянки, лошади, сани, грузовики. Дымки из-под снега, стук топоров, гул и треск падающих деревьев – строят новые блиндажи. Тишина, только изредка хлопнет вдали вражеский миномет. Дивизия держит оборону, позиционная война.

И тут рассказы о страшных потерях. Армия, страна истекают кровью. У кого скорее иссякнут людские резервы, у Гитлера или у нас?

Две ночи в блиндаже связистов. Стены и потолок из розоватых сосновых бревен, потолок частью затянут плащ-

палатками. Круглые сутки топится железная печурка. Ночью жарынь такая, что дышать нечем. Я просыпаюсь и вылезаю наружу глотнуть свежего воздуха.

В блиндаже начальника политотдела – крохотная электрическая лампочка над столом, пишущая машинка, за которой сидит маленькая стриженая девочка в гимнастерке, в глубине широкая никелированная кровать.

Столовая: бревенчатый сруб, где помещается кухня, а к нему пристроен большой шалаш. Длинный стол из двух-трех обтесанных сосен, такие же скамейки. Обед из одного-двух блюд, даже котлеты. К обеду белый хлеб. Давно я его не ел!

Попали мы удачно. Как раз происходило награждение орденами отличившихся бойцов и командиров. Было их человек около тридцати. Материал, который мне нужен. Облюбовал для себя пять человек. Пять очерков. Ведерник очень доволен: требуются герои.

Встречали нас приветливо. На второй день нашего пребывания начальник политотдела угощал в своем блиндаже водкой. Тут же в лесу под открытым небом показывали фильм «Дело Артамоновых». Я не пошел, спать хотелось. Темь – хоть глаз выколи, лес, пляшущие над землей красные искры из жестяных труб, вспыхивающие фонарики, которыми освещают путь снующие по снежным тропкам местные жители, негромкие оклики невидимых в темноте часовых: «Кто идет?» – а поодаль, за черными деревьями, – мерцающий экран. Как многообразен фронт!

Назад я возвращался один. Мне дали легкие санки, на которых с удовольствием проехался. Лошадью правил ординарец начдива Василюк, разбитной и, похоже, плутоватый парень из-под Житомира.

Всю дорогу он развлекал меня рассказами о своем колхозе, где коров «было немного» – всего 500, овец «тоже немного» – 700, кур «совсем мало» – 2000. Вообще, цифры приводились астрономические. Рассказывал, какой хороший у них был клуб, и как они организовали духовой оркестр своими силами и на свои деньги, и как бородатые дядьки приходили поиграть в домино, почитать свежую литературу.

– Расстрелял Гитлер нашу Украину…

И затем, с уверенностью:

– Ну, шесть, семь лет – и оживет Украина.

14 марта. Сильный мороз, жгучий ветер. Оконные рамы, одинарные, заросли седым инеем, клубами валит холод. Вот тебе и весна!

Наша армия вдалась длинным узким клином в расположение противника. Временами и справа и слева слышна далекая канонада. Еле слышные перекаты, огненные искры, повисающие в ночном небе, – работает «катюша».

Скорей бы выбраться весною из этих гиблых мест!

Кажется, на днях двинемся дальше.

18 марта. Продолжаем топтаться на месте. Наша армия врезалась узким клином между Старорусской и Демянской группировками противника и пытается двигаться не на запад, а на юг. Пожалуй, потом свернем и на восток. Ситуация со стратегической точки зрения оригинальная. Теоретически не исключена возможность, что мы можем очутиться в мешке.

Весной, если армия не выберется из здешних болотистых мест, могут быть большие неприятности для нас. Хорошо, что пока морозы, днем лишь чуть-чуть оттаивает.

Ударная армия – армия, предназначенная для наступления, – и такая бедная техника! Добиваемся кое-каких успехов лишь кровью, мясом. Незачем сейчас приезжать Берте *(жене. – М. Д.)*.

Познакомили нас с секретным приказом, подписанным Колесниковым и Лисицыным. Говорится о пораженческих настроениях, имеющих место в армии, о мордобое и самосудах, о пьянстве. Тех командиров, которые самочинно расстреливали и рукоприкладствовали, отдают под суд. Интересно, передадут ли суду того начальника штаба, который дал мне наган?

20 марта. Видимо, все-таки Ведерника снимут.

Вчера вечером к нам явились люди из политуправления фронта; полковой комиссар, батальонный и старший политрук. Вызвали всех сотрудников из Князева. Исповедовали каждого. Тут же был и Ведерник. Интересовались работой газеты, мерами, какие принимаются к ее улучшению, нашим мнением о газете и пр. Я высказался откровенно. Это уже вторая комиссия.

Гроссмана срочно вызвала редакция. Едет в Валдай. Мне грустно с ним расставаться. Единственный яркий человек среди окружающей серятины и посредственности. Умный, злой на язык, культурный, нервный, остроумный. Высокий, красивый, с черными усиками и слегка грассирующий.

С утра массированный налет немецкой авиации, над лесом дымки разрывов, мгла. Нервно бьют зенитки. Не то 12, не то 20 самолетов. Это немцы мстят нашим зенитчикам, сбившим за последние два дня восемь Ю-53 и «мессершмиттов» – 19.

На всех фронтах затухание. Стабилизация. «Ничего существенного не произошло». Что-то даст нам весна? В

отношении нашего участка не предвижу ничего хорошего.

Максимов получил сообщение, что у него умерла жена. Они недавно поженились, и он, видимо, по-настоящему ее любил и уважал. Она жила в Ленинграде, недавно как-то сумела выбраться, но уже поздно – силы у нее были подорваны голодовкой. Жаль Максимова…

Да, осрамилась 1-я Ударная. Не только не выручила ленинградцев, но и сами засели где-то в болотах.

Наши зенитчики и летчики часто сбивают Ю-52, поддерживающие связь с осажденной 16-й армией. Один такой «юнкерс» я видел. В лесу. Лежит на полянке, прямо на брюхе, трехмоторная гофрированная громадина. Внутри могут поместиться человек 20 – 25.

Уцелевших летчиков и пассажиров держат в наших Малых Горбах, допрашивают. Большинство сначала не желают отвечать, держатся вызывающе. На второй или третий день у них развязываются языки. Начинают говорить откровенно и обо всем. Такой откровенности предшествуют две-три хорошие оплеухи или угроза расстрела. Ковалевский, которому удалось присутствовать на таком допросе, ходил потом совсем расстроенный: «Страшная ночь!» Я не так чувствителен и мягкосердечен, как он. Дряблые, гнилые душонки. Они привыкли наслаждаться мучениями других. Вся их спесь и наглое чванство бесследно исчезают после хорошего удара по морде. В этом весь фашизм, вся его суть. Впрочем, по словам Ковалевского, «физические методы воздействия» не являются чем-то возведенным, как у немцев, в хладнокровную, садистскую систему. Делается это по-русски сгоряча, в сердцах, с тайной, про себя, виноватостью.

Как-то я зашел в баню, где сидели под стражей пленные летчики. Снаружи стоял часовой, второй находился внутри, вместе с немцами. Было их человек шесть. Двое при моем появлении встали – нижние чины. Третий демонстративно остался сидеть, не вынимая из зубов трубки. Худой, неприятное треугольное лицо, синий комбинезон. (Я потом долго жалел, что не догадался заставить его встать.) На полу на носилках лежал под одеялом тяжело раненный немец. Двое других раненых помещались на полатях, спиной к свету. Я задал несколько вопросов молоденькому пареньку, вставшему навытяжку. Он прилично говорил по-русски – по его словам, выучился у наших пленных.

– Камрад, – сказал раненый, лежавший на носилках.

– Лазарет… Шнель… Камрад. – Глаза у него были воспалены, казалось, он бредил. Теперь мы для него стали «камрадами».

На обратном пути сопровождавший меня в качестве

переводчика еврей-парикмахер беспокоился за судьбу раненого немца. Почему не оказывают ему медицинской помощи?

О, добрая, незлобливая еврейская душа!.. Лично меня вопрос о том, отправят или нет раненого гитлеровца в лазарет, интересовал меньше всего.

21 марта. С утра до поздней ночи гул и звенящий стон немецких самолетов, сопровождаемый непрерывным грохотом бомбежки. Дома трясутся, все дребезжит, хоть бомбят сравнительно далеко. Такого массированного налета еще не бывало. Когда самолет проносится совсем низко над деревней, начинают скрипеть наши зенитные пулеметы.

Настроение тревожное, подавленное. Политотдел не работает, упаковывает бумаги. Слухи о готовящемся наступлении немцев. Эта яростная бомбежка, очевидно, является прелюдией к чему-то серьезному.

И как обычно, именно тогда, когда она нужна, наша истребительная авиация отсутствует.

Под этот непрерывный грохот идет допрос пленных немецких летчиков, на котором я присутствую. Их человек десять – с двух сбитых Ю-52. Интересно, что один из самолетов был сбит выстрелами из винтовок.

Передо мной прошли трое пленных – майор, лейтенант и унтер-офицер. Странно и жутко видеть перед собой так близко своих врагов. Существа с другой планеты. У них и мозги устроены не так, как у нас. Целый день я провел на допросе вместе с работниками политотдела – переводчиками.

Майор – молодой, лет тридцать пять, летчик-наблюдатель. Худое, острое, загорелое лицо, характерная прическа «бокс», светлые стеклянные глаза. Стремительный взгляд, одет в теплое серое пальто с меховым воротником, валенки, полученные им уже в плену, взамен сапог, сгоревших при посадке. Шапка тоже сгорела – повязывает голову теплым шарфом. Держится непринужденно. Внешне очень словоохотлив, улыбается. Но эта словоохотливость обманчива. На скользкие вопросы отвечает незнанием либо дает выгодные для германской армии ответы. Врет, но временами проговаривается. Когда ему сказали, что не верят ответам, заметно покраснел.

В общем, сволочь.

Лейтенант – молоденький темноглазый мальчик в коричневом теплом комбинезоне с карманами на коленях и с бесчисленными застежками-молниями. Голова тоже повязана шарфом. Рука забинтована, левая нога без сапога, в теплом чулке, прихрамывает. У него усталое лицо и удивительная улыбка. Доверчивая, покорная, какая-то детская, она в то же время говорит: «Ну что же, делайте со мной что хотите, я в вашей власти, я готов ко всему». А вместе с тем таится что-то свое, упрямое. Он сказал, что удивлен, почему до сих пор его не расстреляли. Русские не только расстреливают пленных, но и отрезают у них конечности. По его словам, в момент пленения он хотел застрелиться, но пистолет дал осечку. Когда ему сказали, что могут его отпустить назад, с тем чтобы он рассказал товарищам всю правду о том, как с ним обращались в плену, мальчик удивленно ответил, что тогда ведь он должен рассказать и о вооружении, которое у нас видел. Нафарширован геббельсовской демагогией. Россия готовилась напасть на

Германию и расчленить ее. Германия защищается, главные виновники войны – Америка и Англия…

Честный, хороший, наверное, мальчик, вконец исковерканный гитлеровской пропагандой. На войне таких расстреливают.

Самый интересный экземпляр – унтер-офицер. Сухой, горбоносый, с длинным лицом, бывший наборщик, берлинец. Серый комбинезон – спина порвана в клочья, на голове русская ушанка. Начал с того, что он солдат, маленький человек и не имеет своего мнения (обычный трафарет). Однако оказалось, что парень может думать и думает. У него есть здравый смысл, способность логически рассуждать, какие-то проблески критической мысли. Мои политотдельцы вцепились в него. О чем только они с ним не беседовали! И о расовой теории, и об антисемитизме, и о литературе, и о перспективах войны, и о духовной силе русского народа… Или я ничего не понимаю в людях, или эта беседа несомненно произвела на парня сильное впечатление, заставила задуматься. Прощаясь с нами, он держался совсем иначе, нежели в первые минуты.

Этот может стать нашим.

Общее впечатление от всех троих, от их показаний. Немцы не потеряли надежду нас победить. Неудача под Москвой – это результат зимы. Отход вызван тактическими и стратегическими соображениями. Да, Гитлер недооценил силу России, но теперь этот промах учтен и уже исправляется. Продовольственное положение Германии приличное. Немцы не будут голодать. Да, народ утомлен войной, но верит своему правительству. Наши данные о потерях германской армии сильно преувеличены. Демянская группировка вполне обеспечена продовольствием. Даже созданы запасы. Если это даже не очковтирательство, то все же нужно помнить, кто так говорит: представители привилегированной касты, не испытавшие на себе тяжесть войны, – летчики-транспортники. Они не связаны с солдатской массой.

А все-таки не переоцениваем ли мы свои успехи?

22 марта. Сегодня ночью постучался в дверь раненный в руку боец:

– Разрешите побыть до утра… полтора месяца у костра, не видел хаты.

Все спали. Конечно, я разрешил. Он уселся у лежанки, попросил у хозяйки воды.

– Что делает!.. Все смешал с грязью… Отступаем…

Редактор нервничает. Запросили у бригадного комиссара Лисицына, какое положение. Ответ: сидеть по-прежнему на месте. Меры приняты.

Это спокойствие действует ободряюще. Утром мимо окон промчался грузовик с какой-то огромной, прикрытой брезентом наклонной плоскостью. «Раиса». Спустя несколько минут вторая, потом третья… Насчитал семь машин. Отрадно!

Неужели все-таки придется отступать? Обидно, больно… Нужно отдать им справедливость: они выбрали удачный момент для контрнаступления. Наше наступление выдохлось, дивизии и бригады измотаны, обескровлены, понесли огромные потери, боеприпасов не хватает.

Все вьются, проклятые. Голубой воздух гудит, гудит…

– Как саранча, – говорят бойцы и командиры, выглядывая из-под навесов.

– Эх, десятка бы два наших «ястребков»! Они дали бы жизни.

Нет наших «ястребков».

Когда немецкие самолеты приближаются к деревне, в поле, точно маленькие вулканы, начинают огнем и дымом бить вверх зенитки, скрипуче трещат пулеметы. Кое-как отгоняют.

Один стервятник совсем низко пронесся над крышами и прострочил деревню из пулемета. Сидя в комнате, я отчетливо слышал визг пуль за окном.

Это подлое чувство беспомощности и покорной обреченности… Как оно знакомо!

Иллюстрация к тому, как у нас хранят военную тайну. О том, что в Малых Горбах были «раисы», знают все здешние мальчишки. Спрашиваем сынишку одной из наших хозяек:

– Кто тебе сказал?

– Боец. Он при «катюше», сам говорил.

24 марта. Прощай, наше уютное житье в Малых Горбах! Второй день живем в лесу, в блиндажах. Сюда, километра за три от Малых Горбов, перебрался политотдел, весь 1-й эшелон и мы, корреспонденты. Немцы выгнали нас на холод, в лес. Пятый день не прекращается бомбежка. От зари и до зари, с перерывом на час-два (немецкие летчики в это время обедают), в воздухе беспрерывный гул, звон, вой, визг, сопровождаемый грохотом взрывов. Этот дьявольский джаз-банд вызывает скуку. Не страх, а именно скуку. Надоедает монотонность этой дикой разрушительной какофонии, скучно делается. Мне лично под бомбежку хорошо спится. Это не фраза.

22-го под вечер метрах в двухстах от нашего дома упала крупная бомба. Снежное поле черно от земли. У нас вылетела рама со стеклами. Хозяйки тут же заделали окно фанерой. Вдали, в соседних деревнях, разгораются три ярких огонька – пожары. В Малых Горбах повылетали все стекла. Очередь доходила и до

нашей деревеньки – нужно было выбираться отсюда. Ночь мы провели на старом месте, а утром простились с нашими гостеприимными хозяйками.

– Совсем уходите? – спрашивали они нас с тревогой и тоской.

Наш уход означал для них вообще уход своих, Красной армии.

– Только и пожили спокойно месяц, – горько говорили бедные женщины.

Мы простились с ними. Уцелеет ли этот дом? Что ждет людей, с которыми мы успели подружиться?.. Шура, сестра хозяйки, веселая, разбитная женщина лет тридцати, с нехваткой зубов во рту, в свое время работавшая в столовой, переживала особенно сильно. Не вынося бомбежки, весь день она провела в соседней деревеньке у знакомых. Вечером, когда стало тихо, вернулась молчаливая, на себя непохожая. Села, уставилась в одну точку. Ночью я слышал ее всхлипывания. Под утро за ней явился красноармеец из АХО. Оказалось, уезжавшие АХОвцы брали ее с собой.

– Нет, нет, не останусь, – говорила она, прощаясь,– я одна, ребят нет, лучше погибну со своими, а не с немцами. Не останусь.

Она целовала своих.

– Я вернусь, я вернусь, – повторяла она истерически.

Сестра ее, держа на руках ребенка, сидела и молча плакала, не вытирая слез.

Господи, сколько вокруг горя!

Ведерник велел нам остаться пока при политотделе и держать связь с редакцией по телефону. Двое других сотрудников отправлены в 254-ю дивизию. Сейчас там жарко.

Раннее хмурое утро. Тянутся военные обозы, едут машины, бредут бойцы – и все в одном направлении, с фронта. Отходим. Пришел связист, снял телефон и унес с собой. Скверно и горько на душе.

Переехав в лес, политотдел разместился в большом блиндаже. Перекрытия крепкие, в четыре наката. Электричество. Выкрашенная белой краской дверь. Но у самого порога глубокая лужа, куда непременно попадает, промачивая валенки, всякий вновь вошедший. С бревенчатого потолка непрерывно капает. Под нарами накопилась родниковая вода. Ее черпают прямо кружкой, пьют и похваливают. Квартира с удобствами – электричество и водопровод…

Народу здесь столько, что не протолкнуться. Однако вскоре застучали две машинки, люди разложили на коленях папки, бумаги. Политотдел начал работать как обычно.

Люди предусмотрительные, мы с Белкиным запаслись

хлебом, топленым маслом и флягой приличного портвейна. Уселись под соснами на санях, устланных сеном, и пообедали.

Вечером с одним из переводчиков решили вернуться в Малые Горбы, чтобы поужинать по-настоящему и, если удастся, переночевать на старой квартире. Были сведения, что столовая еще не эвакуировалась.

По дорогам можно двигаться только в темноте. Днем движение почти замирает. Германская авиация делает свое дело. Мы с трудом брели по дороге, размолотой обозами. Снег – сыпучий, как песок, глубокие ухабы. Пока доплелись до деревни, стали совершенно мокрыми и выбились из сил. Навстречу ползли, застревая в рытвинах, груженые возы, машины, группами и в одиночку шагали темные угрюмые фигуры. Отход продолжался. Посреди дороги остановились сани. Понуро стоит лошадь, на возу полулежит человек, не шевелится. Живой ли, мертвый? На земле валяется другая лошадь, иногда взбрыкивает ногами. Еще жива. Я хотел было ее пристрелить. Канонада совсем близко. Фиолетовые зарницы освещают дорогу. Впереди, за черными силуэтами мертвых изб, багровеет большое зарево.

Столовая Военторга застряла в ожидании машин. Подавальщицы укладывали посуду в корзины с соломой. С трудом удалось нам уговорить заведующего накормить нас. Получили чай, сахар, хлеб, много сливочного масла.

Подкрепившись и отдохнув, двинулись обратно. Ночевать здесь нам в политотделе отсоветовали: могут прорваться лыжники – финны. Да, перспектива не из приятных.

Ах, эта обреченная тишина, эта черная пустынная деревня, эта ночь отхода…

Но нет, не все потеряно. Я замечаю иной поток движения – в обратную сторону, на фронт. Движутся прикрепленные к тракторам и грузовикам тяжелые орудия, подразделения пехоты, лыжники. Проехали два пушечных броневика.

Мелочь, крохи, но все-таки какое-то подкрепление истекающему кровью фронту.

Когда мы приближаемся к темнеющему лесу, снова вспышки света, характерный удар, свист проносящейся над нами мины и справа – треск разрыва. Немцы обстреливают лес, где расположился 1-й эшелон.

Весь день над верхушками сосен кружат и кружат самолеты. Теперь они занялись нашим лесом. То и дело отрывистое – т-рр, т-рр. Прочесывают пулеметами… по три, четыре, по десятку «юнкерсов». Он сконцентрировал на нашем участке сотни самолетов. Я никогда не видел такой интенсивной, настойчивой бомбежки. Если бы у нас была авиация! Говорят, что появились и

наши «ястребки», но это, если и правда, капля в море. Впрочем, эффект от этой дьявольской бомбежки главным образом психологический. Гораздо хуже, что движение по коммуникациям днем почти парализовано.

То и дело над головой вой сирен. Новая немецкая выдумка – самолеты с сиренами. Пугают, но нам не страшно.

Бои на переднем крае с переменным успехом. Общий вывод: мы оказываем упорное сопротивление, но немцы медленно, упорно нас теснят.

Сегодня первый по-настоящему мартовский день – оттепель, туманное небо. Весна. Дорого она нам будет стоить.

Из блиндажа политотдела мы перебрались в другой. Там были связисты. Ни двери, ни печурки, груды бутылок в углах. Грохот бомб все ближе, с бревенчатого потолка сыплется песок, наша землянка выдерживает. Неуютная жизнь.

Никто не обращает особенного внимания на свистопляску в воздухе. Снуют по талым тропинкам между сосен, каждый занят своим делом. Разве станут на минуту под деревом, когда гул над самой головой. Однако многие политотдельцы чувствуют себя неспокойно.

Деталь.

Под елями, в ямках, вырытых в снегу, лежат двое бойцов. Один громко:

– Так или иначе, не жить нам на этой даче.

Действительно, не жить.

Под вечер мы находим роскошный блиндаж, хозяева которого собираются его покинуть, – теплый, высокий, с электричеством, с огромной печью, сделанной из немецкой печки. В полном восторге мы собираемся занять новую жилплощадь, и в этот момент приходит приказ: немедленно грузиться по машинам.

В несколько минут мы на машине. Уже смеркается. Нужно признаться, мы покидаем этот сосновый бор, гремящий взрывами, без особого сожаления.

Несколько раз издали доносится длинная громовая гамма. Могучие перекаты. У всех светлеют лица.

– «Катюша» заиграла!

Несколько секунд тишины, напряженного ожидания – и вот снова повторяется та же раскатистая мажорная гамма, лишь заглушенная более отдаленным расстоянием. Первый раз залп, второй – результаты его.

Но удачны ли эти залпы? Мне вспоминаются дни, проведенные в 129-й дивизии.

…Мы отъезжаем на несколько километров назад и ночью останавливаемся в какой-то деревушке. Я, по обыкновению,

залезаю на горячую печь, на какой-то подозрительный тюфяк. Возможность обзавестись вшами не пугает меня. Да, кажется, они уже завелись. Ах, баню бы! Между прочим, здешние крестьяне вместо «баня» говорят «байна». Здешний говор на «о». Выражения: «горазд», «ой, тошнехонько», «ушодцы», «пришодцы» (вместо «ушел», «пришел»).

Где редакция – не знаем. Очевидно, тоже покинула Князево. Связь с нею пока потеряна. Начинается нечто хоть отдаленно, но напоминающее октябрьские дни, наш драп из-под Вязьмы.

Вот оно, пресловутое весеннее наступление немцев!

Ночью, под утро, я час дневалю. Густой туман, движутся, вспыхивая на минуту фарами, машины. Иногда грохот, воющий свист мины – впечатление такое, что близко. У самого крыльца, слегка огороженная, лежит неразорвавшаяся мина.

Старуха во время бомбежки сидит в избе.

– Вот, птицы небесные летают! Их не надо ругать. Кому суждено – убьет, кому не суждено – не убьет…

Рассказывает о сыне, погибшем прошлым летом. Служил в армии, «в теплых краях», города она не помнит. Пришел домой. Выпив, лег на печку, заснул. Зажигательная бомба упала на крышу, на печку, убила его и сожгла дом.

– Одни косточки остались… Собрала… Головушку кирпичом придавило – осталась головушка с волосиками… Значит, так суждено ему, дома помер…

Снаружи крик:

– Падает, падает!

На крыльце тесно столпились политотдельцы, лица радостные. Из-за кромки леса тающий хвост черного дыма. Только что наши зенитки сбили бомбардировщик. При падении взорвался на своих минах.

Вскоре выяснилось; зенитчики сбили наш, советский самолет, погибло четыре человека. А немцы, несмотря на туман, нагло вертятся над головой, и им – хоть бы что!.. Впечатление от этого случая убийственное.

Вторую ночь приходится дежурить по полтора часа. Деревни, где я недавно бывал, уже оставлены нашими. В Малых Горбах немцы. Фронт катится за нами.

Ночь. Внезапно разбуженные начальником, мы торопливо уложили на машину вещи, затем вернулись в избу и сидели одетые, в полушубках и шинелях. Ждем. Чего? Неизвестно. Тускло светит висящая на крюке лампа под щитком. Полумрак. Многие спят прямо на полу, другие дремлют, сидя на стульях, скамьях. За окном перекаты орудийных выстрелов. Завывает и свистит ветер, отвечая настроению.

Эта обстановка почти нарочита. Точно театральная постановка.

26 марта. За восемь месяцев фронтов я достаточно обогащен как писатель. Я сыт войной. Я не имею ничего против того, чтобы сидеть где-нибудь в Ташкенте и спокойно, по-человечески, заниматься своим основным делом – писать очерки, повесть, пьесу о виденном и пережитом. Но сейчас моя судьба связана с судьбой армии. Я в колесах чудовищной военной машины. Вырвусь ли? И когда?

Для меня ясно одно: война будет затяжной, суровой, выматывающей. Может быть, придется пережить еще одну фронтовую зиму. С нашими порядками, с нашей системой и отсутствием нужной техники не так-то легко победить немцев. Еще не научились мы воевать как нужно. Впереди тяжелые испытания, горькие минуты, кровавые жертвы. Что ж, будем терпеть и продолжать непосильную борьбу. Это единственное, что нам остается.

28 марта. Сегодня первый день отдыха. Нет ни рева моторов над головой, ни грохота взрывов. Мы в новой деревушке, километра два от предыдущей. Вечером двинемся дальше. Связь с редакцией потеряна. Как будто она километрах в тридцати отсюда. Идти мне туда? Есть приказ оставаться при 1-м эшелоне. Кроме того, политотдел еще не нашел для себя прочной базы.

Вьюга, косой снег, но тепло. Со страхом думаю, как я буду в валенках. Сапоги мои далеко – в редакции. Все время сушу промокшие валенки.

Встретил вернувшегося сюда Плескачевского. Опять все трое вместе организовали корреспондентский пункт. Встретили и нашу Шуру. Говорит, что Малые Горбы больше не существуют: «катюша» дала по ним залп. О судьбе своих очень спокойно говорит, что, наверное, погибли. Если они даже и переселились в землянку, то оттуда их выгнали немцы – под огонь «катюши». Дом тоже уничтожен.

Громовые раскаты «катюши» слышны то и дело. Только здесь, в деревне, не менее четырех машин.

Приехал командующий фронтом Курочкин. Общее положение: контрнаступление немцев выдыхается. Ценой больших потерь они добились незначительных, в сущности, успехов. «Катюши» держат на себе весь участок фронта. Не пехота – пехоты почти не осталось. Мне рассказывали случай, когда 90 человек держат оборону на протяжении двух-трех километров. Наши дерутся героически, но нет людей. У немцев авиация, у нас

«раисы».

Впрочем, сейчас враг перебросил авиацию на другой, более угрожаемый для него участок фронта. Как будто мы готовим удар с другой стороны. Есть надежда, что положение восстановится, и, может быть, в более выгодную для нас сторону.

Тишина, отдых. Нет ни гула орудий, напоминающего морской прибой, ни бомбежки. Небо пусто и свободно, лишь иногда пронесется в нем наш «ястребок» с красными звездами.

Как легко, благостно дышится!

Сегодня на улице проезжали «катюши», становились к сараям. Временами слышался могучий грохот и спустя минуту повторялся отдаленным и ослабленным эхом. Все прислушивались с облегчением, радостным вниманием.

– Заиграла «Катерина»! Дает жизни!

29 марта. Наконец-то связались с редакцией, совершенно случайно. В доме, где мы квартируем, вчера вечером разместился филиал полевой почты. Оттуда посылали человека за корреспонденцией в то место, где находится сейчас редакция. Отправили кучу материалов. Под утро гонец вернулся с запиской от редактора. Записка очень теплая, начальство нами довольно.

На передовой линии наметился сдвиг к лучшему. Некоторые деревни снова захвачены нашими. Политотдел пока не собирается переезжать – это симптоматично.

Сегодня летная погода, в небе просинь – и снова слышен вверху отвратительный вой. Но все это далеко не в таких размерах, как недавно. Говорят, что наша авиация по ночам бомбит немецкие аэродромы, и весьма успешно. В открытый воздушный бой наши не вступают. Особенно активно работают «уточки» – безобидные У-2, «короли ночи», как их называют. Чуть темнеет – летит такая тихоходная трещотка, нагруженная бомбами, в немецкий тыл и начинает бомбить. Применяют снаряды от «раисы». В сводках эти допотопные фанерные машины звучно именуются легкой бомбардировочной авиацией.

Неважные у нас дела, если приходится прибегать к помощи таких самолетов.

Шура – веселая, розовая, чувствует себя в АХО как дома. Больше заботится о судьбе одеяла одного из зенитчиков (явно к нему неравнодушна), чем о своей сестре и знакомых. Мало того:

– Хорошо, если Мария погибла. И ребятишки.

– ???

– А куда она с ребятами пойдет?

Это говорится совершенно спокойно. От такого спокойствия мороз по коже.

Плескачевский сегодня ночью, лежа со мной на голых досках кровати, рассказал, как он расстрелял пятерых пленных немцев. Сначала трех, потом двух. Встретил их в январе на дороге – вышли из лесу с поднятыми руками, повел их. Дошли до одной деревни – военных, которым можно было сдать немцев, там не оказалось. В соседнем поселке та же картина. Куда вести? Да и надоело водить. Кроме того, опасно: ночью во время сна немцы могли прикончить своего конвоира. Плескачевский (он шел сзади) выстрелил в затылок ближайшему, потом в двух остальных. Один был ранен. Его пристрелил.

Такой же участи подверглись и два других пленных, которых он захватил немного позже. Один из них был поляк.

– Мне его было жалко, но оставить в живых я не мог. Рассказал бы…

Неприятный был этот ночной рассказ.

Мы призываем в своих листовках немецких солдат сдаваться в плен. Я сам на днях написал для политотдела такую листовку. А работники 7-го отдела жаловались мне, что расстрелы пленных продолжаются, несмотря на приказ Сталина.

– Срывают нам всю работу. Понятно, немцы боятся сдаваться в плен и дерутся до последней капли крови.

29 апреля. После войны (конечно, я говорю о победоносной) мы будем милитаристической страной. Если мы захлебывались от восторга и бряцали оружием, отвоевав две сотки у озера Хасан, то что будет после победы над гитлеровской Германией?

А победит немцев не регулярная армия – она была разгромлена в первые месяцы войны, – а весь русский народ. За это ему честь, любовь и слава!

30 марта. 28-го вечером политотдел неожиданно погрузился на машины и двинулся дальше километров за сорок, к югу. Что происходит – никто толком не знает. Ходят слухи о каких-то готовящихся нами ударах, о резкой перегруппировке сил. Для меня – писателя, присланного сюда политуправлением, места на машине не оказалось. Добирайся как знаешь. Плескачевский был глубоко этим возмущен. Я не стал скандалить и решил ехать в противоположную сторону, в редакцию, которая находилась сейчас тоже за сорок километров. Кстати, подвернулась машина, которая туда направлялась, – везла листовки для немецких солдат. В полученных здесь «Известиях» я нашел свой очерк «Проводы Кагирова». Эта приятная новость скрасила для меня неприятные переживания. Два месяца не печатали в «Известиях» моих корреспонденций. Ехал я для того, чтобы наладить

непосредственную связь с оторвавшейся редакцией, доставить материал, а заодно узнать судьбу своих вещей.

Редакцию я нашел где-то за фанерным заводом, в большом хвойном лесу, в «немецком городке». Немцы выстроили здесь десятки бараков и хибарок из необструганных сосновых бревен, все это наполовину врыто в землю и внутри обшито фанерой. Здесь расположился 2-й эшелон.

Редакция и типография занимали большой барак, отделанный внутри с претензией на изящество. Стены отделаны переплетенными в шахматном порядке полосками фанеры, внизу панель, дощатый пол. Зато холод собачий, несмотря на две сложенные из кирпичей печурки, на которых варилась пища в котелках и сушились валенки. У касс стояли наборщики, стрекотала редакционная машинка, за длинным столом трудились сотрудники, многие спали – кто на нарах, кто на полу. Горело электричество.

На другой день приехавшая кинопередвижка угостила нас фильмом «Дело Артамоновых». Каким далеким, мелким и убогим было то, что проходило перед нашими глазами! Импровизированный киноэкран находился тут же, в нашем помещении. Культработа! Организовали бы лучше баню для нас. Снова я обнаружил на себе вшей. Да и как может быть иначе? Спишь совершенно не раздеваясь, ночуешь черт знает как и где. На полу, на крестьянских печках, на грязном тряпье, бок о бок с такими же грязными людьми. Скоро я буду чесаться, как фриц.

Сегодня вечером укладываемся и уезжаем. Очевидно, поближе к 1-му эшелону.

1 апреля. 30-го марта погрузились и тронулись в дорогу. Едем на юг, ближе к 1-му эшелону, от Старой Руссы к Холму. Километров восемьдесят пути. Ехали всю ночь. Луна, мороз. То и дело пробки – стоим, ждем. В темноте крики, неистовый мат, треск моторов. К утру мы сделали половину пути. День проводим в лесу под открытым небом, на морозе. Небо полно гуда, надоевший отдаленный грохот. По десять, по двадцать самолетов то и дело проходят над нами. Большей частью транспортные – в Демянск, в осажденную 16-ю армию.

В разных углах леса хлопают ружейные выстрелы, стрекочут пулеметы. Контрастно! Часа полтора кружились над нами бомбардировщики, бомбили, прочесывали лес пулеметным огнем. Пришлось мне полежать под нашим грузовиком. Потом на целый день нас оставили в покое. Спасибо и на этом!

Погрыз ржаных сухарей. Вверху проносилась стая немецких самолетов. В это время наши зенитки сбили бомбардировщик.

Какой радостный крик раздался в лесу!

Охваченный пламенем, «юнкерс» еще некоторое время продолжал лететь, потом круто пошел книзу. Еще в воздухе он рассыпался на горящие обломки, они падали, дымились. Пылающее крыло опускалось, кружась, как осенний лист.

Под вечер, когда выплыла розовая луна, мы покинули нашу стоянку и двинулись дальше. Остальные машины с походной типографией застряли где-то по дороге, в лесу.

Чем мерзнуть целый день на холоде, разумнее было бы остановиться нам в деревне и провести день в тепле. Но, по мнению осторожного нашего редактора, в лесу было безопаснее. Между прочим, немцы как раз главным образом бомбят леса и дороги.

Глухой ночью, приехав в деревушку, я с удивлением увидел тут корреспондентский пункт. В чем дело? Что произошло? Ведь до места назначения нужно было еще ехать и доехать.

Оказывается, мы неожиданно попали в наш 1-й эшелон, который изменил свой маршрут. Что ж, тем приятнее сюрприз. Какое наслаждение после более чем суточного пребывания на холоде очутиться в тепле!

Мы сгружаем часть поклажи на снег и пешком отправляемся в ближайшую деревню, где уже разместилась редакция, – километра за три.

Деревня целехонькая – странно, дико видеть. Даже петухи поют. Она в стороне от больших дорог.

Чистая, теплая квартира, радушная хозяйка с тремя ребятишками, отдых, уют… да будет благословенна судьба, посылающая иногда и свои милости: у хозяйки лошадь, корова, козы, куры… Жизнь еще сохранилась, оказывается.

Неужели и эту деревню постигнет участь Бабьего и Малых Горбов?

2 апреля. Редакция растерялась. Где отставшие в пути наши четыре машины – неизвестно. На поиски посланы несколько партий литсотрудников. Здешняя школа, намеченная квартирьерами под типографию, захвачена прокурором армии. Мужчина серьезный, как и полагается прокурору, он попусту не захотел разговаривать с редактором, когда тот явился к нему объясняться. Есть проект поместить наборный цех в занимаемой нами квартире, а нас, сотрудников, всех вместе запихать в крошечную избу. Постараюсь перебраться на корпункт. И там не сахар, но хоть народ более симпатичный.

Бои на Западном фронте, на Калининском, не говоря уже о нашем. Немцы начали свое пресловутое весеннее наступление.

Что происходит на нашем участке, мы не знаем, оторвавшись от жизни. (Знакомая картина: октябрьские дни.) Однако, судя по общему настроению, нет ничего угрожающего.

7 апреля. Попытка немцев прорваться к своим в Демянске кончилась провалом. Теперь это видно. Ценой больших потерь им удалось захватить десятка полтора деревень, и на этом наступление выдохлось. Правда, и нам это дорого обошлось. Потери огромные. Во 2-й Гвардейской бригаде осталось 6 человек во главе с командиром Безверховым и полковым знаменем, Омская и Латвийская дивизии потеряли почти всех людей.

Отдельные деревни переходят из рук в руки.

Газета печатается регулярно.

С Березняченко двинулись вечером километров за шесть-восемь в артиллерийскую часть. Приказ самого Лисицына: хорошо дрались, нужно отметить в печати. Днем тает, с крыш капель, дороги стали темно-рыжими. Вечером подмораживает – идти легче. Видели северное сияние. Длинная беловатая полоса протянулась по небу, и от нее то в одном, то в другом месте встают вертикальные лучи, похожие на прожектора. Гаснут, вспыхивают снова.

– У нас в народе поверье: если северное сияние на небе, значит – война. Эти лучи напоминают мечи, – сказал сопровождавший нас латышский писатель Ю. Ванагс. Он хорошо говорит по-русски.

В 361-м артполку приняли нас прекрасно. Утром, едва сели завтракать, – за окном нарастающий визг бомбы, затем – трах, трах, трах, оконные стекла вылетели. Все повскакали, даже я. За деревней, над замерзшей рекой, по которой проходила дорога, метрах в 100 – 150 клубился беловатый дым. Немец подкрался незаметно, мы даже гула мотора не слышали.

Весь день недалеко от нас шла бомбежка, дом дрожал. Командиры во главе с майором Поповым то и дело ныряли в щель, вырытую тут же, в хлеву. Я оставался сидеть в избе. Березняченко, очень нервничающий при каждом появлении немецкого самолета, потом, вернувшись в редакцию, рассказывал о моем бесстрашии и о том, что я удивил этим даже боевого командира полка.

К майору приехала погостить его молодая жена, машинистка артуправления, живущая при 1-м эшелоне. Стройная, хорошенькая, с энергичным подбородком. Ей 22 года, ему 40. Познакомились и поженились на фронте. Прежняя семейная жизнь у майора была нескладной: прожил с женой 20 лет, она не раз ему изменяла, и в последний раз, приехав с фронта, он застал

у жены любовника. Майор не скрывал своей любви к новой жене, да и она, кажется, любит его по-настоящему. Березняченко рассказывал, как, сидя во время бомбежки в щели, он слышал в темноте поцелуи. Любовь на фронте. Трогательно и грустно. Тема для романа!

У майора орден Красного Знамени.

На следующий день в легковой машине майора – выкрашенная в белый цвет эмка – поехал на батарею. Поехал днем, когда немцы бомбят чуть ли не каждую машину. Ведь движение происходит только по ночам.

Батарея расположилась в редком осиновом лесу. Пушки на грузовиках, одинаково пригодные в качестве и противотанковой, и полевой, и зенитной артиллерии. Работают действительно хорошо, однако ничего, зацепившего меня как писателя, я здесь не нашел. О романтической истории майора я, конечно, не говорю.

Назад нас доставили (почти до самых наших Вязков) на той же эмке. Давно я так не ездил!

Вернувшись, обнаружил у себя на воротнике гимнастерки вшей. Этого еще со мной не бывало. Осмотрев нижнюю сорочку, нашел еще с десяток. А ведь всего пять дней назад я вымылся и переменил белье.

Что ж можно сказать о моих товарищах, которые не знаю когда мылись и меняли белье?

Все стонут и вздыхают о бане, но никто практически не займется этим вопросом. При желании можно было бы организовать коллективное мытье.

Мы кричим о «вшивых фрицах», а сами?.. Ведь мы, газетные работники, находимся в гораздо более привилегированном положении. А каково тем, кто живет в блиндажах, в лесных шалашах, в окопах? Они по два, по три месяца не мылись.

21 апреля. Весна, весна! Наступила она дружно и сразу, снег стаял быстро и как-то незаметно. Ожидаемого наводнения не было. Но мосты на Ловати и других реках снесены. Армия голодает – нет подвоза. В частях выдают по 100, по 50 г сухарей. У нас в редакции настроение пониженное – народ голодный, хмурый. Делят сухарные крошки между всеми. Переходим на самозаготовки – берем у населения картошку и мясо, где за деньги, где так. Части только этим и живут. Последние дни стали нам подбрасывать продовольствие на У-2. Сбрасывают без парашютов – мы получаем сухари, превращенные в крошки, концентраты, смешанные с сахарным песком, мятые банки консервов. Сравниваешь ежедневные, регулярные, по графику

рейсы Ю-52 над нашей головой – и злость и горечь на душе.

Ах, Россия!

Армия перешла к обороне. Узнал, был одно время проект реформировать 1-ю Ударную. Провалился!..

Сейчас бы наступать, отрезать немецкие клинья – и нет сил. Людей нет. Некому воевать. Так ли велики наши резервы, о которых мы кричим? В Латвийской дивизии новые пополнения состоят из уголовников, досрочно выпущенных из тюрем. На фронте можно встретить все возрасты, от 18 до 45 лет.

Сибиряки давно уже дерутся.

Из нашего Векшина двинулись километров за двенадцать. Время разъездов на машине давным-давно миновало. Местами непролазная грязь, местами сухо. Хорошо еще, что дорога шоссейная – соединяет Холм и Старую Руссу. Лес уже весенний, красное весеннее солнце дрожит в багровых озерцах и болотах. Жаворонки заливаются весь день, как сумасшедшие. Хорошо!..

В Севрикове нашли 44-ю бригаду. Однако ночью мы были внезапно разбужены: бригада спешно снималась, уходила с фронта. Куда? Почему? Неужели снова отступление?

Мне вспомнились заготовленные и заложенные чурбаками ящики для мин, которые я видел на шоссе. Тревожный признак.

Однако выяснилось, что 44-я перебрасывается в район деревни Борисово, где накапливаются немцы, а на смену придет 47-я бригада. Мы остались ночевать в опустевшей деревне, а рано утром по холодку, в рассуждении «чего бы покушать», отправились в соседнее Медведево, меньше чем за километр, в медсанроту. У медиков хорошо кормят, – подсказывал старый фронтовой опыт.

Действительно, завтрак нам предложили роскошный: мясной суп с картошкой и макаронами, холодец, копченый лещ и компот, правда без сахара.

Собрав здесь кое-какой материал, наша бригада потопала назад, в Севриково. Там уже были новые жители: приткнувшись к избам, замаскированные соломой, стояли «катюши». Помощник начальника дивизиона капитан Кузьмин и военком Вакштейн, нарочно отпустившие себе усы (гвардейцы!), оказались славными ребятами. Кузьмин, в прошлом горный инженер, сибиряк, совсем смахивал на Чапаева. Вакштейн – еврейский мальчик с детскими глазами и пышными усами. Оба очень гордились званием гвардейцев. Жили «катюшисты» незнатно. Ледоход и у них чувствовался. Нас угощали мучной похлебкой с клецками из ржаной муки и сухарями.

Зато вечером я получил большое удовольствие. Я добился согласия капитана присутствовать при залпе «катюши». Пришел

приказ сделать огневой налет. Как все закипело, засуетилось! Буквально через несколько минут, с быстротой пожарной команды, мы уже мчались по шоссе на передовую линию. Я сидел в кабине рядом с шофером, снаружи, на подножке, держась за дверку, стоял Кузьмин – весь азарт и нетерпение. Наша шестиколесная машина неслась по ухабистому шоссе, мимо мелькали деревушки, у домов стояли, глядя на нас, бойцы, девчата, мальчишки – все знали, что едут «катюши». Закат был зловещий: красно-лиловое небо, косой огненный свет. На окраине последней деревни (километров шесть от Севрикова) обе машины остановились, одна рядом с другой. Впереди находилось занятое немцами Соколово – то самое, где я когда-то ночевал у латышей. Теперь от него осталось пустое, выжженное место.

Номера проворно скинули брезентовые чехлы с машин. Я увидел странные, затейливо-простые, какие-то марсианские конструкции: восемь наклонно расположенных своеобразных рельсов, идущих снизу вверх. На конце каждого такого рельса, вверху и внизу, находились длинные, серые, похожие на рыб снаряды с черным хвостовым оперением. Итого шестнадцать снарядов. Две машины – залп в 32 снаряда.

Один из бойцов установил в стороне трехногую буссоль, что-то вычислял, примерялся. Все отбежали метров на десять от машин. Отошел по совету капитана и я.

– 38 – 50! – крикнул кто-то.

– Сейчас заиграет! Даст жару! – переговаривались бойцы, и лица у всех были оживленные, веселые, радостные, будто в предвкушении чего-то очень приятного.

– Готово! Внимание!.. По фашистам – огонь!..

Я закрыл уши. Но даже сквозь ладони меня оглушил длинный, раскатистый рев. «Катюша» заревела, загрохотала, заполыхала огнями. Струи белого пламени с чудовищной быстротой пронеслись перед глазами. Высоко в воздухе мелькали огненные снаряды. Казалось, они на секунду неподвижно повисли, чтобы затем исчезнуть. Потом все смолкло. С той же лихорадочной быстротой минометчики повернули назад, натянули чехлы, повскакали на машины и понеслись обратно. Следом за нами на дорогу и на деревню стали ложиться мины. Местность была давно пристреляна немцами, но мы мчались все дальше от опасного места.

– Он хочет нашу тактику разгадать, – сказал шофер, ловко крутя баранку. – Черта с два разгадаешь. Мы ребята склизкие.

Необычайное увлечение своим делом, боевой азарт, дружная, ловкая и быстрая работа – вот что бросилось мне в глаза при знакомстве с эрэсовцами. Крепкий, спаянный коллектив.

Вся эта операция – выезд на позицию, залп, обратная дорога – заняла не более получаса времени. Наблюдатели после донесли: залп был удачным. Огнем накрыли немецкие танки и машины.

На следующий день я намеревался, пользуясь удобным случаем, пройти в 1-й эшелон, в Козлово, перепечатать на машинке заготовленный рапорт, вручить его бригадному комиссару Лисицыну и поговорить с ним лично. В рапорте я указывал на то, что меня используют как писателя недостаточно, просил разрешить мне жить постоянно при корреспондентском пункте при политотделе, пользоваться политотдельскими материалами для корреспондирования в центральные газеты, а также дать возможность связаться с партизанами.

До Козлова от Севрикова было километров семь. Я зашагал в Козлово, переночевал там и с перепечатанным рапортом в кармане утром направился в соседнее Веревкино, где расположился штаб армии. Впускали туда лишь по особым пропускам, входить разрешалось не по дороге, а стороной, по берегу реки. Боязнь немецких самолетов.

Лисицын там жил.

Часа полтора я и знакомый батальонный комиссар дожидались, пока Лисицын проснется. Накануне он работал до пяти часов утра. Мы сидели сначала на завалинке, рядом с часовым, потом вошли в дом, в кухоньку, за перегородкой тикали деревенские ходики. Время шло! Но вот наметились признаки пробуждения начальства: адъютант, политрук, понес чистить сапоги комиссара, пришла молодая женщина, неся завернутый в полотенце завтрак. Я увидел белый хлеб и вспомнил бойцов, получающих в окопах по сто грамм ржаных сухарей. Наконец вышел Лисицын в синей фуфайке, заспанный, поздоровался с нами, умылся над кадкой, адъютант ему поливал воду на руки, и пригласил к себе в комнату первым батальонного. Затем наступила моя очередь. Лисицын внимательно прочел мой рапорт и первым делом спросил, знаком ли с ним редактор. Узнав, что нет, бригадный комиссар мягко объяснил мне, что в армии существует такой порядок: со всяким рапортом нужно обращаться к непосредственному и прямому начальству. Это я знал и без него.

В конце беседы он сказал, что предоставит мне полную возможность пользоваться материалами политотдела (нынешняя отдаленность 1-го эшелона от редакции явление, конечно, временное), что я вполне могу корреспондировать в центральные газеты, что с партизанами я могу связаться.

– Я еще раз прочту ваш рапорт, потом обсудим с редактором, – закончил бригадный. – А в следующий раз в таких случаях

обращайтесь по инструкции, как полагается в армии.

Я откозырял, повернулся и ушел несолоно хлебавши.

Из Козлова я снова направился в Севриково, в надежде на то, что 47-я уже пришла туда.

Мост у Красного Ефремова, который я накануне переходил, теперь был снесен ледоходом.

На том берегу под кручей лежали бревна, звонко стучали топоры. В одном месте образовался затор, бойцы переходили реку по сгрудившимся льдинам. Перешел и я.

47-я действительно была в Севрикове.

Собрав нужный материал, я зашагал в соседнее Медведево к знакомым уже медикам, обосновался тут и два дня жил как у Христа за пазухой. Гостеприимные врачи угощали меня вкусными обедами, чудесной своей выпечкой, свежим хлебом, какого я давно не едал, компотами. Я подстригся, побрился, сделал по настоянию начсанбрига прививку себе от дизентерии, брюшника, паратифа и столбняка – все это одновременно. Мы подружились с начсанбригом Либефортом. Высокий, с белокурыми вьющимися волосами, в очках, умный мальчик, ироничен, начитан, любит литературу, но по молодости лет не прочь поиграть в строгого начальника перед подчиненными, такими же мальчишками, как и он сам. Мы рассказывали друг другу анекдоты и философствовали о войне, лежа на ворохе соломы под голубым весенним небом.

Между прочим, в бригаде было обнаружено несколько больных сыпняком. Это, кажется, первый случай. Либефорт ходил озабоченный, отдавал строгие распоряжения профилактического характера. Я спросил его, какова причина этой вспышки.

– Весна, – улыбнулся он. – Ничего не поделаешь. Как ни боремся, какие карантины ни устанавливаем, ничего не помогает. Бойцы общаются с местным населением. Близкое знакомство с вшивыми девицами – и вот вам результаты. Весна!

Я пробыл в командировке ровно неделю. Назад в свое Векшино шел по совершенно сухой дороге. Половину пути проделал пешком, затем, к счастью, нагнала меня повозка, где сидел военный, согласившийся меня подвезти. Он ездил заготовлять картошку и мясо. Дорога шла лесом, за елями и голым осинником пылало низкое вечернее солнце, кругом было тихо – ни стрельбы, ни проклятого гудения в вышине. Проехали мимо нескольких бойцов на опушке, один из них, сидя на пне, играл на баяне. Ничто не напоминало фронта, войны.

– В мирное время тут бы теперь что было! – сказал мой попутчик. – Пташки поют, девки поют, цветы цветут… Эх!..

Вернувшись в редакцию, я сразу попал на совещание. Важное

событие: по приказу ЦК партии формат армейских газет сокращается вдвое. Вместо четырех полос мы будем выходить на двух. Недостаток бумаги. Это означает предстоящее сокращение штатов.

Во всяком случае, мне, писателю, теперь в газете делать нечего. Очевидно, дни дальнейшего моего пребывания в редакции сочтены. Я думаю об этом не без удовольствия. Что-то пошлет судьба? Куда теперь меня бросят?

Почта не работает. Ни писем, ни газет. Мы отрезаны от мира. Хотел послать старичкам продовольственную посылку, деньги – и не могу.

Подписался на новый заем – на 1800 р. – полуторный оклад (от основного). Это значит, что в будущем месяце если я еще сумею получить зарплату, то лишь смогу с трудом выделить деньги на содержание семьи. Мой оклад – 1200 основных, плюс 50% гвардейских, плюс 25% полевых. В общем – 2250 в месяц. 1250 р. посылаю родным и Берте.

23 апреля. Мы перешли к «активной обороне». Вероятно, и на других фронтах та же картина. Наше зимнее наступление выдохлось. Мы отбросили врага, но дальше Можайска так и не продвинулись, а здесь, под Ленинградом, неся огромные потери, почти два месяца топчемся на месте. Настроение у меня пониженное. Я не вижу перспектив. Очевидно, война взатяжку, на измор.

Наши доморощенные стратеги рассуждают так: сейчас основная задача – перемолоть весенние резервы Гитлера, сорвать его пресловутое весеннее наступление, а там мы покажем…

Не знаю. Посмотрим…

В 47-й бригаде я познакомился с командиром бригады полковником Лысенковым. Колоритная фигура. Бывший моряк. Когда мы вошли в избу, где он жил, полковник только что пообедал и, очевидно, выпил. Мы долго сидели у него, беседовали. Он держался просто, говорил с нами откровенно, чувствовалось – уважает представителей печати, человек интеллигентный. У него привлекательное лицо – умное, волевое, энергичное, с серьезными глазами. Речь выразительная, любит крепкое словцо, говорят, великий матерщинник. Пожаловался, что его обходят наградами и орденами.

– Воюешь, воюешь, и, кажется, неплохо, а вот до сих пор ни одного ордена… впрочем (спохватился тут же), карьеристом я никогда не был. Выполняю свой долг.

Действительно, на груди у него лишь одна медаль за 20-летнюю службу в армии.

Он не прочь похвастать.

– Я выучил немцев. Огня не открывают. Они из ручного пулемета – я двумя станковыми. Они минометом, я – десятью. Они из пушки, я – целой батареей… Шелковые стали. По деревне у них на глазах разгуливают бойцы, а они молчат, ни гу-гу. А сейчас у меня народ блиндажи строит.

Говорят, блиндажи и укрепления у Лысенкова действительно строятся на совесть.

Он боевой, храбрый, энергичный командир, человек горячего нрава, крутой, бешеный. Либефорт рассказывал мне, что Лысенков застрелил собственной рукой у себя в комнате какого-то командира. Жена полковника с ним вместе. Пожилая худощавая женщина в синем берете с медалью на груди, кажется – фельдшер. Она рассказывала нам, как по приказанию мужа под сильным огнем вывозила раненых.

Немцы, побывавшие в этих краях, вели особую политику. Население не обижали, старались жить в ладу. Здесь и петушиный крик услышишь, и поросенка и кур, коз увидишь. Зверств не было. Мне рассказывали бабы, как жившие у них немцы угощали их колбасой, вином, кофе. Питались хорошо. Многие крестьянские девушки вышли замуж за немецких солдат и, когда те отступали, ушли вместе с мужьями. Говорят, потом на дорогах наши находили трупы расстрелянных девушек. И все же, несмотря на немецкое миролюбие, население радовалось приходу Красной армии.

– Хоть мы зла от немцев не видели, а все-таки не свои, чужие…

Однако отношение к нам не такое гостеприимное и приветливое, как в других районах, освобожденных от оккупации. Жмутся, берегут свои запасы. «Родный, родный» – а картошку выпросишь с трудом.

В Севрикове эрэсовцы говорили мне, что недавно была задержана подозрительная старуха. Созналась, что ее завербовали немцы в Демянске. Всего послали двенадцать женщин и мужчин собирать шпионские сведения.

При мне там же был задержан человек, служивший у немцев полицейским. Сообщила в Особый отдел местная комсомолка. Я видел его. Молодой, здоровый парень в полувоенной одежде. Круглая красная рожа, голубые, наглые, таящие что-то свое глаза, рыжая, нарочно отпущенная бородка. Держался очень спокойно. При первом беглом обыске нашли у него записку, где каракулями было записано, что и где зарыто – мука, сапоги, «барахло» и пр., все это мешками. Чье? Его или других?

Когда его вели по деревне, здешние жители подходили к

нему, давали прикуривать, дружелюбно, по-свойски разговаривали.

24 апреля. Явился к нам по пути на корреспондентский пункт Плескачевский. Идет из Валдая, из своей редакции, пятый день. Прошел 130 километров пешком. По его словам, о положении на фронте там ничего не знают. Долго сидели на бревнах за избой, беседовали по душам. До сих пор мосты не построены, мы отрезаны от мира. На чем держится фронт, лишенный продовольствия и боеприпасов?

Плескачевский указал на вены на своей руке:

– На жилах.

Самый тяжелый из всех фронтов – наш, Северо-Западный.

Будь немцы здесь поактивнее – мы бы попали в знатную передрягу!

Человек смелый и отчасти авантюристического склада, Плескачевский признался мне, что хочет перебраться к себе на Украину, в немецкий тыл. Опыт у него уже есть. Намекал на какие-то грандиозные предприятия, в которых будет участвовать. Это попахивает Майном Ридом.

На 1 мая он хочет побывать у знакомых партизан и пригласил меня. Оказывается, сам Ведерник в разговоре с ним предложил это сделать. Значит, была беседа с Лисицыным!

Вечером, зайдя по делу к редактору, я в этом убедился. Тихим голосом Ведерник сказал мне, что читал мою докладную записку, что не одобряет ее, что я не прав, гнушаясь черной работой. В сущности, сказал он, что такого особенного, капитального, запоминающегося написал я, работая в газете?

Я ответил, что на протяжении ста строк (размер очерка) трудно создать капитальное произведение. Что же касается качества моей продукции, то лучший показатель то, что некоторые очерки перепечатывают центральные газеты. И вообще, понимающие меня люди хвалят мои очерки. Я бы мог сказать больше, но воздержался.

Тогда шеф заговорил о присвоении мне очередного звания. Пора уже! Пусть я зайду в политотделе в отдел кадров.

– Тридцатого вы с Плескачевским пойдете к партизанам.

Я попросил разрешения перейти фронт и провести в партизанском отряде недели две. Ведерник согласился:

– Только недели две, не больше. Все-таки вы работаете в газете.

Итак, расчет мой оказался правильным, рапорт возымел свое действие. Даже о второй шпале заговорил мой начальник.

Почему я решился на такое рискованное предприятие, как

путешествие в немецкий тыл?

Личное знакомство с партизанами и их жизнью должно восполнить важный пробел в моих писательских впечатлениях от фронта. Партизаны, пожалуй, более заманчивая тема, нежели жизнь действующей армии.

Надеюсь, голову не сложу. А сложу – что ж поделаешь, такая, значит, судьба!

О своем намерении в редакции, конечно, никому не говорю. Не знаю, кто из моих коллег, всех этих военных людей, панически боящихся бомбежек, сам, по своей воле, захотел бы пойти к немцам!

Если что случится со мной, жаль старичков и Берту.

Для них это будет большим горем.

25 апреля. Несколько дней не видел не только хлеба, но и сухарей.

Вчера наш художник Сайчук, повязав голову платком, пек в русской печи хлебцы из сухарной пыли, картошки, гороха и еще чего-то. Получилось вкусно. Варим картошку с мясом или суп из пшена, картошки и консервов. Едим без хлеба. Питаемся два раза в день: обед и ужин. Дороги и мосты до сих пор неправлены, и когда это будет – неизвестно.

27 апреля. Со слов одного раненого майора.

Наши два раза врывались в Старую Руссу и всякий раз должны были отойти, не получая вовремя обещанных подкреплений.

Взаимодействие!

Рассказывает, как работают немцы. По часам – буквально. С 2 до 3 часов ночи минометный огонь. Ровно час. Затем все стихает. С 10 до 11 утра – ураганный артиллерийский обстрел, за этот час насчитал 117 выстрелов. Наши потери в результате такого огня? Двое легкораненых. Всего-навсего! Рассказывают об успешных действиях нашей авиации. Новейшие бомбардировщики (не У-2) систематически бомбят немецкий передний край. Говорит, успешно.

Мне что-то не приходилось за все время видеть в воздухе нашу авиацию, если не считать «уточек». Ходят слухи, что 1-я Ударная, измотанная, потерявшая много людской силы и техники, будет отведена в глубокий тыл – к Москве или даже к Горькому – на отдых и укомплектование.

В сводках стереотипная формула: «На фронте ничего существенного не произошло».

Изо дня в день.

Ах, если бы сейчас второй фронт!

28 апреля. Утром увидели в окна снег, покрывший землю. Холодно, мокро – апрель или ноябрь?

Живем впроголодь. О хлебе забыли. Получаем по 75 г сухарей и то не каждый день. Противная ежедневная процедура дележа аптекарских доз получаемого продовольствия. С трудом достаем картошку. Я напираю на махорку – все не так хочется есть.

Наш корректор, очень симпатичный, едет в Москву. Освобожден по болезни от фронта. Хочу отправить с ним немного продовольствия старикам. Голодают. Выдержат ли они эту войну?

Отправляю заодно и свои дневники.

29 апреля. Настроение убийственное. С нетерпением жду Плескачевского, чтобы двинуться к партизанам. Может быть, это встряхнет меня. Серьезно подумываю о том, чтобы перебраться в Москву – писать и работать по-настоящему. А прежде всего отдохнуть от фронта. Хорошо бы стать специальным корреспондентом «Известий». Очевидно, в связи с сокращением армейских газет писателям дадут какую-то иную работу.

Вчера и сегодня немцы сбрасывали листовку. Зеленый листок с портретом Гитлера. Обращение к «братьям-крестьянам», которых Гитлер «избавляет» от колхозного ига. Впрочем, прочесть листовку не дали. Мы ревностно охраняем друг у друга политическую девственность. А вдруг, прочтя дурацкую фашистскую листовку, советский писатель начнет разлагаться!

Вчера сразу получил от Берты три письма и открытку. Почта начала функционировать.

Сегодня вернулась наша экспедиция, посланная за картошкой. Привезла несколько мешков. Поделили между всеми отделами редакции и издательства, но один мешок наш отдел припрятал для себя – сунули в подпол.

Кажется, наша десятидневная голодовка кончилась.

Упорно говорят, что 1-я Ударная на днях двинется в глубокий тыл. Как быть с моей экспедицией к партизанам? Я говорю о переходе фронта. Где и как я потом найду свою армию?

Слышал, что для гвардейцев вводятся погоны и новая форма. Итак, «погон российский» ровно через четверть века вновь возрождается. Неужели это так нужно?

30 апреля. Сижу в тихой деревушке Непятчино в районной (бывшей партизанской) типографии, за моей спиной белобрысый мальчик, стоя за кассой, набирает крохотную газетку. Единственный наборщик. В одной маленькой комнате – и

редакция, и типография, и жилье. Весь штат, включая редактора, – три человека.

Новый для меня мирок, в котором я отдыхаю. Даже военных гимнастерок нет.

Большие события произошли (конечно, в нашем редакционном масштабе).

Во-первых, приехал к нам работать новый писатель Бялик, перешедший сюда из фронтовой газеты. Литературовед, батальонный комиссар с медалью за финскую кампанию. Небольшой изящный человек с темными женскими глазами, нервный, желчный, остроумный. Наш убогий быт и среда, в которую он попал, ошеломили его. То, что мы спим на грязном полу, привело его в возбужденное состояние. Он привык спать либо в купе поезда походной редакции, либо, на худой конец, на сеннике. В первый же день у него на этой почве произошла стычка с Ведерником. Долго здесь Бялик не пробудет. Да он и сам мне откровенно заявил, что сейчас у него одно желание – бежать отсюда. Только вопрос в том, как это поприличнее сделать.

Второе. Вместо бездельника Лысова, замредактора будет некто Кононихин, а на место начальника издательства Гольдмана, отвратительного старого еврея с трубкой, крикуна, пустобреха, подхалима и мелкого жулика, назначен Чичеров. Он москвич, мы знакомы. Энергичный, разбитной бородач. Он уже прибыл и работает. Ведерник пока на месте. Это удивляет и меня и Плескачевского. Чем объясняется такая неполная смена власти?

Третье. В моей унылой и серой жизни, похоже, намечается какой-то просвет. Бялик подал мне блестящую мысль: получить через ПУРККА творческий отпуск в Москву для того, чтобы работать над книгой. По его словам, это вполне реально. Ведерник мешать мне не будет – мы достаточно намозолили глаза друг другу.

Заманчивая перспектива, что и говорить! Но я пока воздержался. Вырвавшись в Козлово, я узнал здесь, что меня, по-видимому, все-таки хотят перевести в 1-й эшелон. (Все же мой рапорт Лисицыну возымел свое действие.) Затем я узнал, что мной заинтересовался отдел кадров – вызывает. Я, конечно, явился. Начальник отдела, глядя на лежащий перед ним на столе мой рапорт (все тот же самый), расспросил меня, давно ли я на фронте, где служил и пр. Речь, видимо, шла о второй шпале. Затем стал выяснять, почему я недоволен работой в редакции и на что претендую.

Побеседовали.

Итак, что-то меняется в моей судьбе. Но я не тороплюсь. Уйти из редакции можно, однако уйти нужно с умом и тактом. Девять

месяцев фронта – напряженной работы, лишений, опасностей, – и все насмарку? Нет, я уйду отсюда лишь после того, как побываю у партизан. Ни один человек не осмелится тогда меня обвинить в моральном дезертирстве, в трусости, в лентяйстве – мало ли что можно еще придумать в связи с моим уходом. Я уйду с гордо поднятой головой.

Между прочим, Плескачевский получил орден Красной Звезды за свою работу у партизан. Я от души рад за него.

Первые шаги в этом направлении мною уже сделаны. Во-первых, Ведерник дал свое принципиальное согласие (авось я там, в немецком тылу, сломаю себе шею). Во-вторых, начальник отдела по работе среди партизан Майоров посвящен в мою «тайну» и окажет всяческое содействие. В-третьих, добравшись сюда, в Поддорье, я договорился с секретарем райкома Ермаковым, местным партизанским руководителем, о практических способах отправки. 8-го отсюда выступает отряд. Идут километров за восемьдесят, к партизанам, занимающим линию обороны. Я пойду с отрядом. Там переберусь в партизанскую бригаду Васильева. Здесь и останусь, – может быть, на месяц, может, и на больший срок. Немного, признаться, жутковато. Все-таки это сложнее и опаснее пребывания в регулярной армии. И лишений больше. Один этот 80-километровый марш уже чего стоит. Но, черт возьми, в жизни все нужно испытать! Не каждый год бывает такая война, как эта. Правда, Бялик пытался меня отговорить от моего намерения, уверяя, что романтика партизанщины хороша только издали, что я скоро разочаруюсь, попав туда, что, вообще, партизаны не тема. Однако я подозреваю, что он и сам не прочь был бы пуститься на такую авантюру. Это проскользнуло у него между строк.

Сейчас, после первомайского приказа Сталина, партизанское движение, несомненно, оживится. Партизанам будут ставить большие стратегические задачи, вплоть до освобождения целых районов.

Кстати о приказе. Первая его половина – агитационная, обращенная к немецким солдатам (разоблачение национал-социализма как орудия германских банкиров и плутократов). Вторая – констатация того факта, что мы всё еще не научились воевать. Этот вывод давно уже был мною сделан. Да и не одним лишь мною – многими. «Хреново воюем…» Перспективы? Никаких, кроме указания, что немцы должны быть разбиты в 42-м году. «Должны!..»

Если я вернусь от партизан, сразу же перебираюсь в Москву. На время, пока не напишу того, что хочется.

Связь с партизанами – на самолетах. Где-то к тому времени

будет 1-я Ударная?

Другой риторический вопрос: не сорвется ли мое предприятие? Я привык к неприятным сюрпризам, которые преподносит мне судьба.

4 мая. Просто что-то фатальное. Стоит мне сказать о чем-либо предполагаемом и желаемом как об окончательном, решенном факте – и выйдет все наоборот. Не раз я в этом убеждался. Вот и сейчас. Стоило мне договориться в Поддорье с партизанами относительно способа и сроков моего путешествия в немецкий тыл, как все с треском лопнуло и провалилось.

Сегодня, вернувшись в редакцию, я узнал, что откомандирован в распоряжение фронта – в отдел кадров. Ведерник сказал мне, что в связи с приездом Бялика двум писателям в газете нечего делать, и очень любезно предложил мне воспользоваться машиной, которая как раз идет в Валдай – в штаб округа. Не терпится человеку сплавить меня поскорей!

На что я сказал, что я в принципе не возражаю против своего ухода, но для меня не ясен вопрос о партизанах. Относительно двух писателей сказал, что Бялик все равно тут долго не пробудет.

– Почему?

– Потому что он не привык к тем условиям, в каких мы работаем.

Ведерника покоробило. Пробормотал, что не держит своих работников за шиворот.

В общем, сегодня вечером я получу соответствующий приказ. Между прочим, редактор бросил такую фразу: «Возможно, и я скоро уйду. Или меня уйдут».

Теперь нужно думать о дальнейшей своей судьбе.

5 мая. Вернулась зима. Все кругом бело – снег.

5 июля прошлого года я вступил добровольцем в ополчение.

5 августа был назначен в армейскую газету «За Советскую родину».

5 января – мое назначение в 1-ю Ударную.

5 мая меня отправляют в тыл, в Валдай.

Занятно.

На душе горечь. Ко Дню печати, к 5 мая, десятки, сотни военных журналистов награждены орденами и медалями. А я оказался «за штатом» и выброшен из редакции… Буду добиваться отправки в Москву. Пора работать по-настоящему. Армейский газетчик из меня не получится.

Экспедиция к партизанам при сложившейся ситуации –

авантюризм. Никто меня не поддержал, никому это не нужно. Может быть, Бялик и прав. А рисковать только ради риска – для этого я уже стар.

9 мая. Вот я и в дороге. В данную минуту сижу в г. Осташкове, на берегу озера Селигер. Два года тому назад я с мамой и Ксаной *(сестрой. – М. Д.)* чудесно проводил здесь время на туристской базе. Думалось ли мне, при каких обстоятельствах я снова попаду в эти края?

Выехал 6-го. Из отдела снабжения отправлялась машина в Осташков – нельзя было пренебрегать таким случаем.

Ехать в Валдай старым путем, каким мы сюда добирались – на север, вдоль озера Ильмень, – уже нельзя. Путь перерезан немцами. Все-таки, кажется, Старорусская группировка почти соединилась с 16-й армией. Сообщение с Валдаем и Москвой происходит в южном направлении через Осташков. Путь огибает Демянскую группу противника. Мне предстоит сделать на машине свыше 500 километров.

Бялик снабдил меня письмами в редакцию «За родину» и в политуправление фронта. Рассказывает в них о положении в редакции и о том, что со мной произошло возмутительное недоразумение, меня необходимо «реабилитировать». Все равно – я в свою редакцию не вернусь.

Я пожал на прощание руки своим коллегам. Чирков и Бялик помогли донести вещи до машины. Бялику, видно, неприятно, что так случилось и что он является формально виновником моего ухода. Конечно, это не так, я прекрасно понимаю. Он славный малый. Итак, в путь…

Под вечер, в желтом свете заката, мимо меня пронеслись мертвые дома разбитого, опустелого Поддорья. Прощай, Поддорье! Прощайте, партизаны! Не суждено мне было пойти с вами…

Едем не останавливаясь, едем весь вечер и всю ночь. Дорога отвратительная. Бьет, мотает, внутренности выворачивает. Северный ветер, идет то мелкий снежок, то ледяная крупа. Май это или ноябрь? Под утро, на рассвете, я просыпаюсь оттого, что ноги у меня совершенно закоченели. Не помогли две пары теплых портянок, сапоги мокрые. Утром в какой-то роще грузовик заезжает под старую сосну (маскировка). Привал. Едущий в кабине молодой военный инженер с трубкой в зубах дает мне кусок хлеба, кусок колбасы и стаканчик водки. Этот завтрак, особенно водка, как нельзя кстати: продуктов у меня в обрез. Машина отправлялась так спешно, что у меня не было времени получить продовольственный аттестат и продукты к нему. Затем

снова в путь.

В середине дня в какой-то деревне инженер предлагает мне выгрузиться на другую, как раз идущую в Осташков машину. Сам он дальше не поедет – вышел бензин. Так это или нет, приходится пересаживаться. Новая машина принадлежит какой-то хозяйственной военной организации. Едем дальше. То и дело пробки – простаиваем часами. Хорошо, что не слышно гудения немецких самолетов. Вязнем в трясине всерьез и надолго. Новый мой спутник, воентехник, вместе с водителем работают, по колено в грязи подкладывают под колеса колья, бревна, поднимают машину при помощи домкрата, наконец обматывают колеса цепями. На ночь останавливаемся в деревне в доме, где живут две очень приветливые женщины. Чисто, хорошо. Нам с воентехником предлагают хозяйскую постель. Давно я не спал на мягкой кровати. Выпив два стакана горячего чая и сняв грязные сапоги, заваливаюсь на перину и сплю как убитый. Сколько времени я не снимал своих ватных штанов?

Следующий день – уже 8 мая – весь проходит на пляшущей по ухабам машине, на ветру, на холоде. Местами все кругом бело от снега. Второй день я питаюсь только сухарями и черным хлебом. Я с головой закутался своей трофейной плащ-палаткой – так куда теплее, только ноги стынут – и грызу сухарики.

В каком-то лесном овраге, где на дороге сбились десятки машин, мимо нас с громом, один за другим, проходят шестнадцать крупных танков, как будто КВ. Им такая грязь нипочем! Дальше по пути я вижу еще два. У нас я танков не встречал.

Поток машин – автоцистерны с горючим, ящики со снарядами, авиабомбы. Бойцы встречаются в касках. На дорогах все время видны работающие саперы и мобилизованная молодежь: мостят дорогу бревнами, укладывают… Бесконечным кажется этот путь до Осташкова. Серое небо, грязь, голые сучья деревьев, холод, редкие снежинки в воздухе… Все кругом отвратительно. Но вот в стороне показалась свинцовая широкая гладь. Озеро Селигер. У берегов белеет лед. Озеро то скрывается за сосняком, то снова показывается. Едем, едем… По моим подсчетам, мы должны были приехать в Осташков часа в три дня. Вместо того приезжаем в девять вечера.

Снова меня сбрасывают с машины: она идет дальше – в деревню за десять километров. Мой спутник показывает домик, стоящий на углу, и говорит, что здесь расположена армейская база, отсюда ежедневно идут машины на Валдай (до Валдая, кажется, еще километров двести). Выгружаюсь, иду, навьюченный багажом, к указанному домику и тут узнаю, что никакой

армейской базы тут нет, а живут двое бойцов, состоящих при столовой, народ, между прочим, нахальный. Со скандалом вселяюсь. Очевидно, воентехник наврал, желая скорее меня сплавить. Черт с ним, доберусь и так! Но пока нужно поесть и переночевать. Случайно узнаю, что на такой-то улице есть питательный пункт. Спешу туда. Поздние сумерки, пустые улицы городка. Нахожу пункт, но у меня нет аттестата, а кормят тут только по аттестатам. Все же начальник пункта, вняв моим мольбам и предъявленным документам, приказывает накормить меня. Не без добрых душ на свете!

Сидя в пустой полутемной столовой, я ем мясной суп и жирную пшенную кашицу. Все давно остыло, но кажется мне чудесным обедом. Однако я так устал, так изголодался, что ем без аппетита. Ночь я провожу, вытянувшись на узенькой лавке, прикрывшись своей шинелью. Она даже прожжена в одном месте – настоящая фронтовая шинель.

Две заботы преследуют меня в Осташкове: дальнейшее питание и машина до Валдая. Путь отсюда мне предстоит далеко не столь простой, как я предполагал. Прямого сообщения с Валдаем нет, машины ходят редко, а ехать на перекладных – означает перспективу пешего хождения на каких-то участках. Это бы ничего, но мой багаж! У меня рюкзак, чемодан и тючок!..

Первым делом направляюсь к коменданту города. Представляюсь, рассказываю свою историю и прошу обеспечить меня продовольствием, для красного словца прибавив, что вторые сутки ничего не ел. Комендант дает мне записку к регулировщику – с тем чтобы он посадил меня на попутную машину, а в отношении харча направляет к замначальника гарнизона по продовольственной части. Тот тоже ничего не может сделать (нет аттестата) и посылает меня еще куда-то. В общем, все утро проходит в хождении по инстанциям, из улицы в улицу, из дома в дом. Везде я рассказываю, почему очутился без аттестата, и везде получаю ответ, что ничем помочь мне не могут. Положение становится угрожающим. Но – слава богам! – наконец я натыкаюсь на знакомый след. Батальонный комиссар Конников. Он из моей армии, какой-то продовольственный начальник, он знает меня. Нахожу его квартиру. Как раз Конников готовится обедать. Сквозь полуоткрытую дверь в соседнюю комнатку я вижу на столе тарелку с красными, аппетитно нарезанными помидорами. Когда я их ел в последний раз? Два года назад, не иначе. Умеют хозяйственники роскошно жить.

Я сообщаю Конникову последние редакционные новости (в столовую, к помидорам, он меня не пускает, беседуем на кухне), затем перехожу к делу. Следует нотация, в связи с отсутствием у

меня аттестата упоминается суд, который грозит хозяйственникам, совершающим незаконные поступки, но все это кончается тем, что я получаю право обедать в столовой, плюс дополнительный паек (сахар, масло, табак), плюс получу сухой паек на дорогу.

Да здравствует Конников!

В дальнейшем мне будет выписан аттестат. Все встало на свои рельсы.

Хорошо еще, что все эти хозяйственные организации расположены тут же, в городке, в нескольких шагах одна от другой. И вот я сижу в столовой. От русской печи пышет жаром, передо мной длинный деревянный стол с миской супа, на столике у стены патефон и пластинки. Обед: жирный, на мясе, гороховый суп, на второе – нечто вроде пельменей, к этому всему свежий хлеб. Я определенно задержусь в Осташкове на лишние день-два, благо торопиться мне нечего: в моем документе не указан точный день явки.

В лесах по берегам Селигера шли бои. Я видел проволочные заграждения, воронки, вырытые в песчаной почве окопы и пустые блиндажи. На левой стороне дороги валялся изуродованный немецкий танк. В самом Осташкове немцы не были, но часто бомбили город с воздуха. Вокзал разрушен. Жители получают 400 г хлеба и больше ничего. Когда я угостил стариков, которые живут в доме, где я остановился, сахаром и соленой рыбой – это было принято как величайшее лакомство. Меня взамен отблагодарили тарелкой постного грибного супа. Обе стороны остались вполне довольны взаимообменом.

10 мая. Осташков. Как страшно живут здесь люди! У крестьянина хоть есть картошка, есть молоко. А жители таких захолустных городков – чем они питаются? Картофельная шелуха считается лакомством. Ее мнут, толкут, сушат, варят – не знаю, что еще. Впрочем, и в Векшине наши старухи-хозяйки прибавляли в хлеб картофельную кожуру. Об этой кожуре писала мне и мама. Десять месяцев войны – и во что превратилась жизнь! Будь тысячу раз проклята Германия!

«В обороне первое дело – харч», как сказал Ворошилов. Золотые слова, но не только в обороне.

До фронта я никогда не был чревоугодником. Теперь мне ясно, почему на войне пища имеет такое большое значение для бойца. Это одна из немногих фронтовых радостей. У меня выработалась чисто солдатская психология: никогда не упускай возможности поесть вкусно и сытно, если только представляется такой случай. Судьба не слишком часто балует подобной

возможностью.

11 мая. Утром получил продукты на пять дней, аттестат и, нагруженный как верблюд, двинулся на станцию. Как раз отправлялся товарный, совсем пустой. Я забрался в теплушку, где сидело семеро бойцов. Их дело – сопровождать грузы. Тронулись наконец. Едем с ежеминутными остановками, в час делаем километров десять, но как приятно ехать поездом после мучительной мотни на грузовиках!

День теплый, временами солнце, но под вечер начинает накрапывать дождь.

Бойцы говорят о бомбежках, о том, что на станциях вредители: немцы прилетают бомбить именно тогда, когда стоят поезда с боеприпасами и продовольствием.

На одной из станций (Горовастице) долго стоим. Вдруг позади нас громовой взрыв. Взорвалась бомба замедленного действия. Свыше суток лежала, притаившись. Через некоторое время другой взрыв – подальше. Вовремя проехали!

В теплушке споры, что лучше во время налета – бежать или оставаться на месте.

Часу в седьмом вечера гудение. Два «юнкерса» приближаются к составу. Бойцы хватают винтовки, мешки. «Пошли, ребята, сейчас пикировать будут… Заходит, разворачивается». Состав пустеет. Кто лезет под вагоны, кто бежит в ближайший кустарник. Крепкая ругань. Почему бегут, демаскируют? Немцы вьются над нами, высматривают. Гул моторов то затихает в облачном небе, то опять приближается. «Заходит, заходит… Прямо по эшелону идет».

Я лежу под вагоном на сырых шпалах, потом перебираюсь под тендер, который стоит на соседнем пути, как раз напротив нашей теплушки. Тут надежнее. Под тендером уже четверо бойцов.

Громкий клекот пулемета, свист падающей бомбы. Все-таки налетел, сволочь. Был ли взрыв? Трудно сказать, никто не заметил. Какой-то гул был, но слабый. Затем появляются два наших «ястребка». Бойцы вылезают повеселевшие. Снова спор: пробьет ли осколок скат тендера или не пробьет?

Становится спокойно. Немцы улетели. Наверху проносится эскадрилья бомбардировщиков. Все снова настораживаются, затем успокаиваются – «наши».

Станция и все, что было на пути, разбито, расщеплено, ободрано. У домиков поселка такой вид, будто их приплюснула гигантская ладонь – все сплющено и покривилось. Под пылью груды железного лома, опрокинутые скаты, горелые доски и дрова, пробитые каски, снаряды. И тут же рыжая от огня швейная

машинка.

12 мая. Почти всю ночь стоим в Горовастице: впереди исправляют разрушения. До Бологого еще километров шестьдесят. Сплю скверно. Последнее время совсем не могу спать на жестком. Ломит бока, спину, поясницу. Поднимаюсь с трудом, кряхтя, морщась от боли, совершенно разбитый. Я подвержен мышечному ревматизму. Меня беспокоит, как я буду в дальнейшем. О тюфяках на фронте говорить не приходится.

Кровавая бестолочь. Вспоминаю наше крикливое довоенное бахвальство (ворошиловское) «война малой кровью», «война на чужой территории». Ах, как зло посмеялась над нами реальная действительность. Едва ли мы сможем своими силами нанести Германии решающий удар. Идет война на измор. Последнее слово, как в ту войну, скажет Америка.

13 мая. Последний этап пути Бологое – Валдай, который я считал самым легким, оказался наиболее тяжелым. Приходилось пересаживаться с машины на машину, брести пешком по два-три километра, изнемогая под своим грузом, часами бесплодно и унизительно ждать у дороги грузовика. Шоферы лихо проносились мимо, не обращая внимания на мои умоляющие знаки. Это было в Едрове, километров 20 – 25 от Валдая. Черно-белая кошка перешла шоссе. Нехорошая примета! Действительно, тщетно прождав часа два у дороги, я плюнул и поплелся со своим проклятым багажом на здешнюю станцию. К счастью, как раз отходил воинский эшелон. С ним я и доехал до Валдая быстро и хорошо.

4 октября. Наши бодрячки с многозначительным видом все еще говорят о каких-то решающих операциях в скором времени, о выходе в Прибалтику. Оптимизм до обалдения.

Предстоит война на измор – длинная, затяжная, тяжелая. Мы хорошо деремся, но воевать не умеем. 25 лет бряцанья оружием, бахвальство, самолюбование – и позволили немцу дойти до Волги и до Кавказа. «Выдюжим», – писал А. Толстой. Выдюжить-то выдюжим, Россия всегда была двужильной, но какой ценой.

7 ноября. 25 лет Октября. Четверть века. Речь Сталина: квинтэссенция ее – второй фронт. Подтекст: «Пора выручать». Речь предназначена для англичан.

Кто ответит за смерть, за глупое, тупое истребление работников литературы? Людей, совершенно не обученных, не приспособленных к строю, погнали на заведомую гибель. На убой.

Это было в порядке вещей. Они даже стрелять не умели. Помню нашего полковника – тупого бурбона и скотину.

История Краснопресненской ополченской дивизии, 8-й стрелковой, темным пятном лежит на ССП. И этого пятна не смоют никакие «благовонья аравийские».

23 ноября. Негодующие статьи в нашей прессе о германской системе заложников. Мы возмущаемся. Насколько мне не изменяет память, мы еще в восемнадцатом году применяли точь-в-точь такую систему в отношении буржуазии.

Усиленные слухи о введении погон для комсостава. Для поднятия авторитета командиров. 25 лет назад революция срывала погоны с офицеров. Теперь она сама возлагает на плечи офицеров погоны. Круг завершен.

Плохо, если мы вынуждены поднимать авторитет командиров таким механическим путем. Да еще в самый разгар тяжелейшей войны. Авторитет командира создается десятилетиями, веками военной и общей культуры. А этого-то как раз у нас нет.

ФРОНТ – 1943 год

9 января. Указ о введении погон. Только и разговоров что о кантах, просветах, звездочках. Уже появляются выражения «офицерская честь», «честь мундира». После войны будет всеобщее увлечение военщиной.

10 января. Много говорим о перспективах войны, о сроках окончательной победы. Большинство редакционных стратегов считают, что война кончится к зиме нынешнего года, некоторые называют даже 44-й год. Общий отзыв о немцах:

– Умеют воевать!

Я полагаю, что при условии энергичных действий союзников война закончится не раньше, чем через десять месяцев.

Когда настанет мир – никто не захочет читать о войне. Интерес к нынешней войне вспыхнет спустя несколько лет. Вот к этому-то времени должен быть готов мой большой роман. Героями его будут герои «Родной земли» и «Снегов Финляндии». Хочется написать такую книгу, которая бы пережила меня, явилась бы итогом целой жизни. Пора подумать об этом. Ведь мне уже пятый десяток пошел.

17 января. В московских газетах – образцы новых мундиров. Почти полностью восстановлена форма царской армии. Некрасивые, чиновничьи какие-то мундиры. Почему бы не позаимствовать у англичан их элегантные френчи и бриджи? Германская форма и та красивей.

18 января. Работа 7-го отдела мне кажется переливанием из пустого в порожнее. Практических результатов немного. Лучшая пропаганда среди войск противника – это что делает Красная армия под Сталинградом и на Северном Кавказе. С немцем нужно разговаривать ящиком снарядов. Только это они понимают.

Блокада Ленинграда наконец прорвана. Волховский фронт перешел в наступление. Жуков получил звание маршала, как все и предполагали. Самый талантливый наш полководец. Война рождает героев. Легендарные полководцы, выдвинутые революцией, потускнели и стушевались. Ворошилов, Буденный, Кулик, даже Тимошенко не выдержали испытания временем. Другая эпоха, другие требования. А сколько вреда принесло бахвальство Ворошилова, его теория войны малой кровью, на чужой территории. За это бахвальство мы заплатили половиной России.

Окруженные под Сталинградом немцы жрут конскую падаль, умирают ежедневно сотнями и все-таки не сдаются. Не люди, а дьяволы. А мы их называем фрицами.

Инициатива в наших руках, и это самое радостное. Мы бьем немцев на всем огромном фронте, то там, то здесь. Все новые и новые удары. Неужели мы не возьмем на днях Демянск?

Несколько дней провел с Москвитиным в 250-й. Она занимает сейчас то место, которое занимала 235-я, ныне отведенная в тыл, а еще раньше – 130-я.

Знакомые места. Приняли меня как старого знакомого. Новый командир дивизии, герой Полново-Селигера, – полковник Мизицкий, переведен из 241-й дивизии на место генерала Степаненко, который сейчас командует гвардейским корпусом и воюет на другом участке. Комиссар прежний – радушный и словоохотливый Рожков.

В трехкомнатном блиндаже полковника, не уступавшем иной московской квартире, мы беседовали о взятии Полново-Селигера. Полковник показал карту, где была нанесена операция. Крепкий, с наголо бритой головой, с помидорным румянцем, из категории обиженных: все второстепенные участки операции получили ордена, только ему отказали. Почему – непонятно. Полново-Селигер – единственный успех, которого добилась наша 53-я почти за целый год своего существования, причем операция была проведена очень успешно и малой кровью.

Выпили немного, была хорошая закуска. Подавала девушка в красном беретике, в платьице с декольте и в валенках. Глазки скромно опущены. Видала девушка виды!

Жить устроились в клубе, в Мокшее. Спали на составленных скамейках.

С утра до ночи в клубе происходили совещания, семинары, собрания. Сколько болтовни, сколько водолейства – и все это в нескольких километрах от переднего края. Немцы не болтают – действуют. А у нас сплошной местком.

Приехал Горохов, ныне генерал-майор. Средних лет, круглолицый, вид довольно плебейский. Говорит культурно, умно, обнаруживает хорошее знание психологии бойца. На психологию вообще напирает. То и дело откашливается.

Сделал доклад о подготовке к предстоящему наступлению.

На санках нас отвезли в полк – 922-й. Был на преднем крае, ходил по траншеям. Мороз, молочный туман, деревья в густом инее, кружевные. Траншеи проходят через Большое Врагово, занятое летом. От деревни остались всего две-три развалины. В одной из этих руин копошился снайпер в грязно-белом халате: пользуясь туманом, пробивал в каменной стене бойницу. Немцы,

слыша стук, время от времени давали нервные очереди из автоматов. Глубокая, извилистая, занесенная снегом траншея, где почти не видно людей. Это все, что отгораживает нас от врага. Будь у немцев побольше сил, будь танки – как легко прорвать эту жиденькую оборону!

Темные звериные нары блиндажей. Освещение – огонь в печурке либо лучина. И так живут месяцами. Скука, наверное, отчаянная. Здесь рады всякому свежему человеку. Приезд писателя – в армии целое событие.

Между прочим, узнал о смерти генерала Шевчука. Нелепая смерть. Разъезжая верхом, наскочил на мину. Взрывом оторвало Шевчуку обе ноги.

Сделав крюк в несколько километров через Игнашевку, вернулись домой.

В отделе шла работа вовсю: готовились к предстоящей радиопередаче. Мориц, сидя за машинкой, мучился над переводом листовки на немецкий язык. Мы с Москвитиным познакомились с содержанием папок: переводы писем, выдержки из приказов, из речей Гитлера и Геббельса. Много интересного.

Привезли недавно захваченного немца, накануне его допрашивал Александров. На допросе фриц расплакался – когда ему сказали, что он вернется только в ту Германию, которая уже не будет гитлеровской. Невысокий юнец в белом маскировочном костюме, похож на нашего мельника. Костюм теплый и может выворачиваться наизнанку. Немецкая практичность – мы до этого не додумались. Новое зимнее обмундирование наших врагов. Голова у немца забинтована, рука тоже – обморозил. Вошел он в избу сопровождаемый автоматчиком. Держался непринужденно.

19 января. Не пишется. Работать на холостой ход надоело. Мама – мой поверенный в литературных делах – ничего не пишет. Очевидно, и в Воениздате неудача. В чем же дело? Почему такое сплошное, такое непрерывное невезение? Кому нужны мои очерки после войны? Ни одной собаке.

Писать пьесу, будучи на фронте, – заниматься онанизмом. Кто ее будет устраивать в Москве? Мама? Пора пожалеть старушку, и так достаточно у нее хлопот и забот. Даже «За родину» не балует меня. Послал два очерка – и не печатают. Новый редактор!

Временами руки опускаются.

Наконец письмо от мамы. Новая установка. Отказ от очерков и требование «монументальных произведений». Глупость! Не время сейчас писать романы. Да и грош им цена.

Часу в первом ночи, когда мы развлекались притащенным

откуда-то патефоном, явился неожиданно Горохов с целой свитой – Шмелев, его зам, полковник Чванкин, начальник АХО Плеушенко (плут редкостный) и Карлов. Растерянность и неловкость. Никто не скомандовал «встать», не отрапортовал. Губарев смутился чуть ли не больше всех.

Член Военного совета нашел наше помещение недостаточно уютным и посоветовал оклеить стены бумагой. Приказал Плеушенко снабдить всех одеялами и постельными принадлежностями. Одеть меня в зимнее – сшить, если нужно, гимнастерку из двух-трех. Настанет ли время, когда не нужно будет стоять перед генералами навытяжку?

21 января. Вчера Губарев рассказывал нам о первых днях войны, его часть была в Литве, он редактировал дивизионную газету.

Страшный, внезапный удар немцев. Все растерялись, оглоушены. Хаос. Дивизия окружена, генерал, командовавший частью, убит, комиссар и начдив исчезли неизвестно куда. В лесу, в овраге, все собрались. Что делать? Куда идти? Какой-то капитан берет на себя командование дивизией, инструктор по информации вызывается стать комиссаром. Идут по шоссе. Кругом все горит, пожары. Брошенные машины, орудия, конские трупы. Пятая колонна: то и дело ракеты, бросают откуда-то гранаты в машины. Двух неизвестных мужчин поймали и расстреляли тут же на месте. Бомбежка. Парашютные десанты. Люди рыдают, сходят с ума. Сумасшедший врач – ему кажется, что он уже в плену. Пришли наши танки и моточасти – веселые, уверенные танкисты с гармошками. Двинулись навстречу немцам и полегли все до одного.

Ночью переправа через бурную реку. Пушки на руках. Вода уносит людей, лошадей, каждый заботится сам о себе. Переправились на тот берег – и дивизия растаяла. Совершенно голые бойцы, кто пешком, кто на лошади – белье их унесло водой.

И все же, несмотря на панику, уверенность в победе не покидала людей. «Ну, еще немного отойдем, соберемся с силами – а там будем наступать».

Об этом непременно надо писать. Крушение иллюзий, горькое и тяжелое похмелье и возникновение новой армии, новой России, решившей бороться за свое существование. Великий перелом.

Письмо от Кирочки *(дочери. – М. Д.)* с новогодним поздравлением. Только сегодня получил. Пишет, что ее хотели отправить на фронт, но сейчас получила бронь. Очень хорошо. В армии слишком много девушек. Сплошной бардак. Молоденькой

девушке не место на фронте среди солдатни. А все-таки дочка у меня неплохая!

Газета наша по-прежнему сера и скучна. Печать провинциализма. Карлов боится улыбки и живого слова. Отдел юмора (это по ведомству Москвитина) появляется очень редко. Мои «эренбурговские» фельетоны печатаются нехотя.

23 января. Полное затишье. Даже артиллерии не слышно. Зима стоит мягкая, легкие морозы.

Наше однообразное существование было вчера нарушено приездом артистов из Свердловска. Выступали у политотдельцев. Просторная изба была битком набита. Артисты едва могли повернуться. Скетчи, пение под аккордеон, литмонтаж. Потом только и было разговоров. Особенно большое впечатление произвела безголосая, но хорошенькая и пикантная опереточная певица. Все в нее влюбились.

Рокотянский, вернувшись из лыжного батальона, сообщил, что оттуда перебежали к немцам пять человек во главе с младшим командиром. Бывшие спецпереселенцы, раскулаченные. Значит, немцы осведомлены о перемене дислокации войск, а возможно, и о готовящемся наступлении.

В свободные часы, в перерывах между солдатскими анекдотами и такого же рода остротами, говорим о перспективах войны. Настроение приподнятое. Мы уже избаловались: каждый вечер ждали «последнего часа» – сообщения о новых взятых нами городах и крупных пунктах.

Рассуждения о будущем устройстве Европы. Возможна ли социальная революция? Я первый высказал предположение, что сейчас не исключена возможность своеобразной диффузии – каких-то новых форм государственного устройства, постепенного перерастания западноевропейской демократии в советские республики. Два года назад эта точка зрения была бы расценена как контрреволюционная ересь. Сейчас наши редакционные политики вполне согласились со мной.

Что осталось от большевистской доктрины? Рожки да ножки. Мне кажется, что партия, выполнив историческую роль, теперь должна сойти со сцены. И сходит уже. Мавр сделал свое дело. Война ведется во имя общенациональной, русской, а не партийной идеи. Армия сражается за Родину, за Россию, а не за коммунизм. Вождь и народ, Сталин и Россия. Вот что мы видим. Коммунисты – всего-навсего организующее начало. Стоит ли вступать в партию?

26 января. Каждый вечер мы с нетерпением ждем

«последнего часа», а затем толпимся перед большой картой, висящей в нашем доме. (Он получил название дзот № 2.) Заключаем пари, какой город завтра будет взят. Вся страна сейчас с таким же нетерпением ждет сообщений Совинформбюро. Главное командование применяет немецкую тактику: клещи, клинья, обход и окружение больших городов. Но глядишь на карту – и страшно становится. Впереди еще сотни и сотни населенных пунктов, и каждый приходится вырывать с кровью. Сколько, наверное, жертв! Немцы сопротивляются как дьяволы. Красная армия растает, пока достигнет старой государственной границы.

Если только до тех пор не будет сломлен дух германских войск и не ослабнет сила сопротивления.

А все-таки придет время, когда мы будем гнать, их как баранов.

Спорим – вступят наши в Берлин или нет. Я думаю, что до этого дело не дойдет.

Неужели мне придется всю войну провести где-то на задворках?

27 января. Ликвидация сталинградской группировки закончена. Из 220 тысяч осталось лишь 12, которые еще сопротивляются.

Последнее сообщение: истреблено 40 000, взято в плен 28 000, одних танков захвачено 1300.

Сталинград стал для немцев, итальянцев и румын гигантской могилой. Они получили то, чего добивались. Это настоящие, блестяще осуществленные Канны.

Поколение немцев запомнит нашу Волгу и наш Сталинград.

2 февраля. Узнал очень неприятную новость. Наступление сорвано. Оно должно было начаться этими днями, но все секретные приказы и планы попали в руки врага. Произошло это так.

Какой-то майор, работающий в штабе армии, приехал на передний край. В то время, когда майор ходил по передовой линии, на него напала группа немецких разведчиков, находившаяся в засаде, и живым утащила к себе. Попытки отбить его ни к чему не привели. У злополучного майора находились все секретные бумаги. Спрашивается, случайно ли это произошло? Весьма возможно, что немцы заранее знали о приезде майора. Шпионаж у них превосходный. А немецкие разведчики, к слову сказать, действуют не хуже, если не лучше наших. То и дело забирают живьем бойцов и командиров, пулеметы.

Теперь в руках немцев все наши планы, вся дислокация. Из майора, захваченного в плен, они сумеют выжать все, что нужно, – в этом сомневаться не приходится. Предстоит полная перестройка плана наступления. Это лишний месяц-два. А там подоспеет весна, распутица. Фатально не везет Северо-Западному фронту.

13 февраля. Десять дней был в командировке. Вместо летчиков по приказу начальства попал в только что пришедшую к нам 348-ю дивизию, что была в боях подо Ржевом. Формировалась в Чкаловской области. Общее впечатление – серость.

Под деревней Урдом положили чуть ли не 80% личного состава. Сейчас на 80% дивизия состоит из киргизов, казахов, узбеков. Беда с ними. По-русски не знают, воевать не умеют. Их здесь называют «курсаки». (Курсак – «живот» по-киргизски.) Рассказывают, что во время боя проголодавшийся киргиз хватается за живот и кричит:

– Курсак совсем пропал!

В 74-м полку, где мы были, стоявшие на посту курсаки за несколько дней подстрелили двух своих командиров.

В 72-м полку немцы ночью сделали налет и увели пятерых (!) бойцов. Говорят, это были националы.

В том же 74-м расстреляны за членовредительство трое курсаков.

Ночью, когда мы были в 1-м батальоне, случилась тревога. В блиндаж вошел начштаба и сказал добродушному пожилому украинцу Палянице – нашему повару:

– Давай винтовку, нападение на «Дуб». – Взял, помчался.

«Дуб» – было боевое охранение. Утром я узнал: несколько немецких разведчиков подползли к нашей траншее, но были замечены. Сержант отбил нападение гранатами.

– Одной рукой бросал гранаты, – рассказывают про него, – другой бил по головам курсаков. Уткнулись в землю, не хотели выходить.

А не будь этого сержанта?.. Снова убеждаюсь, как легко немцам прорвать нашу оборону.

Нападение отбили. Пострадал пулеметчик – ранен в руку.

Несколько дней прожили мы в 1-м батальоне. Командир – капитан Зорин. Здоровый мужик, короткий вздернутый нос, глаза шалые. Полуграмотный. По его словам, до войны был директором швейной фабрики в Смоленске. Другие говорят – шофером. Последнее более вероятно. Маленький Чапаев, взявший от Чапаева все отрицательное. Человек храбрый, но храбрость

дурацкая. Под Урдомом положил почти весь свой батальон. На своего заместителя по политчасти, который сказал ему, что командир должен руководить боем, а не лезть вперед, донес, что тот трус. Собственноручно избивает в кровь и расстреливает красноармейцев. Хотели отдать его под суд, но, к сожалению, не сделали этого.

Дивизия стояла за Молвотицами, на месте ушедших отсюда 166-й и 241-й. Нашей штаб-квартирой мы с Рокотянским избрали знакомое, полуразрушенное сейчас Б. Заселье. Но какой дом выбрать? Сначала решили было обосноваться в клубе, переночевали вместе с дивизионными музыкантами; однако, когда вернулись назад, клуб оказался переполненным всяким народом. Пришлось искать другое пристанище. Таким оказалась крайняя избенка, где я раньше останавливался с Москвитиным. Там и сейчас жили двое патрульных – военная власть и гарнизон Заселья, пожилые добродушные «славяне», но эти патрульные были уже новые. Документов наших они не проверяли. Приняли радушно. Стряпали для нас и охотно делились мороженой картошкой. Понятно, и мы в долгу не оставались. Я в таких случаях щепетилен.

Мое возвращение на КП дивизии немцы приветствовали артиллерийским салютом. Только что, усталые, доплелись мы до леса и вошли в переполненный народом блиндаж, как рядом стали ложиться снаряды.

Немцы обстреливали КП из дальнобойных пушек. Нащупали! Этого раньше никогда не было. Вот он, результат похищения майора с секретными документами! Рокотянский присел на корточки под стеной. Я не двигался, сидел по-прежнему.

– Отойдите от окошка, – посоветовали мне.

Неприятные это минуты, нужно признаться. Короткий воющий свист, затем оглушительный, прокатывающийся по лесу треск. Ждешь: следующий снаряд ударит именно сюда. Зато какое облегчение, когда разрывы начинают удаляться – немцы перенесли прицел. А каково бойцам, лежащим в цепи на открытом поле, по которым бьют такие снаряды?

Фашисты дали 10 – 12 выстрелов, и обстрел прекратился. Несколько снарядов не разорвалось – только земля вздрагивала. Вошел боец.

– Лошадь убило.

Это и были все потери.

Лошадь с вырванным животом лежала метрах в тридцати от блиндажа. Ее прирезали. После наши хозяева-«славяне» варили у себя в избе конину. Предложили и нам, но мы отказались.

В Заселье я встретил Фрадкина и работников из 7-го отдела.

Около клуба стояла их звукоустановка – зеленый шестиколесный автобус с двумя рупорами на крыше. Фрадкин приехал давать «концерт». Тяжелая и опасная работа. Как правило, немцы выслушивают радиопередачу спокойно, но затем начинают неистово обстреливать. Как я узнал впоследствии, после этой передачи они выпустили до сотни тяжелых снарядов. Однако накрыть звукоустановку им ни разу еще не удалось.

Несколько дней прожили в Заселье, посещая КП дивизии – главным образом чтобы узнать, какие города еще взяты, и получить продукты в АХЧ. Я дал по телеграфу Губареву 5 – 6 заметок, конечно не считая материала, собранного по заказным темам. Странная и своеобразная, если посмотреть со стороны, это была жизнь. Маленькая, бедная избенка, одно окно забито досками, другое – сплошь из осколков – пропускает мутный свет. В углу покосившийся двойной образ. Половицы ходят под ногой точно клавиши. Печь растрескалась – когда топят ее, дым ест глаза. Вечером «славянин» маскирует единственное окно немецкой плащ-палаткой и зажигает тусклую коптилку. От копоти и дыма в комнате густая мгла.

Спишь на русской печке, постелив овчинный полушубок. Десять дней я не раздевался. За окном завывает февральская вьюга. Ветер насквозь продувает старую, щелястую избу – сколько ни топи, холод собачий. Скука, тоска.

От нечего делать зайдешь в клуб. Там репетиция. Агитбригада разучивает песни, с которыми будут выступать. Мужской или женский голос без конца под баян твердит одну и ту же музыкальную фразу. Из-за стены – в соседнем помещении находится музвзвод – доносится валторна или тромбон.

По шоссе, ведущему за Молвотицы, в район действий 1-й Ударной непрерывно везли орудия разных калибров, то в конной упряжи, то прицепленные к американским шестиколесным автофургонам. Грузовики с пехотой и с минометчиками, санные обозы, броневики, даже танки. Мы с Рокотянским радостно переглядывались: наступление все же готовится. Впервые увидели двух командиров с погонами.

Часть была, видно, совсем новая. Большинство – молодежь. Никакой воинской выправки. Никто за все время этого пути не приветствовал нас. Двух-трех бойцов, проходивших мимо, засунув руки в карманы, мы остановили и сделали замечание.

Большую часть пути, от Молвотиц до села Рвеницы, удалось сделать на машине. В Рвеницах слезли, пошли пешком. Погода омерзительная: ветер, талый снег, то дождь, то колючая снежная крупа. На дороге лужи. Валенки у нас промокли насквозь.

Зайдя в Игнашевке в 7-й отдел, узнали от успевшего уже

вернуться Фрадкина важные новости. Армия наша готовится к наступлению, но только с другого участка. Будет драться совместно с 1-й Ударной. Туда, за Демянск, уже выехали командующий, почти весь политотдел, хозяйственники. Редакция тоже было собиралась выехать, уже погрузились на машины, но после решение это было отменено. Пока по-старому, в Баталовщине. На нашем фронте три маршала: Тимошенко, Жуков и Воронов.

Ничего мы этого не знали, сидя в Заселье.

Как обычно, в редакции меня ждали неприятности. Во-первых, уехавший в Москву Зингерман «забыл» взять приготовленную для него посылку. Когда-то сумею я теперь подбросить старикам продовольствие!

Во-вторых, мне и Рокотянскому вручили приказ с выговором от Карлова за отрыв от редакции, за неповоротливость и за отсутствие информации о захвате «языка». Справедливым в этих обвинениях было лишь то, что мы действительно не держали с редакцией телефонной связи. Что же касается языка (событие!), то вина падает не столько на нас, сколько на тупоголовых дивизионных политотдельцев, даже и не подумавших нас об этом информировать!

Снова, после очень долгого перерыва, в небе появились немецкие самолеты. Враг чует недоброе и нервничает. Будучи в 74-м полку, ночью я слышал бомбежку – бомбы три сбросил немец где-то поблизости. Бомбил дороги.

14 февраля. В двухэтажном бревенчатом доме, одном из немногих уцелевших, расположилось оставшееся от ушедшей 241-й дивизии хозяйственное подразделение. Сидели, ждали, когда за ними приедут. Раза два мы там побывали. Рокотянского привлекали девчата-прачки. Их там было пятеро, почти все из Демянска. Жили с бойцами в общей большой комнате на втором этаже. Спали на общих нарах. Принимали нас радушно. На фронте бойцы всегда рады свежему, запросто зашедшему к ним человеку, в особенности если этот человек старший командир. Засыпали нас вопросами о событиях на фронте. Жарко топилась печь, сделанная из железной бочки из-под горючего, на столе тускло мерцала коптилка. Мы сидели у огня и беседовали. Хозяйственники – первые политики. Оно понятно – газеты первым делом попадают к ним. До тех, кто в траншеях, большей частью не доходят.

В следующий наш приход были устроены танцы. Появился баян. Девушки сначала жеманились, потом выскочила самая бойкая, маленькая, в черном свитере, пошла по кругу, топоча

валенками и пронзительно выкрикивая частушки. За ней и другие. Мне понравилась двадцатилетняя синеглазая Женя, самая, несмотря на миловидность, кажется, скромная изо всех. Очень долго не хотела танцевать.

– Да у меня не выйдет.

Потом разохотилась, стала танцевать с подругой. Плясал и Рокотянский, подцепив одну из девушек.

История Жени. Из Демянска, отца нет, мать осталась у немцев. Жили в колхозе. Работает прачкой, надеется на то, что вот-вот освободят Демянск и она вернется к матери.

– Так всю войну и простираю, – сказала девушка с грустью в голосе.

Я посоветовал ей бросить это занятие, поступив в госпиталь, учиться, стать сестрой или фельдшером. Вероятно, впервые так с ней говорили.

Здесь мы получили чистое белье в обмен на свое грязное. Организовали баню – мы неплохо помылись. Сложная банная проблема была разрешена. И вовремя: осматривая сорочку, я нашел двух «автоматчиков» явно инородного происхождения.

На наш «корреспондентский пункт», стоявший у дороги, на краю деревни, то и дело заглядывал прохожий и проезжий люд. Погреться, а то и переночевать. Две ночи провели с нами двое лейтенантов. Только что окончили военно-пехотную школу и впервые на этом фронте. Серьезные, подтянутые ребята.

– Самое страшное – это как я буду вести людей в бой, – несколько раз бросил один из них.

Эти командиры совсем другого склада.

С ними едва не сыграли скверную шутку. Командир их подразделения пустил лейтенантов не только без провожатого, но и дал неправильный маршрут и в довершение всего указал деревню, давным-давно занятую немцами. Если бы не случайный прохожий, встретившийся им у самого переднего края, лейтенанты, совершенно безоружные, сами бы явились к немцам.

Возмутительная русская беспечность и безответственность. Один из этих славных ребят – фамилия его Овчинников, в прошлом он директор средней школы, туляк – скромно сказал, что на фронте впервые. Однако оказалось, этот скромник долгое время работал диверсантом в немецком тылу, в брянских лесах. Рассказывал нам массу интересного о своей работе, о технике взрывов железнодорожных путей, о немцах, среди которых жил, ежеминутно рискуя жизнью. Книгу можно писать о таком человеке. Прощаясь, я дал ему свой адрес и просил держать со мной связь. Думаю, что это останется гласом вопиющего в пустыне.

Потом заночевал у нас боец, потерявший свою часть. Курносый, простой. Из Кировской (Вятской) области. Неграмотен. Кто такой Сталин, чего хочет Гитлер – не мог нам ответить. О событиях под Сталинградом ничего не знает. Рокотянский – наивная душа и человек глубоко штатский – был поражен, что у нас есть еще такие бойцы, и негодовал по поводу плохой политработы в этом подразделении. Мне он показался подозрительным, и я спросил у него документы. Их не оказалось – сдал, по его словам, старшине. Какой полк? Боец не знал. Он не знал ни своей части, ни фамилии ротного командира, ни пункта, куда они направлялись, ни знаков различий. Глухая деревня! В лучшем случае это был дезертир.

Тогда я приказал одному из патрульных отвести его в соседнее Пупово, километра за три, и сдать коменданту. Подозрительного парня повели.

Прошел час, другой, третий – патрульный не возвращался. Стало смеркаться – то же самое. Мы забеспокоились. По времени наш хозяин давно уже должен был, сдав арестованного, вернуться домой. Кто знает, может быть, по дороге этот подозрительный малый хватил его прикладом своей винтовки и скрылся? Сильно волновался и товарищ патрульного.

Вечером мы пошли в музвзвод, и я, вызвав начальника, распорядился, чтобы тот немедленно послал двух бойцов в Пупово – проверить у коменданта, приводили к нему арестованного или нет. Мой музыкант нехотя, со всякими оговорками, наконец выполнил приказание.

Часа через два мы узнали, что все обстоит благополучно. Патрульный жив и невредим – просто задержался в Пупове. Арестованный действительно потерял свою часть, и она как раз остановилась в этой деревне. Комендант просил передать нам благодарность за заботу о его бойце.

Мы вздохнули с облегчением.

Очень тянет писать настоящее. Работа в убогой нашей газетке никак не может меня удовлетворить. Но что писать? Роман или пьесу? Еще не решил. Пока напишу цикл «Фронтовые новеллы».

15 февраля. Вчера вечером некоторые из товарищей получили наконец погоны. Произошло это буднично – просто Карлов вызвал их к себе и вручил. Вообще, переход армии к погонам смазан. На три четверти эта реформа теряет свой смысл и значение. Разумнее было бы приурочить это к 1 Мая, к выдаче нового летнего обмундирования или хотя бы к 25-летней годовщине Красной армии. Ненужная суетливость и спешка.

Губарев и Эпштейн целый вечер мучились пришивкой

погонов к гимнастеркам. А надев их – сразу превратились в деникинцев.

Цитрон убит, говорит с дрожью в голосе. Полагающиеся ему (так же, как и мне) интендантские погоны, во-первых, еще не получены, а во-вторых, имеют довольно невзрачный вид. Человек действительно переживает. Детское тщеславие этого плута поистине трогательно.

Вообще, погоны вызывают в армии чисто ребяческое любопытство. Новые цацки! Недоумевают лишь старые солдаты:

– В семнадцатом году мы срывали с офицеров, а теперь надеваем?

За один день взяли Ростов и Ворошиловград. Северный Кавказ очищен, за исключением Новороссийска. Харьков в клещах. Падение его – вопрос двух-трех дней.

Дела на фронте блестящие.

Гитлер спешно мобилизует резервы. Что-то покажет лето? Во всяком случае, к концу этого года война кончится.

16 февраля. Вчера началось наступление нашей армии. Телеграмма от Прокофьева: продвинулись на несколько километров, взяли две деревни. 41 пленный, в том числе офицер. Наступление продолжается.

По нашим масштабам не так уж плохо. Очевидно, на сей раз дело пойдет успешнее. Немного досадно, что я сижу здесь, а не там, в центре событий.

Специальный номер нашей газеты посвящен наступлению. Мне поручили написать передовицу. Это вторая по счету моя передовка. Карлов, как и полагается армейскому редактору, ни разу не написал. Передовицы пишут все, кроме тех, кому полагается их писать. Странная традиция.

17 февраля. Взят Харьков. Завтра еду на передовые. Произошло это быстро. Попросил, в разговоре, Карлова направить меня туда. «В такое время и сидеть здесь…»

– Преступление, – подтвердило начальство и тут же распорядилось, чтобы я ехал.

Километров полтораста придется сделать. Говорят, туда все время идут машины. Жизнь в лесу, в шалашах. Наше наступление развивается. Продвинувшись на 15 км, заняли всего 9 населенных пунктов. Линия обороны прорвана. Если дальше так пойдет, скоро, чего доброго, покончим с демянским гнойником. А там Старая Русса, Псков, Новгород и выход в Прибалтику.

4 марта. Несколько дней назад вернулся с передовой…

Москвитин, похудевший и почерневший, ходил героем. Командование танкового полка, где он был, представило его к награде за участие в танковой атаке. Участие заключалось в следующем: Москвитин вскочил в сани, привязанные к танку, идущему в последних рядах, доехал до деревни Извоз, уже занятой нами, там соскочил и стал бродить по немецким блиндажам. Захватил кофе, лимоны, эрзац-бритву, еще какие-то трофеи. Танки тем временем прошли дальше – там попали под артиллерийский огонь. Сидя в траншее, Москвитин переждал обстрел, затем двинулся назад и сообщил командованию о положении. Вот и все. Он сам с подкупающей искренностью рассказывал нам обо всем.

– Чтобы я еще раз пошел в атаку? Нет, хватит.

Смесь авантюризма и расчета. Но тем не менее на груди у него блестит медаль «За отвагу». Хотели было представить даже к Красной Звезде, но армия не дала. На глазах Москвитина один за другим загорались подбитые немецкими снарядами танки. Очень много выведено из строя.

Свыше 60 пленных взято. То-то работы 7-му отделу! Я присутствовал на допросе, который вел Фрадкин. Мы сидели в палатке, обогреваемой немецкой печкой, на КП. Немец в зеленой блузе с напуском, в штанах, спущенных на валенки, шапки нет, вокруг головы намотан зеленый шарф. Рыжеватая бородка, лицо открытое. Ничего специфически фрицевского. Жил в Силезии, знает немного русский и польский. В прошлом продавец магазина. Сначала назвался беспартийным, потом сам сказал, что член национал-социалистской партии. Вынужден был, дескать, вступить в нее. Как сдался в плен? Очень просто!

– Подошел русский танк. Высунулся из люка танкист, машет рукой и кричит: «Давай, давай». Я бросил винтовку и пошел. Иначе он бы меня застрелил.

Действительно, танкисты несколько человек взяли в плен таким несложным способом.

Интереснее был другой пленный, вернее перебежчик, но на допросе присутствовать не удалось. Он австриец, коммунист. Таких перебежчиков было двое. По распоряжению Горохова для них соорудили отдельную землянку. Ровно через час после моего прибытия на КП явился сюда Карлов. Краткое совещание. Военачальник похвалил Прокофьева за работу, выразил свое недовольство Пантелеевым, даже приказал ему вернуться назад в редакцию, а мне поручил дать серию очерков о героях.

Прокофьев направил меня в только что прибывшую нашу армию, 32-ю бригаду. Она была на Волховском фронте, дралась под Синявином.

Большего хаоса и беспорядка, чем в этой бригаде, я не видел. Тылы остались далеко позади, не было боеприпасов и продовольствия, а командование армии требовало немедленно вступить в бой. Все же на день отложили наступление. Тем временем подтащили боеприпасы. Новое горе: никак не могли наладить связь. Бились с этим почти сутки. Комбриг, подполковник Сухоребров, принявший, к слову сказать, меня очень приветливо, ходил мрачный, нервничал, волновался. Командарм крепко распек его, пригрозил даже расстрелом. Все здесь не клеилось и не ладилось. Придали бригаде танки – они сбились с маршрута, стали беспорядочно крутиться и фактически ничего не сделали. Подразделения бригады на поле боя смешались с боевыми отрядами соседней 380-й дивизии, нарушили систему и порядок, все спутали.

Бойцы по два, по три дня не получали горячей пищи. Уже возвращаясь назад на КП, я встретил на лесной дороге прокурора этой бригады. Трясясь от негодования, он рассказывал о безобразиях в их медсанбате. На поле боя не было видно санитаров, раненые много часов валялись, истекая кровью. Прокурор грозился отдать под суд начсандива. Ленинградский писатель Уксусов, с которым я познакомился здесь, рассказывал, что привезенным тяжелораненым целую ночь не оказывали медпомощи. Мы сидели с ним в палатке среди раненых – они лежали на земляных нарах, как были, в валенках, шинелях, ушанках. Уксусов, симпатичный человек, служит в бригаде простым бойцом и специально пишет историю части. Не завидую я своему собрату.

Питался я эти дни кое-как. Болтался, как неприкаянный, с чувством своей ненужности. Две ночи я провел в шалаше, где жили бойцы комендантского взвода. Спал на снегу, у костра. Ничего, спать можно, только ноги стынут, даже в валенках! Во время сна сжег рукавицу, которой прикрывал от жара лицо. Отсюда перебросили меня в 380-ю дивизию, тоже впервые влившуюся в нашу армию.

Предварительно, вернувшись на КП, побывал на совещании политработников. С докладом о задачах пропагандистов выступил приехавший с фронта Кульбакин. Со мной встретился приветливо. Относительно книжки сказал, что она до сих пор находится в ГлавПУРе, который ее маринует, несмотря на запросы Политуправления. Снова похвалил мои очерки. Пригласили меня на совещание.

Совещание происходило в столовой. Председательствовал Шмелев. Потом приехал Горохов.

Характер пропаганды и агитации в данный момент:

воспитание воинственности, борьба со всякими «лирическими настроениями», внедрение уверенности в том, что мы справимся с немцами и без второго фронта. Последнее показательно.

Крепко досталось на совещании злополучной 32-й бригаде. Представитель ее, подполковник Гельфанд, начальник политотдела, сухой, надменный, присутствовал тут же. Кажется, сейчас его сняли с работы.

380-я дралась под Ржевом. Вся из алтайцев. Сейчас, конечно, на 80% обновлена. О ней писал Эренбург, чем здесь очень гордятся. Удивительно, до чего отличаются иные «хозяйства» одно от другого. По сравнению с 32-й я попал в иной мир. И здесь были горячие, трудные дни, и здесь люди ходили с воспаленными лицами и красными от бессонницы глазами, но в то же время не было и намека на ту панику и расхлябанность, что я видел в 32-й бригаде. Во всем чувствовалась организованность, налаженность, все делалось как-то само собой, без криков, беготни, истерики. А положение было нелегкое. Заместитель командира политчасти полковник Кокорин, когда я сказал, что намерен отправиться в батальоны, буркнул угрюмо:

– Нет батальонов. Никого не осталось.

Действительно, от полков оставались десятки штыков. И с такими силами приходилось штурмовать укрепленные рубежи. Потери, потери без конца… Если такой ценой достаются нам победы и на других фронтах – надолго ли хватит резервов?

Нет ничего труднее в работе армейского журналиста, как добывать материал во время наступления. Все движется, все ежечасно меняет свои места. Люди, с которыми нужно побеседовать, находятся под огнем, ведут бой. Если ты даже и доберешься до них, тебя попросту «обложат» и будут правы: не путайся под ногами, когда идет тяжелая, трудная, кровавая работа. Вообще, в полках от тебя в этот момент отмахиваются.

Я был на КП двух полков в момент боя. Люди сидели в дырявых палатках, в шалашиках, скудно обогревались железными печурками и напряженно прислушивались к сообщениям полевого телефона. Мутные, воспаленные глаза, нервы, натянутые до предела. Вблизи с завыванием и треском падали мины. Немцы били трехслойным огнем: обстреливали из минометов наступающие подразделения и КП полков, а дальнобойной артиллерией накрывали дорогу.

4 марта. Стояла оттепель, пахло весной. Сильный, совсем мартовский ветер. На дорогах выступила вода. Я делал по 10 – 15, если не больше, километров в день, шлепая в валенках по лужам. Навсегда останется у меня это ощущение ходьбы в отяжелевших,

насквозь мокрых валенках. Сапоги мои остались за сто километров в Баталовщине, к тому же в сапожной мастерской.

Покидая дивизию, я попросил снабдить меня взамен валенок сапогами. Смирнов и Кокорин тотчас же позвонили на ДОП *(дивизионный обменный пункт. – М. Д.)*. По дороге на КП армии я туда заглянул. Начальник ДОПа капитан Масловский оказался сверхпредупредительным. Меня угостили вкусным завтраком с водкой, я получил на дорогу пачку табаку, банку консервов, начатую пачку хороших «Дели», а самое главное – желанные сапоги. К счастью, нашлись на мою ногу – поношенные, кирзовые, но крепкие. Я надел их и почувствовал себя счастливым человеком. Взамен промокших рваных портянок я получил новые. Мало того, Масловский дал свою легковую машину, на ней я и добрался до армии, находящейся километрах в восьми отсюда.

Как на грех, по дороге меня встретила наша редакционная автоколонна, переезжавшая на новое место. Я ее даже не заметил, зато меня заметили. Фибих на легковой машине! Это произвело фурор. Карлов потом не мог мне этого простить и раза два, как бы невзначай, упомянул о легковой машине.

– Вы думаете, – сказал я, – что мне приходится разъезжать по фронту только на легковых машинах? Гораздо больше я хожу пешком по грязи, в валенках.

Я был в Пустошках, отбитых у немцев. Местность здесь плоская, ровная – сплошные болота. И помина нет о валдайских горах и оврагах. Вот передний край немецкой обороны: снежный вал, протянувшийся вдоль опушки соснового бора, впереди несколько рядов проволочных заграждений. Я представлял себе неприятельскую оборону чем-то вроде линии Маннергейма. На самом деле все было гораздо проще и скромнее. Все держалось лишь на системе огня. Пересекая вал, в лес уходит грязный разъезженный большак. По нему тянутся вереницы с ящиками снарядов, железными печурками, станковыми пулеметами, автомашины с прицепленными пушками, упряжки с собаками-санитарами, везущими лодки-волокуши. Идут бойцы, здоровые и раненые, одетые кое-как. Грязные, оборванные, лица как у трубочистов, вид вахлацкий. Погоны, как и следовало ожидать, ничего не переменили. «Святая серая скотинка», как говорил генерал Драгомиров, мученица и страстотерпица, сиволапая, немытая наша пехота, героическое пушечное мясо. То и дело пятна крови на грязном снегу. Густо полита кровью эта отвоеванная земля. Доносятся раскаты артиллерии, грохот отдаленной бомбежки. Собаки-санитары жмутся, в глазах тоска. Проносятся по небу наши «лаги» и «миги». Лица бойцов светлеют:

– Наши. Сейчас дадут им жизни.

Авиация наша на сей раз работает энергично и неплохо.

Я хотел попасть в Годилово, занятое соседней 241-й дивизией, но сбился с пути, попал в какие-то чуть прикрытые снегом болота, повернул назад и только случайно вышел на дорогу, ведущую в Пустошки. Грустный вид у этой опустошенной, такой ценой доставшейся нам земли. Черный от разрывов мин снег, залитые водой воронки, глинистые рвы, обожженные деревья, трупы. Я насчитал тринадцать – и все наши. Валяются, бедняги, ждут, пока их стащат в яму и закопают. Желтые и зеленые голые ступни – проходящий «славянин» стащил валенки.

От Пустошки остались только горелые деревья да десяток немецких землянок. Вот и все. Таково большинство освобожденных нами населенных пунктов. «Населенные пункты» – горькая ирония!

В немецких блиндажах уже разместилась какая-то чужая часть. Перед ними валяются темные каски с фашистским орлом сбоку, зеленые шинели и пилотки, противогазы, пакетики с порошком против вшей, что-то кровавое – не то бинты, не то клочья мяса. Где же трупы немцев? Артиллерист у орудия, прикрытого сверху сеткой, равнодушно кивает в сторону:

– Вон валяется один, сволочь.

У воронки среди комьев глины лежит навзничь молодой немец в маскировочном белом костюме. Говорят, в Пустошках восемь убитых немцев. Я видел одного. Сравниваешь невольно: 13 и 1… Говорят, немцы увозят своих убитых. Если так, то откуда же такая точность в подсчете вражеских потерь, какую дают нам сводки Совинформбюро?.. Кажется, Бисмарк сказал: «Нигде так не врут, как на охоте и во время войны».

И все же настроение хорошее.

На обратном пути попался мне раненый, идущий в тыл. Локоть перебит осколком, забинтован. Боец шел и покуривал. Разговорились.

– Бежит немец. Дурбом бежит. Сапоги бросает, чешет босиком…

Лев Толстой правильно отметил, что раненый солдат обычно видит все в мрачном свете. «Наших бьют, положили тыщи, все пропало». Тем характернее слова моего попутчика.

Итак, Демянский плацдарм очищен. Победа? Как будто. И все-таки ни у кого нет ощущения настоящей, полноценной победы.

Бахшиев, впервые видевший настоящие бои, ходит подавленный потерями.

13 марта. Все дальше на северо-запад. КП армии переехал,

политотдел и редакция тоже. Деревни сожжены. Размещаемся в лесах, в землянках, оставшихся от прошедших здесь частей. Равнины, болота. Снег тает. Сильные ветры – по ночам лес гудит.

Правый берег Ловати очищен от врага. Несколько дивизий дерутся уже на левом берегу. Пять дней пробыл в командировке – на этот раз с Пантелеевым. Отношения у нас вполне мирные. На редкость нескладная и утомительная командировка. Все время на ногах – в день делал по 15 – 20, а то и больше километров. Ночлег – сложная проблема. Одну ночь провели в блиндаже редакции 348-й дивизии. Славные ребята. Встретили нас приветливо. Вторую ночь – у полковых хозяйственников. Замкомандира полка по хозяйственной части капитан Власов, москвич, работник Госплана, был очень доволен, когда мы, газетчики, решили заглянуть к нему, и принял по-царски. Угостил невиданным ужином: холодец и трофейный кофе с молоком. Была и водочка. На завтрак – мятая картошка, кружка молока и чай. Спали в огромной землянке, оставшейся от какого-то медсанбата, где разместилось человек 30 – 40. На следующий день вымылись в бане, сменили белье. Баня была оригинальная: отличный шалаш, посреди печка из железной бочки с вставленным сверху котлом. Изобретение самого Власова. С другой стороны поставили железную печурку. Стоя между этими двумя источниками тепла, вполне можно мыться. Но чистое белье, которое мне дали, оказалось зараженным гнидами, и через день-два я это почувствовал. Сейчас веду упорную борьбу со вшами.

Две ночи провели в дымном логове связистов из чужой дивизии. Пустили нас из милости. Хороший народ наши красноармейцы. Я люблю у них ночевать. Оба связиста пожилые, оба из Казахстана, русские. Один старик с трубочкой, матерщинник неистовый, до армии был поваром. О Гитлере:

– Говорит, «вы плохо живете». Плохо живем мы, а не ты. Просили мы тебя помочь, язви тебя в рот? Благодетель нашелся…

Ночью мы возвращались назад. Брели по скользкому льду Ловати, освещаемому зарницами орудийных выстрелов. Зеленые трассирующие пули над головой. Вдали шарит по небу наш прожектор, взлетают ракеты, то в одиночку, то целыми гроздьями. Чьи? Не разберешь. Весь горизонт в тревожных вспышках.

Общее стратегическое положение на нашем участке. Соседняя 1-я Ударная наносит главные удары с юга. 53-я сковывает действия противника – ее роль вспомогательная. Но и 1-я Ударная успехами не может похвастать. Немцы крепко сопротивляются. Все же им удалось уйти за Ловать. Проклятый,

кровавый Северо-Запад.

Все находилось в движении, в переездах. От встречных знакомых мы узнали, что редакция тоже переехала, но куда именно – никто не знал. Мы бродим по лесам и полям, фронтовые бродяги, не зная, куда голову преклонить.

Нашли наконец перебравшееся на новое место ВПУ – вспомогательный пункт управления. Пантелеев предложил зайти к Горохову.

Скромный, чистенький блиндаж. Горохов сидел за столом. Три ордена. Я представился ему, вслед за Пантелеевым, но Горохов прервал тоном человека, хорошо меня знавшего.

– Садитесь, товарищ Фибих, – сказал он просто.

Предлогом для нашего посещения было желание получить указание члена Военсовета. Поговорили о положении в дивизиях, где мы были, о тех вопросах, которые нужно сейчас поднимать, об общей обстановке на нашем фронте. Затем заговорили о редакционных делах. Горохов очень внимательно слушал нас и сказал, чтобы в будущем мы держали с ним непосредственную связь и в случае чего обращались бы прямо к нему.

– Я слежу за тем, что вы печатаете у нас и в центральной прессе, и впечатление у меня самое хорошее. Вы и Пантелеев – это лицо газеты, это основное ядро.

Это было приятной новостью.

Мы ушли обласканные и окрыленные. Такого приема у высокого начальства я никак не ожидал.

В редакции мы узнали тяжелую новость: застрелился начальник 7-го отдела капитан Александров. Серьезный, сдержанный, умный, культурный. В чем дело? В письмах, оставшихся после него, говорится о тяжелой нервной болезни, о состоянии депрессии. Он называет себя «лишним человеком».

Всего два-три дня назад на лесной дороге мы с Пантелеевым встретили Александрова. Его «звуковка» стояла в ближайшей деревне. Он был по-обычному сдержан и молчалив, но ничего особенного в нем не замечалось. Нелепая смерть. Самоубийство на фронте!

Деталь: разговаривая с Карловым, мы все время стояли. Землянка настолько низенькая, что даже Пантелееву приходилось стоять согнувшись. От неудобного положения скоро спину у меня стало нестерпимо ломить. Тем не менее наш заботливый начальник даже не подумал предложить сесть, хотя видел наши согбенные позы. Пустяк, но характерный.

На Украине немцы перешли в контрнаступление.

Оставлены Лозовая, Лисичанск, Павлоград – всего 8 городов.

Конца-краю не видно войне.

Получили посылки к 25-летию Красной армии. Зная, как тяжело живется в тылу, – чувство неловкости: зачем они нам шлют то, в чем мы не нуждаемся? Ведь отрывают от себя.

Конечно, лучшие посылки, прежде чем дойти до нас, «отсеялись». Нам достались огрызки. В одних посылках была водка и всякие мелочишки, в других – продукты. Мне достался пакет, где было сливочное масло, колбаса, печенье, помазок для бритья, катушка ниток, старое полотенце, фитиль, кремень и стальное кресало. Другие получили, кроме того, носовые платки, конверты, открытки, папиросную бумагу.

Пантелеев сегодня снисходительно похвалил меня за смелость. Я, дескать, хорошо держался под обстрелом. Обстрел? Я его даже не замечал. Очевидно, речь идет о трассирующих пулях над Ловатью. Все это так привычно, так буднично.

Наступление. Хоть с грехом пополам, но задача, поставленная перед нашей армией, выполнена. Так или иначе, Демянский котел ликвидирован.

Вероятно, скоро бои закончатся. Не с кем воевать. Возможно, что нашу армию либо расформируют, либо перебросят на новое место. Сейчас на узком плацдарме топчутся пять армий: 53-я, 1-я Ударная, 34-я, 11-я, 27-я.

Только бы не сидеть снова в обороне. Здесь, в унылых этих болотах. Я устал за время войны от русской природы. Я сыт ею по горло. И так все.

16 марта. Немцы снова взяли Харьков. На Украине у нас дела неважные. Неужели это только начало? Такая кадриль может продолжаться и два и три года. Выдержим ли?..

Практика войны разрушила много теорий и иллюзий. Боюсь, что наша уверенность в невозможности для Германии вести длительную войну может оказаться зданием на песке. Ведь за тактикой Гитлера вся Европа.

Снова возникает угроза Москве. Зимнее наступление обескровило и истощило нас. Немцы могут взять теперь реванш.

На второй фронт у нас в редакции уже махнули рукой. Лишь оптимист Прокофьев верен себе. Доказывает, что в мае – июне союзники должны начать действовать.

Кто и что уцелеет после этой страшной, мучительной бойни?

На северо-западе армии с трудом, но продвигаются вперед. Бои на западном берегу Ловати. Попытка немцев закрепиться на этом рубеже сорвалась. Бои под Старой Руссой. По-видимому, враг ее оставит.

20 марта. В нашей 53-й осталось всего две дивизии.

Остальные переданы 1-й Ударной. Их, как мяч, перебрасывают между двумя этими армиями. Наши дивизии перешли к обороне. Осталось по 20 – 30 штыков. В дивизии! Если мы воюем бездарно, то и немцы недалеко от нас ушли. Они могли бы легко прорвать наш фронт, голыми руками взять штаб дивизии, а то и армии. Или и у них нет сил?

По-видимому, главная задача все же падает на соседние соединения. До сих пор не введены в дело сталинградские армии. План командования для меня неясен. Что-то намечалось важное – недаром здесь Жуков. Но наступать такими силами… 53-я обескровлена. То же говорят и о 1-й Ударной.

Когда же конец всему этому? Когда можно будет забыть о ежеутренней охоте на вшей, когда я вновь усядусь за свой письменный стол и примусь писать настоящую вещь? Когда кончится звериная, лесная жизнь в темных серых норах, где под ногой хлюпает вода? Когда глаза не будут больше видеть лишь выгоревшие дотла деревни и валяющиеся на снегу трупы?

Когда? Когда?

22 марта. Переезжаем на новое место, – очевидно, на новый фронт. Куда? Конечно, никто толком не знает.

25 марта. Сижу в пос. Пено. Доносятся гудки паровозов, кудахтанье кур, петушиные голоса. Тыл! Другая жизнь, по которой мы все истосковались. Мы наслаждаемся после жизни в мокрых темных землянках, откуда приходилось вычерпывать по 40, по 60 ведер воды, настоящими светлыми теплыми комнатами, где остановились. Приветливые хозяйки, ребятишки, кипящий самовар на столе. Человеческая жизнь. Под окнами дома Волга, еще неширокая, искрящаяся под солнцем. Местами на ней белеет лед. Ждем погрузки в эшелон. Когда? Может быть, сегодня ночью, может – завтра.

До сих пор неизвестно, куда и зачем мы едем. Всякие предположения. Очевидно, будем проезжать Москву. Все волнуются, особенно те, у кого там семьи, – отпустят ли нас побывать дома. Мало вероятности. Говорят, что едем в Среднюю Азию, в Казахстан. Наиболее увлекающиеся мечтают об Иране. Одно очевидно – на Северо-Запад мы в ближайшее время не вернемся.

До Пено мы ехали на своих машинах, колонной – около двухсот километров покрыли. Ехали сутки. Выехали 22-го, поздно вечером. Дорога приличная. В последний момент перед отъездом редакция была взбудоражена сенсацией: Горохов (сам Горохов, независимо от редактора) представил меня к правительственной

награде. Очевидно, медаль.

Вещи уже были сложены, мы сидели в одной из землянок, когда вошел Цитрон и сказал:

– Интересный нюанс, – и ко мне, протягивая руку: – Ну, поздравляю.

Выяснилось, что только что ему сообщили об этом работники политотдела. Я долгое время не верил, но поздравления сыпались со всех сторон.

Все злорадствовали по адресу Карлова:

– Вот это фитиль!

«Фитиль» действительно был большой. Сам член Военсовета решил наградить меня, чье имя ни разу не упоминалось в представляемых редактором списках.

Тут же Губарев, переговорив с Карловым, не глядя на меня, сказал, чтобы я сходил в отдел кадров за бланками наградных листов, которые нужно заполнить и тут же сдать в армию.

Где находился отдел кадров, я точно не знал. Уже вечерело, наши машины были готовы к путешествию. Отъезд задержался из-за меня.

Несколько часов носился я по лесам и болотам, разыскивая отдел кадров. Взошла полная луна. Лесные дороги были пустынны. Редко попадался навстречу боец или командир. Никто не знал, где находится отдел кадров, либо давали противоречивые и неточные указания. Лица все незнакомые – наша армия ушла, а на смену ей уже явилась новая, незнакомая. Очевидно, 68-я, Сталинградская. Я лазил вниз и вверх по оврагам, сбивался с пути, описывал круги, как заяц, и вновь возвращался на старое место, попадал в болота. Тонкий лед трещал, я проваливался по колено в воду.

Совершенно измученный, вспотевший до того, что гимнастерку – хоть выжимай, я вернулся наконец в редакцию, так и не найдя проклятого отдела кадров. Тут узнали, что, в сущности, незачем было меня гонять. Бланки наградных листов отыскались в самой редакции.

Хорошо, что в самый последний момент все же удалось оформить мое представление к награде. И все-таки до сих пор я не уверен, получу ли.

Москвитин говорит, что я имею полное право на Красную Звезду и что если бы в наградном листе, отправленном редакцией, стояла именно такая награда, Горохов подписал не задумываясь. Но наградной лист заполнял Губарев (не Карлов), и, конечно, мне не приходится рассчитывать на такую «щедрость» с его стороны.

26 марта. Все еще в Пено, ждем погрузки.

В свое время тут были немцы. Сейчас здесь глубокий тыл. Поселок, разделенный Волгой, вполне сохранился. Лишь два-три дома пострадали от бомбежек. Парикмахерша в городской парикмахерской, где я стригся, рассказывала: они живут в полуразрушенном доме, под которым находится невзорвавшаяся авиабомба. Живут уже второй год на бомбе. И ничего! Быт войны – русская беспечность.

Недалеко от Пено (Совинформбюро именовало его в свое время городом) находится деревня Кста. Мы проезжали ее. Деревня совершенно невредима. Население, от мала до велика, поголовно расстреляно немцами – якобы за связь с партизанами.

Ночью глухое завывание в небе, ожесточенный лай зениток, отблески орудийных вспышек. Третью ночь подряд прилетают немцы и пытаются бомбить где-то поблизости.

Говорят, вокзал в Бологом разбит. В последний раз, когда я проезжал Бологое, он был совершенно цел – огромное благоустроенное здание.

28 марта. По-прежнему бездельничаем. Поставили радиоприемник, слушаем музыку и сводки. Иногда врывается немецкая (на русском языке) пропаганда. Она довольно убога, но на дураков может подействовать. Споры на литературные и политические темы, анекдоты, вечером хоровые песни. Вчера устроили блины – взяли подболточную муку, – пекла хозяйка. Сидели за самоваром, даже варенье из клюквы было, правда без сахара. В соседнем «дзоте» яростно забивают козла – режутся в домино. Этот «дзот» прозвали «забойным». Забойщики.

Почти у каждого из нас прозвища. Пантелеева зовут Великим, Весеньева – Интеллигентом, Прокофьева неизвестно почему окрестили Бурбоном, Левитанского – Мальцом, Эпштейна – Добрым Поселянином, Бахшиева – Могучим Стариком, Рокотянского – Ладожским Дьяком. Последнее прозвище удачно – в нем действительно что-то от дьякона. Я, с легкой руки Прокофьева, именуюсь Дед Данила.

29 марта. Здесь, в деревне Издешково, где мы живем, была расстреляна немцами известная партизанка Лиза Чайкина.

Эфир наполнен германской пропагандой. На всех языках – на французском, польском, эстонском, финском, украинском, русском, не говоря уж о немецком. Странно слышать чистый русский язык, на котором говорится о победах германской армии. Дикторы и дикторши – чистокровные русские, это чувствуется. Кто эти люди? Что заставило их работать на Гитлера, так нагло и

хладнокровно лгать, опутывать, дурачить своих же?

Немецкая пропаганда сильна своей элементарностью и конкретностью. То, чего нам недостает. Мы, материалисты, по своей сущности больше идеалисты. Парадоксально, но факт. Геббельс знает, на что бить. Мы учимся у немцев искусству воевать. Неплохо было бы поучиться у них и искусству пропаганды.

30 марта. Уже неделю сидим в Издешкове и не можем погрузиться в эшелоны. Не думаю, чтобы немцы такими темпами перебрасывали свои армии. Как скверно мы воюем!

Летом будут страшные решающие бои за Москву. Опасность для нее не ликвидирована. Судьба войны должна решиться летом 43-го года. Пора кончать.

8 апреля. Простился с Северо-Западом. Надеюсь, навсегда. Новое место, иной пейзаж.

Восемь суток пробыли в Пено, дожидаясь погрузки эшелона. Последний вечер отпраздновали общим банкетом. Получили новые посылки – в каждой четвертинка, сыр, колбаса, луковица, выложили на общий стол. Оба «дзота» соединились вместе. На сей раз вечер прошел без споров, ругани, матерщины (заранее условились). Было приятно. Но неожиданный приказ грузиться испортил вечер.

Рано утром 1 апреля мы были на вокзале. От него ничего не осталось, кроме путей. Половинка ржавого паровоза – будка машиниста оторвана. Вблизи огромная воронка. Остатки исковерканных вагонов и паровозов. На путях бесконечные составы, около них серые толпы бойцов, лошади, грузовики.

Оборудовали предоставленную нам теплушку. Устроили нары, поставили железную бочку с трубой, Пантелеев, взобравшись на крышу, прорубил отверстие для трубы, натаскали дров. Все в одной теплушке – 14 человек. Редактор с двумя девушками устроился в автобусе, поставленном на платформу. Наборщики, печатники, шофера тоже в машинах, уставленных на платформах. Повар Дедюра со своей кухней занял половину большого пульмановского вагона.

В нашей теплушке радиоприемник. Над вагоном антенна. Наконец тронулись, поехали… Все веселы, оживлены. Минуем Осташков, Бологое. Ура! Эшелон поворачивает на Москву. Вагон взволнован: объявлен приказ никому не отлучаться из эшелона. Десятки планов, как уведомить родных и вызвать их к поезду, как передать им приготовленные посылки. Неужели, будучи в Москве, так и не увидим жен, детей, матерей?

Утром 3-го показалась Москва. Эшелон остановился на ст. Ховрино. Вскоре оттуда нас передали на ст. Лихоборы.

9 апреля. Трое заболели дизентерией. Обвиняют Дедюру в том, что пища недоброкачественная и чай недоварен. Вообще, вокруг вопроса о питании, как всегда, разгораются яростные дискуссии. Цитрону приходится отражать ожесточенные атаки – все обвиняют его в том, что он выдает неполный паек. Ругань, мат. Выясняется, что запасов хлеба и сухарей, вместо полагающихся двенадцати, хватит только на семь дней. Бурное обсуждение вопроса, куда и как мог быть израсходован хлеб? Приходим к выводу, что объедают вольнонаемные, на которых не полагается пайка. Их у нас человек 5 – 6. Немедленно уволить их, а прежде всего – Катьку. Фаворитку нашего начальника все ненавидят лютой ненавистью. Кто-то предлагает поставить вопрос о продовольственном положении на ближайшем партийном собрании. По-партийному, по-большевистски! Что, в сущности, может сделать Карлов? Лишить медали?.. Отстранить от работы?.. Ни того, ни другого он сделать не может. Я уверен, что все это болтовня и показывание кулака в кармане. Смешно, грустно и противно наблюдать. Ни у кого из этих принципиальных коммунистов не хватает духа смело и открыто выступить против начальства, глубоко ими презираемого и ненавидимого. Они храбры лишь на словах.

Редактор более или менее осведомлен об отношении к нему коллектива – не раз намекал на это. Очевидно, среди нас доносчик.

Еще Тульская область, но вокруг уже лежат чисто украинские степи. Где вы, зубастые хвойные леса, голубые озера, валдайские горы? Теперь я начинаю испытывать нечто вроде грусти и сожаления, вспоминая о них. Голые бурые поля, лишь кое-где белеет полосами снег. Ряды голых верб. Белые мазанки и кирпичные дома, крытые соломой. Отсутствие лесов мы уже чувствуем на себе: приходится экономить топливо для нашей печки. Скоро почувствуем еще больше. Здесь негде маскироваться – все на виду. Полный простор для немецких летчиков. По этим равнинам могут свободно разгуливать стада танков. Нет, воевать тут приходится иначе, нежели на Северо-Западе.

Очевидно, ближайший, но не конечный пункт нашего продвижения – Елец. Затем мы едем дальше. Донбасс? Украина? Кубань? А может быть, тыл?..

Сейчас мне хочется заново переделать книжку о Северо-Западе.

Вчера устроили литературное выступление. Бойцов из других

вагонов построили, повели. Одна из теплушек была превращена в эстраду, на которой мы выступали. Слушатели собрались перед вагоном – стоя, сидя.

Выступали Левитанский со стихами, я, Пантелеев, Эпштейн и Москвитин, читавший главу из своей сатирической повести, Весеньев – с отрывком из своего научно-фантастического романа.

10 апреля. Всё стоим среди степи. Четвертые, кажется, сутки. Благодаря идиоту – начальнику эшелона мы вырвались вперед, вышли из графика и теперь должны ждать, пока пропустим все остальные составы. Кроме 53-й, с Северо-Запада переброшены 34-я, 11-я и 1-я Ударная. Неужели и немцы перебрасывают свои армии такими темпами? Сомневаюсь.

Все скучают, злятся. Утро в теплушке начинается с ругани. Вчера сутки шел дождь. Туман, прохладно. Поговариваем о возможности бомбежки. Хорошо, что погода пока нелетная.

Летом будут ожесточеннейшие битвы. Нам предстоят горячие дни. Воевать на этих полевых просторах нелегко – это не тихий Северо-Запад с позиционной войной. Работа военного журналиста сопряжена с большой опасностью.

11 апреля. Двинулись наконец дальше на Волово – Ефремово – Елец. Эшелон вытянулся чуть ли не на километр. Кроме нас здесь Ахо, полк связи, летчики, еще какие-то подразделения. На разъездах бабы и девчонки продают молоко, яйца. На Северо-Западе этого не увидишь. Главным образом меняют на соль. Молоко – литр 30 – 40 р., яйца, десяток – 150 р. Снега лежат только в тени да в оврагах. Сухо. Солнышко пригревает почти по-летнему.

Все время разговоры о предстоящих бомбежках.

На фронте затишье. Только под Балакшей упорные бои.

12 апреля. Все пути загажены. Загажена вся Россия.

Чем больше нахожусь я на войне, тем все меньше уважаю армию, ее людей, обиход, порядки. Да и за что уважать ее? Наши победы, наше двухлетнее сопротивление фашистской Европе – заслуга не армии как таковой, а героической России, простого русского человека, решившего умереть за Родину. И умирающего сотнями тысяч, безропотно и буднично.

15 апреля. Итак, на новом фронте. Район Касторной. Путешествие наше продолжалось 22 дня.

Повсюду в полях и на дорогах, точно дохлые раки, разбросаны немецкие автобусы, грузовики, танки, орудия, фуры.

Кое-где до сих пор валяются убитые фрицы. Следы недавних боев.

Выгрузились на ст. Касторная и своим ходом, автоколонной, двинулись в с. Семеновку, километров за пятнадцать. Здесь уже политотдел и АХО. Дорога сухая, лишь местами наша тяжелая печатная машина застревала в грязи. Приходилось вылезать и подталкивать. Черноземная полоса. Земля иссиня-черная, жирная, липкая. Малейший дождь – и не проедешь.

Деревни и села раскиданы в беспорядке. Белые мазанки стоят, окруженные кучами навоза и соломы. Никаких дворовых пристроек. Внутри хат земляные полы. Здесь же, в хате, живут козы, куры, телята. О банях тут не знают. Грязь. Это не бревенчатые добротные избы Калининской и Ленинградской областей с крытыми дворами. Ребята щеголяют в пиджаках, перешитых из немецких мундиров, и в юбчонках из немецких плащ-палаток. Немцы стояли тут семь месяцев. Кроме германцев были мадьяры и украинцы. В Семеновке помещались человек 200 украинцев – тыловое подразделение, механики, специалисты. Большинство были уверены в том, что Красная армия уничтожена. Про себя говорили: «Мы – солдаты». Среди них лейтенанты и капитаны Красной армии. Перейдя к немцам, они сохранили свои звания. Немцы им покровительствовали – разрешали даже украинцам жениться на немках, а немцам на украинках! (Тоже арийцы!) Мне хозяйка рассказывала, что только раз был случай перехода к нашим. Четверо украинцев, сговорившись, ушли. После этого немцы установили строгий надзор за украинцами.

Нашего наступления никто не ждал. Среди немцев началась паника. Эвакуировались так поспешно, что не успели уничтожить деревни.

Жителям давали 300 г хлеба, нетрудоспособным – 150. Остальное забирали. Впрочем, отнимали не так, как на Северо-Западе: у крестьян оставались и коровы, и овцы, и даже куры. Повесили пять стариков, якобы за связь с партизанами, и бежавшего из плена красноармейца. Вешали его на березе. Сук обломился, повесили вторично. Многих угнали в рабство. Хозяйка показала открытку, полученную от дочери. Живет «за Берлином», работает, получает 300 г хлеба.

Судя по рассказам крестьян, за это время с немцами установились более или менее добрососедские отношения, вплоть до споров на военно-политические темы. Немцы не только грабители, убийцы, садисты. Человеческое не чуждо им. Детям, случалось, сунут конфетку, приласкают. Но психология их проста и прямолинейна: я завоевал вашу землю, значит, имею право распоряжаться вами и вашим добром, как желаю. Они не шутя

считали себя освободителями:

– Мы сняли с вас хомут – колхоз. У вас будет барин, вы будете жить хорошо, все будет хорошо. Молодые станут работать на барина, старые будут отдыхать. Хорошие земли – барину, похуже – крестьянам. Хорошо будете жить.

Молодая крестьянка, рассказывавшая нам, ответила на это:

– Вы сняли такой хомут (показала руками), а надели такой (показала вдвое больше).

С помощью жестов, исковерканных русских и немецких слов обе стороны не только разговаривали, но и понимали друг друга. Особенно живо воспринимали немецкую речь, как это всегда бывает, ребятишки.

Но всякая попытка сопротивления подавлялась немцами с холодной, обдуманной, бесчеловечной жестокостью. Ненависть к ним со стороны населения велика. Совместное сожительство только усилило эту ненависть.

Здесь сеют свеклу. Недалеко от Касторной – сахарный завод. Все окружающие деревни гонят из свеклы самогон. Литр – 130, 150, 200, до 300 р.

Наша армия в распоряжении резерва фронта. Прежние дивизии и бригады забрали у нас, вместо них дали семь новых, в том числе одну гвардейскую и три авиационных дивизии. Это интересно.

Очевидно, нас готовят для будущих решающих ударов. Говорят, простоим в резерве с месяц…

18 апреля. Вчера был день моего рождения. 44 года. Уже 44 года, а как обидно мало сделано. И жить уж осталось недолго…

21 апреля. Богатейшие земли, чернозем, пашни, как черный бархат, – и такая бедность кругом, грязь и бескультурье. Хаты на юру, никаких дворовых пристроек, ни изгороди, ни плетня – голое поле вокруг. В хатах вместе с людьми живут телята, козы, домашняя птица. Что такое баня, здесь не знают. Бытовой сифилис. Смотришь – и зло берет. Зло и обида. Четверть века советской власти! Пусти того же немца на такую землю – он бы через несколько лет устроил тут рай земной. А наш славянин ходит по золоту в своих «чунях» и живет как скотина, как триста лет назад.

У меня сейчас знакомое уже состояние, предшествующее какой-то перемене в личной судьбе. Такое чувство, будто доживаю последние дни в редакции. Что принесет мне 5 мая? Лишь бы удалось сделать те дела, которые наметил.

А там расстанусь с «Родиной» не без удовольствия. На время

или совсем – покажет будущее. Впрочем, к моменту решающих боев я не прочь был бы снова вернуться в 53-ю. Странное дело, несмотря ни на что, все-таки я привык к этой армии и к пестрой фронтовой жизни. Не представляю себе, как буду жить в Москве, в мирном тылу. Разве только писать большую вещь.

5 мая. Дни стояли сухие, даже жаркие, все начинало постепенно зеленеть. Степь не казалась уже такой голой и скучной. Население очень приветливое. Наша хозяйка, добродушная, белозубая, моложавая, несмотря на все свои 52 года, буквально заливала нас молоком во всяких видах – и сырым, и кипяченым, и топленым, и кислым. Я никогда в своей жизни не пил столько молока, как сейчас. На Пасху «разговелись» крашеными яйцами. Раза три за эту командировку выпил по стаканчику самогона. Самогон тут льется рекой.

Виды на урожай неважные. Не хватает семян, тягловой силы. Пашут на коровах, кое-где трактором. Большую помощь оказывает колхозникам Красная армия, давая лошадей для полевых работ.

Здесь очень бойкие и развязные молодухи и девчата. Говорят, большинство их «гуляли» с немцами. Это похоже на правду. То и дело слышишь такие рассказы. Вообще, предстоит еще крепкая чистка населения. Воображаю, что придется делать на Украине и в Белоруссии, где немцы пробыли не семь месяцев, как здесь, а куда больше. А так пока на посту председателей сельсоветов и колхозов часто стоят люди, работавшие у гитлеровцев. Мне рассказывали: в одном сельсовете председателем женщина, которая путалась с немецкими офицерами, каталась с ними на машинах, мало того, была специально ими подослана в концлагерь, где находились наши пленные.

Говорят, что есть приказ о том, чтобы шпионов и немецких наймитов не расстреливать, а вешать. При Особых отделах созданы специальные отряды ССШ – «Смерть, смерть шпионам» (!). Вводятся военно-полевые суды.

В полку, где я находился, при мне задержали немецкого полицейского. Двое бойцов с винтовками провели за хату, под соломенный навес, молодого паренька, по виду красноармейца. Стали обыскивать. Я подошел. Стройный мальчик, лет 17 – 18. Одет в вылинявшее летнее обмундирование (все еще ходят в зимнем), на голове фуражка с красным околышем (на фронте таких не носят). Явно – переодет. Лицо тонкое, умное. Держался спокойно. Допрос шел коллективно – я принял в нем участие. Мальчик не скрывал, что он был полицейским. Назначили якобы на созванном собрании сами немцы. Он убежал домой – за ним пришли, дали пощечин и заставили служить. Что он делал?

Охранял мост и следил за порядком.

– Почему же ты не убежал к партизанам? – спросил замполит полка.

– А где тут партизаны? У нас нет.

Но его тут же опровергли, указав, что партизаны действовали в километре отсюда.

Когда пришли наши, он очутился в Красной армии. По его словам, эшелон с его частью находится недалеко отсюда, он отпросился у командира заглянуть домой. Однако ни увольнительной записки, ни документов при нем не оказалось. Парень врал. Ясно было только одно: накануне он пришел к матери, живущей в этой деревне, переночевал, а на другой день крестьяне сообщили о нем командиру полка. Большой деревенский мешок, сверху заваленный темными калеными яйцами, стоял у ног парня – видно, мать готовила сына в дальний путь. Она все время кружилась около – высокая, сухая, с расширенными глазами, следя, что будет дальше.

Да, его обвиняли в предательстве. Похоже было, он и действительно не понимал всей тяжести своего преступления. Характерная деталь: он не говорил «пришли наши», а «пришли русские».

– Когда пришли русские…

Красная армия была для него столь же чужда, как и германская. А может быть, еще более. И этому отщепенцу 18 лет! И он родился и вырос в эпоху советских школ, колхозов, тракторов, комсомола… Его посадили в хлев, около двери встал часовой. Мать не уходила. Под вечер пригнали стадо, хозяйка хаты попросила освободить хлев для своей коровы. Двое красноармейцев вывели арестованного и вместе с ним пошли на зады, в овраг, где находилась яма – старый немецкий блиндаж. Я услышал дикие, истошные крики. Мать глядела вслед тем, кто с винтовками вел в овраг ее сына, и кричала. Мы подошли к ней, стали успокаивать, говоря, что никто и не собирается его расстреливать. Она и верила и не верила этому. Я никогда не видел, чтобы так трясло человека. Согнутая ее рука моталась перед животом, ноги дрожали, подгибались.

– Ведь он же совсем еще деточка… Ведь он ничего не понимает… Ой, начальнички… Ведь он деточка, – твердила она как в бреду.

Кто-то сказал угрюмо:

– Ничего не понимает… Деточка… Этот деточка не одного человека загубил.

На несчастную женщину прикрикнули, отослали домой.

Не знаю, огрубел я, что ли, но, право, ни одна струнка не

дрогнула бы у меня в душе, если б на моих глазах расстреляли этого парня.

Командиром другого полка был генерал-майор Розанов. Наголо бритая голова, золотые погоны, красные лампасы. Лицо грубое, энергичное и властное. Острый волевой взгляд. Свыше тридцати лет в строю, старый служака, типа Шевчука, но, видно, умнее и развитее его. (Кстати, покойный Шевчук был первым командиром этой дивизии. Говорят, крепко пил.)

Генерал – и командир полка! Явно, командир был из категории опальных. Впрочем, он этого не скрывал от нас – чуть ли не с первых слов сам упомянул о своей опале. Посмеялся над этим. Вообще, Розанов, похоже, принадлежал к типу генералов-балагуров.

Кроме него в комнате находилась молодая женщина в голубой кофточке. Она сидела с ногами на кровати, держа перед собой книжку. Лицо бледное и недоброе. Это была врач, фронтовая жена Розанова. Генеральские жены на фронте обычно врачи.

На столике стоял патефон. Розанов показал мне одну из пластинок. На бумажном чехле была надпись карандашом:

«Otto, не забывай свою Нину».

Пониже:

«Otto, du mein lieber»[1].

– Тут пропущено «bist», – сказал генерал. – Нужно: «Du bist mein lieber».

– Кто это писал?

Розанов усмехнулся:

– Ну, тот, кто писал, уже больше не гуляет.

Я был потом на его докладе, посвященном сталинградской операции. Командиры и политработники собрались в овраге, сидели на траве. Генерал пришел со своей подругой. Он был в папахе с алым верхом. «Генеральша» надела военную форму, штаны.

Доклад, живой и короткий, показал культуру и эрудицию автора, умение владеть словом.

В тот же день мы узнали, что генерал расстается с полком и уезжает в Москву. Опала кончилась. Перед тем Розанов командовал дивизией и получил понижение за неудачно проведенную операцию. Полк расставался с ним с искренним сожалением.

Пробыв три-четыре дня, Рокотянский и Пархоменко вернулись в редакцию. Я остался один, впредь до вызова. Это была, конечно, ссылка. Впрочем, против такой ссылки я нисколько не возражал. В свободные часы – а их было немало – я

начал писать одну из задуманных фронтовых новелл. Писалось очень туго, тяжело. Со страхом я чувствовал, как развратила и дисквалифицировала меня как писателя затянувшаяся армейская поденщина. А писать по-настоящему очень хочется. Уже пора. Уже чувствую долгожданный творческий зуд. Буду добиваться во что бы то ни стало перевода в Москву, в резерв.

Через несколько дней я узнал новость: дивизия снимается и уходит в распоряжение другой армии. Итак, весь собранный для газеты материал можно было выбросить. Дальнейшее мое пребывание делалось бессмысленным. Утром 3 мая в армию как раз шла машина. Я отказался от нее. Дело в том, что накануне, будучи в одном полку, я позабыл там свой мундштук – японский, слоновой кости. Жаль было его потерять, да и вообще мундштук – на фронте ценность. В эту минуту я понял Тараса Бульбу, рисковавшего собой ради потерянной люльки. Между тем машина шла по другому маршруту.

На машине я через два часа был бы дома. Но я отказался от соблазнительной перспективы и решил добираться своими силами. Решил по пути заглянуть в наградной отдел – выяснить о медали, в финчасть – относительно зарплаты за два месяца – и, возможно, к Горохову.

Как назло, погода резко переменилась. Серое небо, холодный ветер, мелкий осенний дождь. Под этим дождем, в густой черноземной грязи, прошагал я километров шесть. Дойдя до деревни, где был штаб полка, убедился, что мундштук исчез. Никто его здесь не видел. Итак, напрасно я мучился. Ничего не поделаешь, нужно было продолжать путь. За деревней, на дороге, стояло с полдюжины застрявших машин. Шофера возились в грязи, я имел случай убедиться, что курские дороги не уступают северо-западным. Забравшись в кабину, терпеливо просидел несколько часов, дожидаясь, пока машины двинутся наконец. К вечеру выяснилось, что ехать нет возможности – авось завтра погода улучшится и дорога немного подсохнет. Хорошо, что здесь деревни расположены одна за другой.

Я зашел в ближайшую хату и переночевал там. Дождь лил не переставая весь день и ночь. Назавтра погода прояснилась, выглянуло солнце. Старики хозяева угостили меня блинами с вареньем. Семилетняя курносенькая Светлана расспрашивала о Москве, «где живет Сталин», и была потрясена моим рассказом о метро. Москва, Кремль и Сталин сливались в ее представлении в одно целое. Она из Воронежа, отец рабочий, на фронте, мать погибла, наскочив на мину. Старики колхозники взяли сиротку на воспитание и ласково относятся к ней, славные люди. Отец не знает, где его дочь, дочь – где отец. Сколько таких растерявших

друг друга семей будет после войны!

Машины все еще стояли на черном большаке, перед тонким бревенчатым мостком. Я решил не дожидаться, пока они выкарабкаются из грязи, и двинулся дальше пешком. Еще восемь километров по грязи. В Суковкине мне повезло: на Касторную как раз отходили два паровоза. Я уселся в прицепленный сзади вагон и через полчаса сошел в Ново-Касторной. Еще два километра до сахарного завода, оттуда двенадцать до Семеновки, до Воложанчика то же.

У коменданта гарнизона я узнал, что финчасть нашей армии находится километрах в 6 – 8 отсюда, притом совсем в другой стороне. Итак, 12 – 16 километров туда и обратно. Нет, у меня не было ни времени, ни сил совершать сейчас такое путешествие, тем более что надежды на попутную машину были плохи. Нечего делать, опять месил грязь, фронтовой бродяга.

Километра три удалось проехать на подводе. Тут снова заволокло небо, начал стегать косой, с ветром и градом, леденящий дождь. Добрались до совхоза, весь мокрый забежал я в ближайшую хатку и переждал, пока проглянет солнце, стихнет ливень. Хозяйка рассказывала о немцах, падчерица ее толкла в деревянной дикарской ступе просо, пришедшие мальчишки в серых немецких мундирах с увлечением вспоминали бой, который видели. Разбитной мальчуган с ямками на щеках, смеясь, говорил:

– Едут немцы на подводе, нахлестывают почем зря. «Рус солдат – ком, германский солдат – трай-трай-трай». Так и говорили. Будь автомат или пулемет – всех бы тут скосил…

Последние восемь километров до Семеновки удалось сделать на машине, идущей как раз в политотдел.

Когда я вошел к Губареву, Москвитин шутя скомандовал:

– Встать!

Мне сообщили, что получили приказ о награждении и даже медаль. Тут же выяснил, что в Семеновке, под боком, организовано отделение финчасти.

Все дивизии, вошедшие было в нашу армию, уходят от нас. 53-й дают новые, укомплектованные части.

Сегодня, в День печати, получил медаль «За боевые заслуги». После обеда мы построились перед каменной школой – ныне там наша типография. Я, как всегда, правофланговый. Военачальник прочел перед строем выписку из приказа о награждении меня и Бахшиева. Нам вручили по коробочке с медалями. Комедия прошла не без торжественности.

По случаю Дня печати повар угощал нас праздничным обедом: суп из гороховых концентратов, селедка с картофельным

пюре и тушеная капуста с мясом. Лихорадочные поиски самогона ни к чему не привели…

7 мая. Получил извещение, что сборничек, который должен был выпустить СЗФ, – забракован ГлавПУРом. Мотивировка – газетность, поверхностность и отсутствие бумаги. Основное, конечно, – последнее.

Сюда были включены три очерка: о Зите Ганиевой, о Хандогине и о Соне Кулешовой.

Поверхностность?.. Можно подумать, фронтовые издательства печатают только Чехова и Мопассана. Сколько бездарной белиберды было выпущено в 41-м и 42-м годах. Очевидно, теперь спохватились. Мне везет: всегда попадаю не в точку! Оргвыводы: то, что я написал и напечатал за эти два года, – утильсырье. Кое-что годно для перепечатки. Но нужно писать заново и по-настоящему.

Из случайно попавших сюда номеров «Литературы и искусства» узнал о творческом совещании в ССП. Обычное словоблудие. Собрались окопавшиеся в тылу литературные охотники за пайками и всласть потрепались. О нас, фронтовых чернорабочих, вскользь упомянул один Эренбург.

И все же нечем хвастать нашей литературе. И все же настоящие книги о войне будут написаны потом. То, что сейчас появилось, – «Радуга» Василевской, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Фронт» Корнейчука и др., – все это полуфабрикат, сырое. Но иначе и не может быть!

8 мая. Тунис и Безерта взяты союзниками. С Северной Африкой покончено. На очереди Италия. Кажется, второй фронт становится реальной вещью.

Все еще бездельничаем, хотя газета и выходит. Прежние дивизии ушли, новые еще не пришли. Фронт от нас в двухстах километрах.

И все-таки летом здесь будут страшные битвы. Может быть, судьба войны решится именно в этих степях.

15 мая. Нота Молотова о массовом насильственном уводе наших людей в немецкое рабство.

Меня, в числе других, послали за «откликами» в инженерный батальон – километров за семь. Вместо того я отправился в деревушку в километре отсюда – в заградотряд. (Не все ли равно? Да к тому же практика меня убедила, что такой материал далеко не всегда идет.)

Подразделения находились в поле, на занятиях. Я поговорил

с командиром – он лежал на пригорке. Вскоре подошли два вызванных им взвода. Все с автоматами, большинство в орденах и медалях. Прекрасная выправка. Многие из них были под Сталинградом. Митинг. Командир (орден Красного Знамени) прочел вслух принесенную мной газету с текстом ноты. Слушали равнодушно, скучно, да и чтец, кстати сказать, был не Яхонтов. Потом выступление замполита. Казенные, штампованные, серые слова. Как не умеем мы говорить! Какая низкая словесная культура! 25 лет Россия говорит с трибуны – и все еще не вышла за пределы месткома. Сплошной всероссийский местком. Ни одного оратора не появилось за эти четверть века, кроме ныне покойных Луначарского, Троцкого и Кирова.

А ведь чувствовать можем. И как еще чувствуем! А выразить свои чувства и мысли… О, толстовский Аким с его «тае… тае…»!

27 мая. Новая перемена в моей фронтовой жизни. Сегодня, только что вернувшись из 299-й дивизии, я узнал, что должен срочно «убыть» в распоряжение округа. Сообщили мне об этом в отделе кадров. Любопытно, что даже в редакции ничего не знали. Горохов сам звонил в отдел кадров. Еще вчера оттуда прибегал за мной человек. В чем дело – не знаю. Если вздумают перебросить в другую армейскую газету, категорически потребую отправки в распоряжение ГлавПУРа.

Дивизия, где пробыли неделю, – боевая, сталинградская. На три четверти, конечно, истреблена. Пополнение – почти сплошь узбеки. Слабая дисциплина. Разболтанность. Познакомились с начальником штаба полка, старшим лейтенантом Конниковым. Интересное и славное лицо. Он был раньше в Московской Коммунистической (130-й), хорошо знает Пантелеева, Зибу Ганиеву, Фрадкина. Доброволец. Молодой режиссер, работал в Театре Ленинского Комсомола и Театре Красной армии. Ранен и тяжело контужен. Рассказывал много интересного о последних днях сталинградских боев.

Вечером, у нас в хате, мы отвели душу. Он слышал о моих «Снегах Финляндии». Так же, как и я, отметил ужасающе низкий культурный уровень нашего офицерства.

– Война развращает, – сказал он. Мои слова.

Был партизаном в студенческом отряде. Захватил в плен штаб немецкой дивизии. Представлен к ордену Ленина, но ранение, скитание по госпиталям, потом переброска на другой фронт прервали связь с дивизией. Так орден и повис в воздухе.

Это один из последних могикан эпохи добровольчества, первых героических месяцев войны. Теперь уже почти не осталось этих юношей и девушек. Перебиты. И народ в армии сейчас

совсем не тот.

Документы и толстый пакет с характеристикой на руках. Дополнительные сведения: Горохов был в округе, вернувшись, затребовал мое личное дело. Состав литработников окружной газеты далеко не укомплектован.

28 мая. Будучи в командировке, прочел в газете постановление о ликвидации Коминтерна. Давно пора. Мертворожденная, провалившаяся организация. Она оказалась бессильной и перед фашизмом, и перед мировой войной. Жизнь беспощадно ломает книжные теории. Но вместе с тем что теперь остается от коммунистической программы?

Роспуск Коминтерна – устранение последней преграды, мешающей открытию второго фронта. Черчилль и Рузвельт могут теперь спать спокойно.

ВКП(б) давно уже превратилась в своеобразный национал-социализм, – конечно, типично русский.

Видел окружную газету «Суворовский натиск». Серая слепая печать, бедность шрифтов, ни одного клише. И содержание под стать внешнему виду. Дарованиями редакция, видно, не блещет. Зато четыре полосы.

Материал главным образом посвящен боевой подготовке. Скука зеленая. Никакого сравнения с газетой «За родину». Моя задача – так или иначе побывать в Москве. Ведь я даже и на могиле папы не был. Если назначат в окружную газету, буду просить об отпуске, хоть бы на два-три дня. Если в армейскую – об отправке в распоряжение ГлавПУРа.

Конечно, в случае наступления окружная газета станет фронтовой и примет другой характер. Между прочим, член Военного совета округа – Мехлис. Старый газетчик, обращающий много внимания на работу литераторов. Гроза генералов всех родов службы.

Сижу в ожидании машины, которая должна меня подбросить на ст. Касторная. В 11 вечера оттуда идет рабочий поезд до Воронежа. Приеду часа в 3 ночи. Мучительные предстоят сутки.

Что-то меня ждет?

Машина ехала по редакционным делам в Касторную-Восточную. Мне нужно было в Касторную-Курскую, находящуюся рядом. Но в пути мои спутники – Пархоменко и др. – стали высчитывать, какой крюк они сделают, если «подбросят» меня, потом стали ссылаться на нехватку бензина – короче говоря, я плюнул, слез, не прощаясь, и пешком двинулся из одной Касторной в другую. Расстояние было километра два. Судьба мне улыбнулась, послав попутчиком одного ст. лейтенанта. Он был из

28-й Гвардейской, бывшей знаменитой на Северо-Западе, мисановской дивизии. Ехал тоже в округ, в отдел кадров. Славный и услужливый оказался парень – всю дорогу помогал мне нести проклятый чемодан, то и дело чередуясь.

Касторная-Курская – сплошные горы рыжего от ржавчины железа, бывшего вагонами, паровозами, немецкими машинами всех видов, цистернами, бочками.

Комендант помещался в отдельном маленьком заграничном вагончике с выпуклыми стенками, с дверями сбоку – прямо в купе. Он посоветовал мне расположиться на отдых подальше – в садике, под яблонями.

– Может быть неприятность. Почти каждый день прилетают.

Кто – было понятно. Впрочем, воздушная охрана этого района поставлена неплохо. Прозрачный, вечереющий, но еще знойный воздух гудел и скрежетал нашими патрулирующими «ястребками».

Часу в восьмом подали «пассажирский» поезд – он всего несколько дней как начал регулярно ходить между Касторной и Воронежем. Телячьи, совсем голые внутри вагоны – ни нар, ничего. Перед вагончиком коменданта томились с узлами и мешками крестьянки, девушки типа сельских учительниц, всякий убогий дорожный люд (снова ожил пильняковский «Голый год»), я обратил внимание на жалкую старушонку в салопе, в невероятно стоптанных валенках, в платке поверх старомодной шляпки. Она ходила, жуя что-то, вдоль состава, из сумки торчала бутылка с французской этикеткой «Коньяк» – видно, молочка на дорогу припасла старушка. С ней была наполовину парализованная, с трудом ковыляющая женщина. Она несла перекинутый через плечо двойной мешок, а в руке, кроме того, сумку. Нечего было и надеяться этим двум несчастным, беспомощным женщинам забраться в товарный вагон, куда с ревом и руганью перла толпа мешочников. Я понес вещи паралитички.

– Есть еще добрые люди на свете, – сказала старушка.

Потом я подсадил их кое-как в вагон, уже набитый народом. Моя шинель и майорские погоны сыграли свою роль: никто не думал протестовать.

После, когда я заглянул в вагон, желая проверить, как устроились мои подопечные, старушка крикнула мне:

– Как ваше имя?

– А что?

– Буду молиться за вас.

Жалко мне старух – всегда вспоминается бабушка.

Мы устроились неплохо. Я притащил в теплушку две доски, мой гвардеец – охапку соломы. Соорудили пышное ложе, прикрыв

его плащ-палатками.

Около 12 ночи поезд отошел. Впрочем, спал я плохо. Нервы гуляли. Все время мысли о том, что меня ждет, зачем меня вызывают, как действовать в той либо другой ситуации. На остановках – кромешная тьма, снаружи крики, ругань, плач женщин, в наш вагон лезут все новые и новые, и где-то совсем рядом гремят и щелкают соловьи.

Вместо обещанных комендантом четырех часов утра в Воронеж прибыли часов в семь.

Город превратился в развалины. Руины, голые стены многоэтажных домов, сквозящие пустыми окнами, следы пожарищ с печными трубами, совсем как в Помпее одиноко торчащие колоннады. Трамвай везет нас до нужного пункта. Но жаркое погожее утро, густая зелень уличных лип, чисто подметенный асфальт тротуаров и мостовых, оживленное движение, спокойные и деловитые лица встречных, не обращающих внимания на страшные разрушения вокруг, заставляют и тебя забывать об этом. Воронеж не произвел на меня того угнетающего, тяжелого впечатления, какое производили города, даже менее пострадавшие от войны.

Великая сила жизни чувствовалась вокруг. Ничего, что развалины. А все-таки живем и будем жить!

30 мая. События принимают фантастический оборот. Но нужно по порядку.

Вчера, в солнечную погоду, по быстро подсыхающей дороге машина доставила меня до Касторной-Восточной.

Дальнейший мой маршрут был таков: село Новая Усмань, районный центр, где расположился штаб округа (12 – 15 км), затем село Рыкань – политуправление (еще 12 км). С трудом забрались на машину, идущую до Новой Усмани. Туда вело шоссе. По нему то и дело проносились машины. Наглые тыловые шоферы не обращали ни малейшего внимания на умоляющие знаки, которые им делали напрасно ожидавшие у дороги командиры с мешками и чемоданами – мои собратья по положению. Шоферы в прифронтовом тылу предпочитают возить колхозниц-торговок. От них можно поживиться.

Вот и Новая Усмань. Этап за этапом одолеваю я новый свой путь. Нелепо растянутое на километры село не село, городок не городок. Снова (в который раз!) нужно брести со своим грузом два-три километра. Я так устал, дойдя наконец до регулировщика, что, усевшись у дороги, сознательно пропустил остановленную специально регулировщиком машину, которая шла в Рыкань. Черт с машиной, поеду на следующей. На второй,

на третьей… Эта случайность сыграла в дальнейшем большую роль.

Ко мне вскоре подбежал запыхавшийся гвардеец, который в Новой Усмани отстал несколько, занятый своими делами.

– Вам не нужно ехать в Рыкань. Оставайтесь здесь. С вами будет говорить Мехлис.

Оказалось следующее. Мой гвардеец в разговоре с начальством, к которому явился, сказал, что ехал из 53-й со мной.

– Майор Фибих? Мы его давно ждем. Догоните его, если успеете, и скажите, чтобы он дожидался приезда Мехлиса – он вернется вечером или завтра утром.

Я ничего не понимал. Сам Мехлис, перед которым все трепетало, Мехлис, в дни отступления 1941 года расстрелявший командующего 34-й армией, интересовался моим приездом, он желал лично со мной беседовать. В Рыкань я поеду уже после знакомства с членом Военного совета округа – как триумфатор, как почетный гость. А сейчас мне нужно было явиться к секретарю Военного совета.

В комендатуре, куда я зашел, оказывается, тоже давно меня ждали – даже пропуск был заранее готов. Положительно, я был популярной фигурой в округе.

На каждом шагу, у домиков и шлагбаумов, часовые. Браво приветствуют своими висящими на шее автоматами. Ребята вышколенные. Много золотых погон. Тыл!

Военный совет помещался в маленьком сером домике под деревьями, рядом с трехэтажным зданием бывшей школы. Секретарь Совета капитан Ромашевский произвел впечатление симпатичного, простого и культурного человека. Рассказал о себе, о бешеной энергии и работоспособности Мехлиса, о положении писателей на Калининском фронте, где он раньше служил.

Секретарь распорядился обеспечить меня помещением и питанием. Дал машину для перевозки моего багажа в общежитие, куда меня направили. Предложил даже дать что-нибудь почитать.

– Мехлис прилетит завтра часов в 11 – 12 утра. Тогда я вам сообщу. А пока отдыхайте.

Как на фронте все калейдоскопически – полчаса назад, обливаясь потом, брел я, фронтовой бродяга, по солнцепеку и тащил на себе тяжелый чемодан, тяжелый мешок и толстую шинель, с тоской мечтая о попутной машине. Сейчас я направлялся налегке в общежитие, где ждала мягкая койка и чистое белье, а позади меня шли два бойца из комендантской части и услужливо несли мои вещи. Впереди у меня был разговор с самим Мехлисом. Я шел по Новой Усмани, чувствуя себя победителем, знатным и уважаемым всеми лицом.

31 мая. В общежитии, в скуке ожидания. Домик в несколько комнат, раньше помещалось Райзо. Кроме коек, нет ничего. Постояльцев два-три. У двери часовой. Чисто.

Жаркий день, кучевые облака в синем небе. Доносится вороний грай. Иногда где-то глухо ревет немецкий мотор и начинают хлопать зенитки. Скука.

Мехлис пока не вернулся.

Взглянув на себя в зеркало, обнаружил: за эти три дня волнений, пути, питания кое-как я заметно похудел…

На этом записи в дневнике обрываются.

1 июня 1943 года писатель Фибих Даниил Владимирович был арестован и осужден по статье 58-10 ч. 2 УК РСФСР на 10 лет.

notes

Примечания

1

Отто, ты мой любимый (нем.).